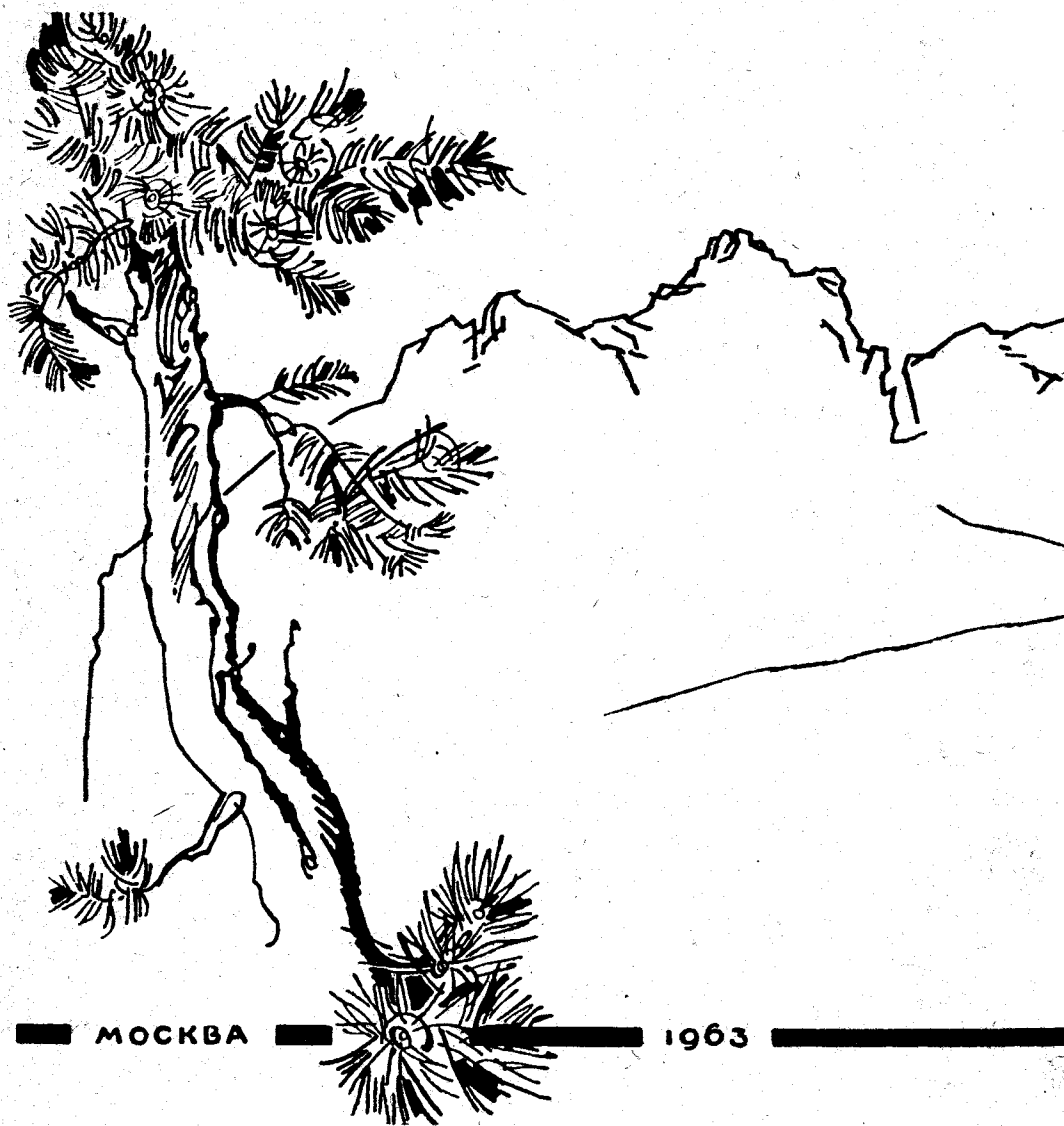

И. Завьялов

ГЕОЛОГИ ПРОДОЛЖАЮТ ПУТЬ

■ МОСКВА ■

1963 ■

И. Завьялов

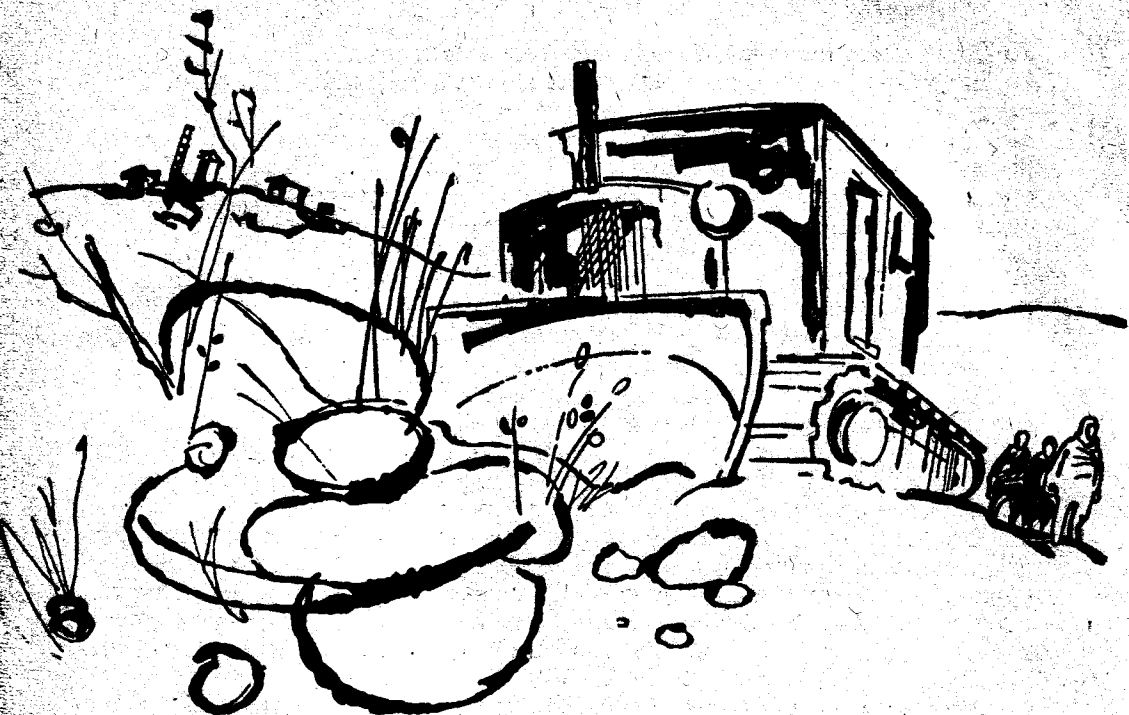

ГЕОЛОГИ ПРОДОЛЖАЮТ ПУТЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО СОВЕТСКАЯ РОССИЯ

Иннокентий Иванович Галченко, автор книги «Геологи продолжают путь», много лет проработал в далеком Колымо-Индигирском крае, участвуя в открытии его богатейших сокровищ. В 1958 году вышла в свет книга И. И. Галченко «Геологи идут на Север», повествующая о первых экспедициях на Колыму в тридцатых годах, о смелых советских людях, положивших начало освоению края.

Сегодня, когда советский народ борется за построение материально-технической базы коммунизма, масштабы геологических работ расширяются. Особенно большой размах приобретает разведка и разработка полезных ископаемых на дальнем Северо-Востоке. В книге «Геологи продолжают путь» завершается рассказ о развитии и преобразовании этого края, о его замечательных перспективах.

В третий раз на Колыму. Происхождение названия «Магадан». Будет новая интересная экспедиция! Планы Царегородского. Из истории сибирского золота. У директора Дальстроя Берзина. В пути!

I. В ИНДИГИРСКУЮ ТАЙГУ.

Глубокая осень.

Наш океанский пароход, основательно потрепанный свирепыми штормами в Охотском море, входит в тихую Нагаевскую бухту. Качка почти прекратилась. Повеселевшие пассажиры выбрались на свежий воздух, на палубу.

Все здесь мне знакомо: и крепкий солоноватый ветер, и белое ожерелье прибоя у подножия заснеженной горы, увенчанной зубчатой короной выветренных гранитных столбов — «останцев», и длинные ряды складов, и россыпь серых домиков на взгорье. А вот и новое: белеют свежерубленные деревянные пирсы — причалы порта.

Я в третий раз приезжаю сюда. Сейчас возвращаюсь из отпуска, с Большой земли. Со мною — молодая жена Наташа.

Вспоминаю прошлое, теперь уже такое далекое...

Впервые вступил я на Колымскую землю 8 сентября 1930 года. Тогда наш пароход, не дойдя полкилометра до берега, бросил якорь на рейде в бухте Нагаева. На катере мы перебрались на берег и прежде всего выбрали сухое место на косогоре. Тут поставили бязевую палатку. Рядом, среди редких кустов стланика и тонкоствольных лиственниц, белели десятки таких же палаток. Неподалеку тянулись штабеля грузов «Союззолота».

Вот и весь тогдашний «населенный пункт» на берегу Нагаевской бухты.

Привел меня сюда случай. В Иркутске, подыскивая себе работу, я встретил моего старого знакомого по Алданским приискам Сергея Дмитриевича Раковского (человека прекрасной романтической судьбы, впоследствии так много сделавшего для освоения Северо-Востока). Он тогда уже проработал почти два года на Колыме в экспедиции Юрия Александровича Билибина, участвовал в открытии ряда месторождений золота и вербовал людей на прииски.

Я принял предложение Раковского поступить в «Союззолото» поисковиком-разведчиком и в конце сентября уже пробирался с небольшой группой товарищей по тайге за Яблоновым хребтом. Груз везли на лошадях, вьюками. Вскоре выпал глубокий снег, мы завязли в бездорожье и целых два месяца ждали, когда замерзнут реки и установится зимний путь.

Так началось мое знакомство с Колымским краем, начались странствия и приключения. В ту же зиму пришлось, бросив все другие дела, везти на оленях съестные припасы для рабочих дальних приисков, там не хватило продовольствия. Пришлось пережить горечь не оправдавшей ожиданий разведки. Я постепенно втягивался в полную неожиданностей и трудностей жизнь таежного скитальца — разведчика недр. И чем дальше, тем больше стал понимать и ценить своеобразную увлекательную романтику этой жизни, творческую радость открытий, побед над дикой природой.

Летом я работал в партии начальника геологической экспедиции Валентина Александровича Цареградского. Возвращаясь на базу экспедиции, я встретился у порогов на реке Бохапче с одной из поисковых партий экспедиции Билибина. Начальником этой партии была Наташа Наумова, молодой геолог, впервые работавшая самостоятельно. Перед ней я чувствовал себя бывалым таежником, опытным разведчиком богатств сурового края. Вскоре ей действительно очень пригодился мой опыт: я помог ей вести поиски в районе левых притоков реки Колымы.

А зимой, работая в очень трудных условиях, мы провели успешную разведку в верховьях реки Оротукан. На базе наших изысканий открылось новое управление Дальстроя.

Мы очень подружились с Наташей. Впоследствии она стала моей женой.

Весной 1931 года я уехал в свой первый отпуск — на «материк».

Возвращение в Нагаево также не обошлось без приключений. Был уже декабрь. В Охотском море, как и полагается в это время года, бушевали штормы. Когда наш пароход наконец вошел в Нагаевскую бухту, ни одно рейдовое судно не вышло встречать нас. В бинокль было видно, как по берегу вдоль кромки льда бегали люди, суетились, размахивали руками. С парохода послали к ним шлюпку. Когда она вернулась, на борт поднялся начальник порта и доложил прибывшему с нами директору Дальстроя, что... штормом унесло в море все портовые «плавсредства» — катера и баржи: разгружать пришедшие суда нечем.

Тут же было принято смелое решение: пароходам подойти к берегу и вмёрзнуть в лед. На лед же и производить выгрузку.

Так и сделали. Пароходы разгрузились и ушли во Владивосток.

После этого случая начали спешно строить причалы в бухте Нагаева. Весной, когда я уезжал в Верхне-Колымскую геологопоисковую экспедицию, строительство порта уже заканчивалось.

Из бухты Нагаева в глубь тайги мы ехали с непривычными тогда для нас, колымчан, удобствами и скоростью — на автомобилях: были проложены первые полтора-два километра дороги. Дальше, по бездорожью, экспедицию везли тракторы. Техника пришла на далекий Северо-Восток!

Но еще немало пришлось мне и моим спутникам пострадать в тайге, по горам и снегам на оленях, на лошадях, поплавать на старозаветных сибирских речных судах — кунгасах, подчас с большим риском преодолевая пороги и стремнины. Пришлось и померзнуть в жгуче-стылые ночи, когда термометр показывает минус 50 градусов и ниже, помокнуть в болотах, повоевать с неисчислимыми летучими полчищами неотвязного таежного «гноуса» — комара и мошкары...

И все же чудесные, славные это были годы! Наша маленькая поисковая партия — никогда не унывающий, самоуверенный Мика Асов (про-раб), молчаливый, медлительный Александр Егоров (промывальщик) и я — прошла огромный путь от Верхне-Колымска до Колымских приисков и далее до бухты Нагаева. Мы «обработали» притоки реки Неры, плоскогорье Улахан-Чистай в самой недоступной части хребта Черского и нашли там не одно месторождение золота. Мы гордились тем, что стерли с карты Родины огромное белое пятно!

А потом — дальний путь в Москву, обработка материалов экспедиции, отдых на юге и возвращение в ставший родным Колымский край.

...

Пароход причалил к пирсу. Переждав сутолоку высадки нетерпеливых пассажиров, мы спокойно сошли на берег.

Мы — это я с женой Наташей и наши попутчики по Транссибирской магистрали и по мореплаванию Татьяна Васильевна и Николай Степанович Рябовы, супруги. Она — врач, он — инженер-строитель.

В открытой грузовой машине по прекрасному шоссе нас везут в Магадан.

— А ведь это большой город! — удивляется Татьяна Васильевна.

С пригорка перед нами открываются ряды двухэтажных стандартных щитовых домов, одноэтажных зданий всех размеров и фасонов, складов и сараев. По правому пологому берегу реки Магаданки дома и домишки разбросаны в беспорядке. Белеет по увалам недавно выпавший первый снежок. Сизый дым поднимается из труб и полупрозрачной пеленой медленно плывет по широкой долине реки к синему морю.

Так выглядел Магадан осенью 1936 года.

Машина, скрипнув тормозами, останавливается у нового одноэтажного стандартного дома. Нам, четверым, отводят одну комнату.

— Располагайтесь, чувствуйте себя как дома, — говорит дежурный по общежитию. — Холодно, правда, и сыро: дом-то вчера только собирать закончили. А вы печку затопите и тепло будет. Побегу сообщить насчет топчанов!

Растапливаем печку. Я вспоминаю наши разговоры в дороге — и в поезде, и на пароходе. Экспансивная Татьяна Васильевна взволнованно говорила:

— ...Все у нас с моим Николаем Степановичем получается как-то не по-людски! Обычно мужья стремятся во всякие дальние края, а жены их удерживают: подавай им, дескать, уют, хорошую квартиру с ванной и тому подобное. А у нас все наоборот. Я по путевке еду врачом в Якутию, в Средне-Колымск и тащу с собой муженька в тайгу. Уговорила... И что же выходит? Выехали на зиму глядя. Как будем добираться до места?..

Теперь мы уже точно знаем, что река Колыма замерзла, и до следующей навигации нашим спутникам в Средне-Колымск никак не попасть.

Добродушный, неторопливый Николай Степанович греется у печи, он спокоен.

— Ну, что ж, Таянка, здесь поработаем. Врачу и строителю дело везде найдется.

— А вот что, дорогие друзья, — советую я, — договаривайтесь с Дальстроем да отправляйтесь с нами вместе в экспедицию, на Индигирку. Это поинтереснее вашего Средне-Колымска.

— Правда, Таянка, чудесно было бы вместе работать! — поддерживает меня Наташа.

Обедаем в большом, недавно открытом ресторане. С его террасы открывается панорама Магадана. Широкое, прямое как стрела Колым-

ское шоссе, пересекая город и речку, скрывается за гребнем горы. Оно манит: вдаль, в тайгу!

— Откуда взялось название «Магадан»?— спрашивает меня Рябов.— Наверно, оно что-нибудь значит по-якутски, по-эвенски?

— Есть предположение, будто это название произошло от эвенского слова «монгодан», что значит «морские наносы»,— объясняю я.— И, действительно, так называли охотники-эвены каменистые берега бухты Нагаева. Но есть и другая версия, я бы сказал — более поэтическая. Мне ее рассказали местные старожилы.

— Это было в конце прошлого века. В то время долина речки, которую теперь называют Магаданкой, служила для кочующих эвенов-оленьеводов летним стойбищем. Место было удобное: оленьего корма вдоволь, морской ветер смягчает жару, отгоняет оводов и гнус. Орочи (так тогда называли эвенов) ловили рыбу, применяя примитивное орудие — шест с загнутым гвоздем на конце, промышляли морского зверя. После тяжелого зимнего кочевья люди отдыхали. Молодые парни присматривали невест.

Десятки конусообразных чумов-урас, белея на солнце, ярко выделялись на фоне зелени. В вечерний час все урасы дымились: это женщины готовили пищу.

В большой урасе богатого оленевода Хабарова пили чай. В стороне, не принимая участия в разговоре, сидел бедный эвен с женой и детьми, живший на отшибе в маленькой дырявой урасе. Его прозвали Магда, что означает — трухлявый пенек.

Магда был настолько беден, что не имел своих оленей.

В тот вечер Магда был особенно задумчив. Когда сидевшие в юрте собрались расходиться, Магда тяжело поднялся и, остановив взгляд на богаче Хабарове, сказал:

— Я беден, оленей не имею, чтобы кочевать с вами, для пушного промысла стар. Быть вам в тягость и зависеть от вас не хочу.

— Что же ты, Магда, умирать собрался?

— Нет, умирать рано: у меня семья,— ответил Магда,— я остаюсь здесь, на этом ручье. Буду жить у морского берега, питаться рыбой, морским зверем. Вам буду давать нерпичий жир, нерпичьи шкурки — на подошвы для торбазов, а вы взамен дадите мне оленье мясо.

На следующий день, сняв свою убогую урасу с дырявыми, почерневшими от старости шкурами, перекочевал Магда на берег моря, к самому устью речки.

Наступила осень. Олени по привычке, не ожидая хозяев, двинулись в тайгу, на зимние корма. За ними откочевало и все летнее стойбище.

Магда остался один со своей семьей. Засвистели зимние ветры, занесло снегом построенную им избушку...

Мужественно переносил первую зиму Магда, питаясь с женой и детьми запасенной летом рыбой и нерпичьим жиром.

Шли годы. Магда продолжал жить на берегу моря. Кочевые эвены дали речке имя первого здесь постоянного поселенца. Зимой мимо избушки проезжали на собаках жители поселков Ола и Тауйск. Они по-своему переименовали имя Магды, называя постаревшего хозяина избушки кто Магдыгой, кто Магдагой, кто Магаданом. Последнее слово закрепилось в записях, дав имя новому городу Магадану.

Магда умер. Избушку его я видел осенью 1930 года.

• • •

— Вот и чудесно, что вы вернулись из отпуска, — сказал мне главный геолог Дальстроя Цареградский. — Только вчера директор подписал приказ об организации новой Индигирской геолого-разведочной экспедиции. Были, правда, возражения со стороны горного управления. Горняки считают, что с освоением и геологической съемкой бассейна Индигирки справятся своими силами...

От Цареградского я узнал, что летом, пока в Ленинграде обрабатывали материалы Верхне-Колымской экспедиции, горное управление послало на территорию рекогносцировочных работ нашей партии «стотысячную»¹ партию в составе 23 человек. Была произведена более детальная геологическая съемка, подтвердившая наши поисковые данные. Новых месторождений золота, правда, не нашли, но с очевидностью доказали необходимость дальнейших работ. Стало ясно, что Колымская рудоносная зона простирается на бассейн реки Индигирки.

Цареградскому удалось доказать дирекции Дальстроя, что освоение бассейна Индигирки горнякам не под силу; они с трудом справляются с изучением уже открытых месторождений.

— И вот приказ об организации экспедиции подписан, надо его выполнять... — Цареградский подошел к большой — во всю стену кабинета — карте. — Помню ваше согласие и рассчитываю на вас. Работу мы организуем так: зимой создадим две базы, одну вот здесь, в конце строящейся трассы на реке Берелёх, а вторую на Нере, притоке Индигирки. На базах построим склады, подвезем туда грузы, подготовим зимние посадочные площадки для самолетов, развернем радиостанции, чтобы связь была оперативнее... Довольно пешим порядком, да на олешках и собачках по тайге передвигаться. Пора технику использовать, быстрокрылые самолеты... Весной перебросим на Индигирку геологов, а летом начнем работы широким фронтом. Те, кто с камеральных работ вернулись, займутся на приисках зимней разведкой. Вам я думаю поручить

¹ «Стотысячными» геологи называют партии, производящие съемку масштаба 1:100 000, то есть в одном сантиметре — один километр. — *Прим. автора.*

организацию Нерской базы. Вы с этими местами знакомы. Летом базы сдадите и продолжите поисковые работы... Вот только кого назначить на Берелёхскую базу?

У меня мелькнула мысль о Рябове.

— Есть одно предложение, Валентин Александрович...

Я рассказал о молодом строителе и его жене — враче.

— Ну, что ж, такие люди в экспедиции нужны, — сказал Цареградский. — Пусть завтра зайдут ко мне.

На этом разговор закончился.

Возвратившись домой, я застал Рябовых расстроенными и огорченными.

— По вашему совету я была у начальника санчасти треста, — рассказала Татьяна Васильевна. — Этаким толстый, обрюзгший старик. Рассказала я ему о нашем положении, просмотрел он документы и говорит: «Очень жаль, что вы не можете добраться до места назначения. А мы принять вас врачом не можем. У нас все штатные единицы заполнены. В тайгу на трассу вас неопытного молодого врача, женщину, посылать нельзя. Знаете, в каких тяжелых условиях там придется работать?..» А сам в глаза мне не смотрит.

Я рассказал Рябовым о своей беседе с главным геологом, и супруги повеселели.

Вечером в нашей, уже обжитой, ставшей уютной (стараниями наших жен) комнате, Татьяна Васильевна воодушевленно строит планы на будущее, вспоминает прошлое:

— В детстве я мечтала стать врачом. И обязательно поехать куда-нибудь в дальние края, лечить там людей. Хорошо бы побывать на Камчатке, увидеть огнедышащие вулканы, зимой искупаться там в горячих ключах. Поплывать по Тихому океану. Поездить на оленях или собаках по тундре у полюса холода — Верхоянска. Анадырь, Колыма, Индигирка... сколько в этих названиях романтики! И вот сбываются мои мечты. Не без трудностей, не без огорчений, но сбываются...

• • •

Через несколько дней мы с Рябовыми уже бегаем по секторам отдела снабжения, отдела кадров, по складам.

На правом берегу Магаданки, близ Колымского шоссе, рядом с двухэтажным зданием дирекции треста стоит большая брезентовая палатка. Здесь — походный штаб нашей экспедиции.

Уезжает на прииски мой старый спутник по таежным скитаниям Мика Асов. С ним — его жена и другие геологи, участники наших прежних экспедиций.

— Весной все будем на Индигирке! — кричит он из кузова грузовика. — Жди!

И машина трогается в путь.

— Товарищ начальник, на что это похоже! — жалуется мне наш экспедиционный снабженец, показывая кипу фактур. — Пошел я на склады получать грузы... И что же! Все вычеркивают. Вместо хороших продуктов и снаряжения суют всякую заваль: на тебе, боже, что нам не гоже!

Возмущенный, вхожу в кабинет начальника снабжения треста — «самого» Раскевича, невозмутимого толстяка, сидящего за монументальным письменным столом.

— Не можем, товарищ геолог, выписать. Всё забронировано для приисков, — разводит он короткими волосатыми руками. — Не могу нарушить разнарядки.

Сказав на прощание несколько «теплых слов», покидаю роскошный кабинет, отделенный от приемной тамбурчиком с двумя дверями.

— Валентин Александрович, снабженцы режут экспедицию под корень! — с горечью рассказываю я Цареградскому.

— Ничего, сейчас все наладим, — скрывая раздражение, говорит он. — Доложу директору. Он кабинетным деятелям быстро проветривает мозги. Он им объяснит, почему геологов нужно снабжать в первую очередь.

Валентин Александрович уходит и через полчаса возвращается довольный.

— Вопрос улажен. Вот вам распоряжение за подписью директора. Экспедицию будут снабжать в первую очередь всем необходимым.

И с этого дня вся подготовка идет как по маслу.

— Я все до последнего пинцета и порошочка получила из санчасти для будущего медпункта, — рассказывает Татьяна Васильевна.

Приказом по экспедиции она назначена врачом.

— А я уже получил все материалы для строительства, тоже до последнего гвоздика, — добавляет Рябов. — Сегодня получены из промкомбината утепленные войлоком налатки, заказанные по моему эскизу. В них наши хозяйки будут чувствовать себя как дома.

— Я тоже могу доложить о полной готовности, — рапортует Наташа. — Картографические и прочие материалы для экспедиции из геофонда треста получены. Сделаны из отчетов выкопировки и выписки. Копия вашего отчета, товарищ начальник, о работе в бассейне реки Неры также имеется. В общем, можем двигаться в тайгу.

...

Мы едем искать золото. Поэтому уместно, как мне кажется, вспомнить важнейшие факты из истории его добычи в нашей стране.

История добычи золота в дореволюционной России — это история случайных открытий, примитивного, плохо оснащенного промысла, хищ-

нического разграбления недр земли и безудержной эксплуатации рабочих и «старателей».

Начало золотому промыслу в России было положено на Урале. Драгоценный металл здесь впервые нашел в первой половине XVIII века некий Ерофей Марков. Находка была случайной: он искал горный хрусталь и ему попался кусок кварца с прожилками и крупинками золота.

Добычей ископаемых тогда ведала казенная Горная канцелярия. По ее распоряжению место, указанное Марковым, было обследовано. Золота не обнаружили.

Много бед испытал первооткрыватель прежде чем ему удалось в 1747 году вместе с пробирным мастером Рюминым вновь «открыть» Березовское рудное месторождение, установить наличие здесь золота и начать добычу. (Продолжается она и в наше время).

Вскоре было найдено золото и на Алтае. Но до 1820 года золотой промысел в России развивался крайне медленно; добыча была монополией казны.

В 1812 году разрешили промышленать золото частным лицам. Золотая лихорадка стремительно распространилась по Сибири. Золото было найдено в Енисейской тайге, в Кузнецком Алатау, в Забайкалье. В 1843 году богатейшие россыпи обнаружили у притоков Лены — Витима и Олёкмы.

Иркутский купец Трапезников увидел в руках у одного эвенка золотой самородок. Эвенк не знал о ценности золота и указал купцу место, где его нашел. Трапезников начал добычу на реке Хомолхо, в бассейне Лены.

Множество искателей легкой наживы ринулось в тайгу. Были открыты богатые россыпи по реке Бодайбо.

Первое время золото на Лене добывали мелкие промышленники. Их вытеснили богатые иркутские купцы и петербургские банкиры. Им в свою очередь пришлось отступить перед английскими капиталистами. К 1910 году все прииски на Лене были захвачены английской компанией «Лена-голдфилдс». Британские золотопромышленники жестоко эксплуатировали рабочих.

Одно за другим открывались месторождения золота в Баргузинской тайге, в Якутии, Казахстане, на Дальнем Востоке, в Приамурском крае, по рекам Зее, Селемдже, Бурее и Амгуни. Начали промышленать золото в Приморье и близ Охотска.

Предприниматели-капиталисты хищнически вырабатывали месторождения. Огромные барыши они получали не только от добычи золота, но и от торговли. Хозяева продавали продукты и товары по непомерно высоким ценам, обмеривали и обвешивали покупателей-рабочих. Скучного заработка рабочим и старателям не хватало, и они постоянно находились в кабальном долгу у промышленников.

Отсталая техника и хищничество предпринимателей тормозили развитие золотодобычи в России. Своих машин для разработки месторождений не было; все оборудование приисков покупали за границей.

В годы первой мировой войны полукустарный золотой промысел в России стал быстро падать. Гражданская война привела его в состояние полной разрухи. Шахты были затоплены, оборудование поломано, растащено, геолого-разведочные материалы затеряны или расхищены. К концу гражданской войны бездействовало более половины всех промысловых предприятий, остальные добывали ничтожное количество золота.

С победой и укреплением Советской власти золотая промышленность начинает стремительно развиваться. Она служит делу социализма, укреплению экономики и оборонной мощи Родины, подъему благосостояния народа.

Быстрым темпом шло восстановление приисков и рудников. Разрозненные предприятия объединялись в тресты. Все руководство ими сосредоточивалось в «Союззолоте». Началась массовая механизация добычи золота: строились драги, гидравлические устройства.

С каждым годом шире становился размах геолого-поисковых и разведочных работ. Были открыты богатые Алданские золотые прииски. Они послужили своеобразной школой геологов-искателей и разведчиков. Здесь проходили студенческую практику и работали геологи-поисковики, ставшие впоследствии выдающимися специалистами. Среди них лауреаты Государственной премии Ю. А. Билибин, В. А. Цареградский, С. Д. Раковский, П. М. Шумилов, Б. И. Вронский и другие.

Здесь молодой талантливый геолог Юрий Александрович Билибин, возглавляя разведочные работы, заложил основы нового метода геолого-поисковых и разведочных работ. В дальнейшем этот метод широко и успешно применялся на Колыме и на всем Северо-Востоке.

Работая на Алданских приисках, Билибин решительно выступил против принятой в «Алданзолоте» сплошной площадной разведки всех ключей и речек изучаемого района. Учитывая геологическое строение и поисковые данные, он отказался от разведки почти 75 процентов объектов, доказав теоретически и практически ее ненужность. Тем самым была достигнута огромная экономия государственных средств.

Тогда же на Алдане Билибин неожиданно получил предложение от концессии «Лена-голдфилдс» занять в этом предприятии должность главного геолога с весьма солидным окладом. Молодой советский инженер отклонил это предложение. Он предпочел заняться исследованиями на Колыме, искать там полезные ископаемые на благо Родины.

На Алданских же приисках, по поручению Ю. А. Билибина, был набран С. Д. Раковским весь личный состав Колымской экспедиции. Она

в 1928—1929 годах положила начало освоению богатейших россыпных месторождений.

Наша новая Индигирская экспедиция выступала в поход, на передний край борьбы за дальнейшее ускоренное развитие отечественной золотопромышленности.

• • •

В сборах незаметно прошел месяц.

В один из последних дней ноября мы, участники экспедиции, собрались в кабинете директора треста Дальстрой Эдуарда Петровича Берзина.

Высокий, крупный, одетый по-военному, он встречает нас вопросом:

— Ну как, снабженцы вас теперь не обижают?

И, едва закончив разговор о значении Индигирской экспедиции и ее организации, возвращается к вопросу о снабжении, о том, как надо беречь людей, заботиться о них.

— Не забывайте о теплой одежде,— говорит он.— Все, что нужно, заказывайте в нашем промкомбинате. Надо, чтобы у вас не получилось так, как со мною в первую зиму на Колыме. Тогда я решил: использую передовую технику, на вездеходе новой конструкции без дороги быстро проеду от бухты Нагаева до прииска Средникан. А техника-то подвела. Застрял мой вездеход в снегу. Мороз — под пятьдесят! Я со своими спутниками дрожу в обледеневшей кабине — все мы в одних шинелях. Даже печки железной и палатки, горе-таежники, не захватили с собой. У костра от обмороживания спасались. Олени тогда вывезли нас из тайги... Теперь я сшил себе всю таежную теплую одежду: кухлянку, пыжиковые брюки, торбаза меховые — без них в тайгу ни шагу!

«Что-то нас ожидает в Индигирской экспедиции? — думаю я.— Там ведь трудности исключительные. Безлюдная, малоснежная тайга, раскинувшаяся на сотни километров в районе северного полюса холода. Ежедневные поездки, ночевки в бязевых палатках при жгучем морозе в 60 градусов и ниже! А наледи... Вода, выдавленная морозом на поверхность льда, бежит тебе навстречу, дымясь и искрясь. Вот, поди, преодолеть ее!».

Я смотрю на бритую голову Берзина, на его аккуратно подстриженную темно-русую бороду и вспоминаю его неожиданное появление на Колыме.

Это было в феврале 1932 года. Ледокол «Литке» пробивался через морские льды в бухту Нагаева. Пройтись, казалось, невозможно. Берзин решил: пройдем — и принял на себя всю ответственность. Не хватило топлива. Сожгли в топках мебель и добрались до Нагаева. Так были доставлены необходимые грузы для Дальстроя, работники и дирекция треста.

Зимой 1931—1932 года в тайге, на приисках, горняки и разведчики жестоко голодали. Однако весной начали регулярно доставлять нам продовольствие, и мы почувствовали, что новое руководство энергично наводит порядок в деле снабжения.

Тракторами пробили дорогу за Яблонный хребет, организовали здесь перевалку грузов и доставляли их дальше в тайгу на оленях и лошадях.

Припомнил я и первые встречи с новым директором, заботливым, готовым помочь, быстро решавшим самые разнообразные вопросы, в том числе и личные, бытовые.

На защитного цвета гимнастерке Берзина прикреплены ордена. Их тогда имели еще очень немногие.

В начале гражданской войны Эдуард Берзин был командиром первого легкого артиллерийского дивизиона латышской стрелковой дивизии. В 1918 году английский посол Локкарт и шпион Рейли вместе с группой контрреволюционеров хотели подкупить его, обещав пять миллионов рублей за то, чтобы он подговорил латышей, несших службу по охране Кремля, поднять восстание против Советской власти и арестовать Ленина и правительство. Преданный революции Берзин разоблачил заговорщиков, и они были разгромлены.

Впоследствии оказавшиеся за границей Локкарт и Рейли грозились пустить в ход любые средства, чтобы отомстить Берзину.

Артиллерийский дивизион под командованием Эдуарда Петровича всю гражданскую войну сражался за власть Советов на Западном, Юго-Западном и Восточном фронтах.

Когда закончилась гражданская война, Берзина перевели на хозяйственную работу. Он был начальником строительства Вишерского бумажного комбината. По окончании строительства его вызвали в Москву Совет Труда и Оборона назначил его директором вновь организованного Государственного треста по промышленному и дорожному строительству в районе Верхней Колымы — Дальстрой.

За пять лет планомерной работы дружного коллектива под руководством упорного и самоотверженного Эдуарда Петровича дальний Северо-Восток стал краем неутомимой стройки. Автомобильная дорога — путь к богатствам Колымы — что ни год, продвигалась на двести километров к северу. Все вновь возникающие предприятия связывались с побережьем.

— ...Добро! — закончил совещание директор. — В начале декабря выделим для экспедиции транспорт. Перебрасывайте грузы на Берелёх и двигайтесь дальше, к Индигирке, на оленях. Все ископаемые, какие там откроете, будут нужны для выполнения пятилеток. Желаю успеха!

* * *

Вечером пятого декабря в темноте заканчиваем погрузку последней машины. Шесть трехтонок с грузами и людьми ушли в тайгу еще до обеда.

Я и Рябов помогаем взобраться в кузов нашим одетым в ватные брюки и меховые дохи дамам. Устраиваем их потеплее, в передней части кузова, поближе к кабине. Прощаемся с остающимися работниками экспедиции. Машина трогается.

— Вот мы наконец и поехали в тайгу. Закончились наши сборы и беготня, — удовлетворенно отмечает Наташа.

Дует встречный, пока еще теплый ветер. Однако с каждым десятком километров он становится холоднее.

Ночь непроглядно темна. Нас в машине то и дело потряхивает: едем быстро.

Вот и поселок Палатка. Отогреваемся, пьем в столовой горячий чай.

В три часа ночи подъезжаем к поселку Атка, что в двухстах восьми километрах от Магадана. Перед этим переваливаем через Яблоновый хребет.

— Пять лет назад, — говорю я Рябову, — мне удалось проделать этот же путь на собаках за двое суток. Я тогда гордился скоростью передвижения. А теперь нам потребовалось всего восемь часов...

Едем дальше. Встречный ветер уже очень холоден. В поселке Атка термометр показывает 45 градусов ниже нуля.

Спим в спальных мешках из оленьих шкур.

В глубь тайги. Старые знакомые. Трудная дорога на оленях. Встреча Нового года. В Якутии. Неожиданное распоряжение. Новое поручение. Опять перемена: Индигирская экспедиция состоится! Летом в тайге.

II. НЕЖДАНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ

Утро. Наша машина бежит по отличной дороге, проложенной по правому берегу реки Оротукан. Везде кипит жизнь. Идет разведка и строительство новых предприятий.

А давно ли я с двумя десятками разведчиков впервые шел по этой долине по колено в снегу и ледяной воде!

Вечером мы уже на Спорненской автобазе. В конторе диспетчер разводит руками и огорченно покачивает головой.

— Все машины заняты переброской взрывчатки для горняков. Только дня через два сумею предоставить вам транспорт. А пока располагайтесь в гостинице, отдыхайте.

Что ж делать? Располагаемся, отдыхаем.

Через два дня продолжаем путь. Осторожно спускаемся на лед и пересекаем скованную морозом реку Колыму.

Ночью проезжаем освещенный электричеством поселок Ягодный, центр строителей автотрассы. Он живописно разбросан среди березовых рощ. Опустив ветки, в серебряных кружевах куржака стоят березы, не шелохнувшись, переливаясь искорками при лунном и электрическом свете. Из труб занесенных снегом домиков поднимаются к небу столбы дыма. Все спят — и люди и собаки, укрывшись в тепле от мороза.

За поселком трасса раздваивается. Направо она идет до Северного горного управления. Мы едем налево, по строящейся трассе. Едем целый день.

— Обедаем в последней трассовской столовой, — предупреждает наш шофер. — Дальше их нет.

К вечеру, с трудом перевалив через крутой перевал, мы попадаем в бассейн Берелёха.

Дорога местами идет по каким-то кочкам. Груз в кузове прыгает и разъезжается. Еле гнушимися от мороза руками привязываем его покрепче.

Спускаемся на реку и мчимся, как по асфальту, объезжая дымящиеся паром наледи.

— Сюда! Сюда подавай машину! — слышу я голос нашего завхоза из темноты. Прямо на снегу лежат наши грузы.

— Ну вот и началась наша таежная жизнь, — говорит Наташа, выбравшись с моей помощью из кузова машины.

— Здесь даже захудалого домишки нет! — растерянно озирается Татьяна Васильевна.

— Ничего, дома построим, Тайнка, на то мы и строители, — ободряет ее муж, приступая со мной и с рабочими к установке палатки и ее оборудованию.

На следующий день я отправляюсь в оленеводческий совхоз, расположенный в полутора километрах от нашей базы. Подхожу к низеньким, без крыш, зимовьям. Близ склада стоит под погрузкой с десятков оленьих упряжек. Около нарт я встречаю озабоченного Петра Лунева, моего старого таежного спутника.

— Сколько лет, сколько зим не виделись! — здоровается он. — Слышал, на Индигирку едете. Не иначе, за олешками по мою душу пришли. Я ведь в тресте оленьим транспортом заведую. Идите ко мне в контору. Осенью сюда перекочевал с Ягодного. Успел хозяйством обзавестись. Склад, баню, пекарню, чайную и несколько домиков для жилья сру-

бил, — говорит он, показывая на неказистые постройки. — У меня ушло в тайгу триста нарт с грузом. Оленей нет, подойдут только дней через десять.

В ожидании обещанного транспорта время проходит в напряженной работе по устройству Берелёхской базы. С каждым днем все больше больных приходит к нам в палатку. Узнали, что среди нас есть врач, и идут со всех организаций треста, работающих в долине Берелёха.

— У нас с Наташей прием пациентов, как в большой больнице, — отмечает Татьяна Васильевна.

Частенько нам с Рябовым приходится выходить из палатки на мороз: мешаем принимать больных. Наконец, договариваемся с Луневым, и он отгораживает в чайной уголок для медпункта.

Ежедневно поздно вечером мы с Наташей слушаем один и тот же разговор:

— Опять, Таянка, ты целый день до ночи голодная с больными возилась. Нельзя же так. Надолго ли тебя хватит?

— Не сердись, Николка, что я могу сделать?.. Больных много, всем хочется помочь. У меня сегодня старушка-якутка с застарелой опухолью была. За сто километров приехала. Придется ее на операцию послать в Магадан.

Часто Татьяне Васильевне удается уговорить меня выписать со склада дефицитные продукты для улучшения питания своих пациентов...

Утро выходного дня. В палатке все в сборе. Хозяйки навели порядок и уют. Мы с Николаем Степановичем ждем чая с мясными пирожками.

Около полуоткрытой двери появляется тень и слышится голос:

— Можно войти?

— Входите, только осторожно! — приглашают хозяйки, торопливо убирая с дороги свою стряпню.

В палатку втискивается почти на четвереньках фигура, закутанная в меха и, выпрямившись, представляется:

— Врач Рождественский!

Я вспоминаю нашу с ним прошлогоднюю встречу на Улахан-Чистае.

— Рад познакомиться с коллегой, — продолжает он. — Командирован Средниканским райисполкомом в якутское селение Оротук на борьбу с эпидемией кори. Взрослые болеют. Прибыл сюда с Тасканскими артельными оленями. Двести штук их пришло.

«Это прибыли обещанные нам олени», — думаю я.

Вечером, после ухода гостя, к нашему грузу подходит шестьдесят порожних нарт. Каюры распрягают оленей и угоняют их пастись.

Транспорт привел агент оленесовхоза Егор Ананьевич Винокуров, мой старый знакомый.

— Двумя транспортами по тридцать нарт надо ехать, — говорит он,

неторопливо потягивая из блюдечка чай.— Меньше оленей, собирать легче будет.

Пауза, несколько глотков чая — и продолжение, заставляющее меня насторожиться:

— Тяжелая сейчас дорога на Индигирку. Мучения много примете. Мороз большой, снег маленький. Кочки много — нарты ломаться будут. К каюрам болезнь пристала. Беда, трудная дорога.

И вот погрузка нарт давно закончена, но бригадир каюров, старик эвен Семен Корякин, каждый вечер появляется в нашей палатке и, сев на корточки в углу, закуривает трубку. Пуская едкие клубы махорочного дыма, он вечер за вечером сообщает одно и то же:

— Беда, дикий олень! Собрать не можем. Тайгу бежали десять оленей. Совсем не ученый олень. Как поедом, начальник? Наказание — не олень. Дикий, да дикий. Искать завтра пойдем.

Низкий, коренастый, нескладно, но крепко сшитый, Семен напоминает старую, корявую лиственницу, крепко вросшую корнями в каменистую мерзлую родную почву севера.

Целых три дня у нас уходит на сбор оленей.

Вечером перед отъездом наши хозяйки организовали «отвальную» и, расчувствовавшись, даже всплакнули.

— Ты, Наташенька, чаще пиши, как вы там устроитесь. Ждите нас с Николкой весной, прилетим на самолете.

— К вашему приезду мы построим дом. Будем в нем жить вместе, — уверяет подругу Наташа.

У нас с Рябовым идет деловой разговор: какие грузы дополнительно послать мне в первую очередь, чтобы обеспечить бесперебойную летнюю работу экспедиции.

Утром 24 декабря наконец собраны все олени. Их запрягли, и нарты одни за другими исчезают в морозном тумане. Мы с Наташей поедом последними.

Всего в нашем транспорте шестьдесят три нарты. Их ведут шесть каюров.

С нами едут завхоз Воробьев и восемь рабочих. Бригадиром у них Пятилетов. Шеф-поваром у нас Степан Лошкин. Обоих я знаю, оба завербовались в экспедицию первыми. Едет с нами и авиационный штурман Иван Иванович; он вернется, как только найдет подходящее место для посадочной площадки. Его помощник Москалев останется на месте — принимать самолеты.

Нашему транспорту предстоит пройти триста километров по «целику» (неезженной снежной целине), пробивая дорогу по безлюдной тайге. Только в местности Талон нам встретятся две юрты якутов — братьев Дягелевых. Прошлой осенью я был в этих местах.

Проехав в первый день двенадцать километров, транспорт останавливается на ночлег.

— Ехать дальше нельзя, темно,— безапелляционно заявляет бригадир, распрягая передовых оленей.— Ночевать будем. Корм здесь хороший.

Оранжевый мутный диск солнца скрывается за гребнем сопки, короткий зимний день закончился. Каюры быстро отпускают оленей кормиться, привязывая наиболее диким из них на шею палки на веревке — «ченгаи», которые бьют их по ногам и не дают далеко убежать.

Олени гуськом идут на пологую сопку и начинают энергично «копытить» — разгребать снег. Пофыркивая, они достают из-под него белый мох — ягель.

Мы разбились на три группы и ставим три бязевые палатки. И, как всегда бывает в первый день пути, все как-то не клеится. То запропастились куда-то топоры, то — веревки для палаток. Долго отвязываем палатки от нарт плохо гнущимися от дьявольского мороза пальцами. Быстро темнеет.

Найдено ровное место для палаток, расчищен неглубокий снег, набросано немного веток. Ставим палатки по-якутски. Иван Иванович уже нарубил восемь шестов. Я их быстро связываю по три и ставлю, раздвинув треногой, на землю. Очищаю от сучков «матку», просовываю ее в рукава палатки. Закидываем ее на верхушку расставленных треножек, растягиваем и закрепляем борта палатки к боковым шестам.

Москалев возится с печкой.

— Ни одно колено трубы не влезает в другое! — ругается он.— Вот дьявол!

Бросаюсь ему помогать и убеждаюсь, что все трубы, действительно, не «пригоняются». Обжигая руки (даже в перчатках!) о раскаленные морозом железные трубы, кое-как налаживаем и ставим в палатке печку, подложив два сырых полена, чтобы не загорелся под нею мох. Наши каюры и рабочие уже поставили палатки и в две пилы пилят дрова на ночь.

Еще немного возни с разжиганием печи,— и веселый огонек, разгораясь, начинает распространять благодатное тепло.

Большая, похожая на медный начищенный таз, луна лениво поднимается из-за сопки и освещает мертвым светом неподвижные деревья, три наши маленькие дымящиеся палатки и ряды груженных нарт. Тихо. Потрескивают от мороза деревья.

Торопливо вносим в палатку продукты, посуду, спальные мешки. На пол набрасываем оленьи шкуры.

Наташа уже возится около печки и командует нами, мужчинами. Встретившись со мной взглядом, спрашивает:

— Как-то мы будем ночевать при пятидесятиградусном морозе в бязевой палатке?

— Тебе ли, геологу, бояться таежных трудностей!

На палатку мы набрасываем два брезента, по бокам ставим листы фанеры, и в ней становится сравнительно тепло.

Утром, чуть брезжит свет, я слышу сквозь тонкие стенки палатки осторожные шаги по скрипящему снегу и удары копыт. Это олени подбираются к грузам, чтобы разорвать своими острыми копытами сложенные на нартах мешки с солью и соленой рыбой. Соль для них — первейшее лакомство.

Однако покушение на наши запасы не удастся: каюры огородили нарты тонким жердовником. Олени через него не перелезают.

Вскоре начинаются так хорошо знакомые сборы в путь. Напившись чаю, каюры-мужчины во главе с их бригадиром Семеном начинают ловить оленей. Женщины, связав два-три «маута» (длинных тонких ремня), устраивают среди деревьев загон. Туда с криками «таты! таты!» гонят животных, идущих тесным табуном.

Неожиданно несколько «диких» оленей перескакивают через маут и стремительно мчатся в лес. Все начинается снова.

— Пора увязывать постели и складывать палатки! — торопится Наташа.

— Не спеши, торопыга, — удерживаю я ее.

Как бы в подтверждение моих слов, в палатку просовывается голова Семена.

— Оленей всех не собрать! — на его сморщенном, со следами обморожения лице виноватое выражение. Он показывает пять пальцев и говорит: — Дикий орон. Искать, однако, пойдем. Наказание, чистое наказание! — и голова исчезает.

Только к вечеру измученные, усталые каюры приводят пятерых не менее измученных, загнанных оленей.

Ехать уже поздно. Привязываем беглецов на ночь к деревьям, остальных отпускаем кормиться.

— Какой ненадежный транспорт эти олени, — говорит Москалев, — никогда нет уверенности, что их всех соберешь и уедешь.

— Но зато их кормить не надо. И в тайге везде для них дорога, — отвечаю я.

Такая езда, с задержками и неполадками, продолжается семь суток. Почти весь путь — по болотам. На обмерзших кочках поломалась чуть ли не половина нарт. При морозах ниже пятидесяти градусов, они, сделанные из сырого дерева, становятся хрупкими, как стекло, и ломаются даже при небольших толчках. Промерзшая сбруя рвется.

Мы выбились из сил, помогая оленям, то и дело перегружая нашу кладь, починяя нарты и сбрую. У всех обморожены лица и пальцы.

Пройдено только семьдесят километров.

Двое каюров, тяжело больные, видимо, корью, лежат, тепло укутанные, на нартах, стонут, кашляют и сморкаются.

— Их в тепло бы надо, — тревожится Наташа. — Хорошо бы добраться до Талона, до якутских юрт.

Она дает больным лекарства из дорожной аптечки, вспоминает наставления Рябовой.

— Ехать дальше нельзя, — заявляет Слепцов. — Дневать долго надо, нарты починять.

На его сморщенном, обмороженном лице апатия очень уставшего человека.

Неожиданно нас догоняет Винокуров. Он едет в легкой оленьей упряжке.

— Еду посмотреть, как идут транспорты. У всех несчастье, снегу мало, нарты ломаются... Больных я в Талон отвезу. Вам туда же надо ехать. Оставшимся здесь помощь оттуда пошлете. Дягелевы помогут починить нарты.

Он уезжает, забрав с собой больных.

— Правильно говорит Егор Ананьевич: ехать надо за помощью, — советует Пятилетов.

С трудом собрав оленей, мы на семи нартах перед закатом солнца трогаемся в путь. Лошкин у нас каюром.

— Куда едем, на ночь глядя! — слабо протестует Наташа.

Я успокаиваю ее:

— Ничего, взойдет луна, будет светло, как днем. Через три-четыре часа заночуем в теплых юртах.

Дорога — кочки и валежник. Нарты накатываются на деревья. Мороз — ниже пятидесяти пяти. Я уже каюсь, что поехал. Боюсь: вот-вот начнут ломаться хрупкие нарты.

Неожиданный раскат, резкий удар об дерево — и одна из нарт выбывает из строя. Груз валится в снег. Перегружаем его на другие нарты, а сами идем пешком.

Вскоре ломаются еще две нарты.

Олени, тяжело дыша, высунув красные языки, едва тянут: нарты перегружены.

Спускаемся к реке. Дорога по льду пошла ровнее. А Талона, его теплых юрт все нет и нет.

Иду вперед и, сколько ни всматриваюсь, не вижу ни долгожданного огонька, ни искр и дыма.

— Далеко еще до твоих юрт? — раздраженно спрашивает Наташа. Она еле плетется, но упорно не садится на нарты, жалея оленей.

— Не знаю, — честно сознаюсь я. — Прошлую осень я здесь проходил, а сейчас, зимой да еще ночью совсем другой вид у местности.

При сумрачном свете луны мы долго объезжаем широко разлившуюся наледь.

По моим расчетам, где-то недалеко должны быть юрты. Кричим. Стреляем. Никакого ответа. Тихо. Лишь после выстрела долго перекачивается эхо.

Смотрю на часы. Двенадцать. Вспоминаю, что сегодня 31 декабря.

— С Новым годом, товарищи! — поздравляю я спутников.

— Встречу отложим на завтра, — отвечает за всех Наташа. — А сейчас надо остановиться на ночлег, пока не замерзли. Не спать нам, видно, в теплых юртах.

Все ее поддерживают.

Но мы все-таки продолжаем плестись вперед: место открытое, нет дров и корма для оленей, вся долина покрыта застывшей наледью. Мороз все крепче и крепче. На минутку остановишься, потный, усталый, и моментально промерзаешь, дрожь пробирает. Уже второй час ночи. Часто падают выбившиеся из сил олени.

— Уж не прошли ли мы юрты? — тревожатся мои спутники.

Наконец наледь осталась позади. Находим подходящее место для ночлега: рядом — лесок, кучи валежника.

— И корм для оленей есть, и дрова, — говорит Лошкин. — Можно ночевать.

Луна скрывается за горой. Становится темно. Едва двигаясь, негнущимися, застывшими пальцами ставим палатку. Попив чаю, валимся спать.

Утром долго не хочется выбираться на холод из теплого спального мешка. За утренним чаем выясняется, куда мы заехали, где ночевали. В палатку вваливается Винокуров и с ним два якута. В них я узнаю братьев Дягелевых — Михаила и ковыляющего на деревянной култышке Василий.

— Вы в самом центре поселка Талон стоите, — рассказывает Винокуров. — Юрту Василия вы проехали мимо. Километр до нее. А до хозяйства Михаила совсем немного не доехали.

Пять дней мы стоим на месте и капитально ремонтируем нарты.

Дальше у нас проводником Михаил Дягелев. Через невысокий перевал наш транспорт спускается по кочковатому болоту в широкую долину одного из притоков реки Неры. Мы в Якутии.

На дневке Михаил замечает свежий лыжный след. Пошупав его рукой, говорит:

— Это, однако, Заболотский, — его след. Близко промышляет. Его ловушки кругом.

На лыжах Михаил отправляется по следу. Вечером приводит художавого якута, одетого в старенькую доху. Щеки старика обморожены,

черные коротко остриженные волосы на его голове торчат во все стороны, как колючки ежа.

— Николай Заболотский его имя. Артыкский житель,— торопливо докладывает Михаил.— Дорогу и корма хорошо знает. Проводником согласен быть. До Артыка шесть кёс осталось. Близко. Я назад пойду, домой...

Заболотский, застенчиво улыбаясь, садится, поджав ноги, около входа в палатку. Он то и дело поглядывает на печку: там закипает чайник с густо заваренным чаем.

— Учугей¹ начальник, богатый. Грузу много,— говорит он нам комплименты.

Угощаем его, он тотчас же решительно заявляет:

— Завтра в один день надо до Артыка дойти. Плохая дорога. Места горелые, кормов нет.

На следующий день до места дошла лишь половина нашего транспорта.

В маленькой закопченной юрте Николая тепло, горят в камельке дрова, освещая колеблющимся, неверным светом убогое жилье с земляным полом.

В тепле всех нас разморило, не хочется идти на улицу, ставить на морозе палатку. Хозяйка юрты гостеприимно угощает всех вяленой рыбой и кипятком, чуть заправленным молоком. Это, видимо, все, что у нее есть.

— Я еще раз убеждаюсь, что на территории работ Дальстроя местное население снабжается значительно лучше, чем в Якутии,— замечает Иван Иванович.— Но ничего, начнете вы, геологи, работать, за вами дорожники и горняки придут. Появятся заработки, и лучше заживут местные жители.

На следующий день в сопровождении чуть не всего мужского населения поселка (а в нем четыре юрты) осматриваем окрестности. Выбираем место для базы и аэродрома.

Три дня мы устраиваемся на выбранном месте. Ставим на каркасы палатки, перевозим груз. Транспорт порожняком возвращается обратно.

— Ожидайте меня в начале апреля, теперь на самолете,— прощается штурман Иван Иванович.— Это побыстрее олешек будет. На трех «Антоних» забросаем вас грузами.

... |

Устраиваем выходной день, первый после выезда из Берелёха. Нам необходимо отдохнуть после тяжелого пути.

Наташа распаковывает вещи.

¹ Учугей — хорошо (якут.).

— Наконец-то мы на месте, не надо дальше ехать, собирать, свертывать вещи и палатку! Как-то даже не верится!

Наша маленькая теплая палатка быстро принимает вполне жилой и уютный вид. Сделанный на скорую руку стол прикрывается оттаявшей клеенкой, самодельный топчан покрыт постелью и одеялом, из чемоданов сооружается туалетный столик, на котором появляются зеркало, духи, гребенки, коробка пудры, губная помада. Правда, хозяйка давно уже не притрагивалась к пудре и помаде: таежная дорога и морозы явно к этому не располагают.

На печке и около нее тает лед в ведрах и ванне. Будем мыться «всерьез», почти как дома.

В других палатках рабочие тоже готовят себе баню.

Вечер. Ярко светит луна. Над рекой ватным комом стоит облако тумана. Потрескивает лед: приближается наледь. Изредка как-будто пушечный выстрел раскатывается по тайге. Это лопаются под напором воды ледяной пузырь на реке. Спиртовый термометр показывает «все-го» 52 градуса ниже нуля. Это, по-здешнему, тепло!

Внезапно слышу топот оленей, голоса. Кто-то приехал. Возле палатки появляется весь заиндеветый человек. С удивлением узнаю Дмитрия Неустроева, Якута, моего старого знакомого.

— Здорово, Митрий! Транспорт что ли привел?

Он, молча здороваясь, отрицательно трясет головой.

— Почта есть! Прочтешь, узнаешь! — и достает из-за пазухи завернутый в платок пакет. — Одну сотку дай спирту. Беда, совсем замерз. Пять суток ехал с Берелёха. Шибко торопился.

— Получишь у завхоза Воробьева. Скажи от моего имени. У него и ночуешь.

Распечатываю письмо от заместителя начальника экспедиции Вронского.

«Привет. Сообщаю вам печальную новость. Индигирская экспедиция приказала долго жить. 29 декабря издан приказ об ее ликвидации. Все грузы переданы в Северное горное управление... С получением сего вам надлежит оставить на Артыке продовольствие и часть снаряжения. Остальное верните. Для охраны оставьте двух человек. С остальным персоналом возвращайтесь обратно, для чего за вами послано сорок нарт».

Мы как громом поражены.

— Проехать такой тяжелый путь, с таким трудом завезти сюда груз для экспедиции — и все напрасно. Ничего не понимаю — недоумевает Наташа.

— Одно лишь руководство горного управления довольно, что по их вышло и экспедицию ликвидировали. Чисто ведомственный подход к освоению края, — с горечью отвечаю я.

На следующий день начинаются сборы в обратный путь. Самочувствие у всех скверное. Все валится из рук.

С трудом уговариваю Пятилетова и Лошкина сторожить груз.

— И пошто так несамостоятельно поступают? Трах, бах — и закрыли экспедицию. Теперь одна работешка — промывальщиком летом в партию идти, — ворчит Пятилетов.

Взяв шесть нарт, я с Неустроевым еду налегке вперед.

— Обязательно меня в партию возьми, когда пойдешь работать на Индигирку, — неожиданно предлагает свои услуги Дмитрий. — У меня две лошади собственные есть, аренду дам.

— Возьму тебя, Митя, если придется работать.

— Пошлют. Обязательно поедешь на Индигирку.

На его широком медно-красном лице с узкими черными глазами спокойствие и уверенность. И мне кажется, что все так и будет, как говорит Дмитрий.

Отдохнув день в Талоне, продолжаем свой путь. Поздно вечером мы приезжаем на Берелёхскую базу.

— Прodelали шестьсот километров по тайге без пути и дороги, в адские морозы, в полтора месяца и оказались опять на месте, у разбитого корыта, — говорит Наташа Татьяне Васильевне.

Рябовы живут в небольшом бараке.

— На нашу базу работники соседних организаций налетели, как вороны, когда услышали о ликвидации экспедиции, — рассказывает за ужином Рябов. — Все расхватили с дракой. Но основные грузы я передал на Угольную Никонову. Туда и мы с Таянкой и со всеми рабочими направляемся. Строительству значительно сократили ассигнования, отсюда и весь этот кордебалет с сокращениями и паническим свертыванием работ.

— Хорошо бы и Наташе с нами на Угольную... — размышляет вслух Рябова. — Отдохнула бы от таежных скитаний...

Я раздумываю над последними новостями, местными и полученными с «материка». Что-то ненужное, поспешное, необдуманное есть во всех этих свертываниях, сокращениях, урезываниях. Наш Северо-Восток нужно осваивать быстрыми темпами, скорее ставить его богатства на службу социализму, делу обороны страны: то, что на западном горизонте тучи темнеют, становятся грозowymi, очевидно. Да и по соседству с нами, на Дальнем Востоке тоже сгущается атмосфера...

* * *

Еду в Горное управление выяснить, где мы с Наташей будем работать.

В длинной брезентовой палатке отгорожен фанерой маленький кабинет. Главный геолог Горного управления Дмитрий Вознесенский, иронически улыбаясь, говорит:

— Вернулись; значит. Я всегда был противником организации Индигирской экспедиции. Считаю, что мы силами Горного управления сумеем покрыть геологической съемкой и разведать бассейн Индигирки. Правда, не сразу, а постепенно. Да это и не к спеху. На Колыме еще работы по горло. Летом пошлем две рекогносцировочные геолого-поисковые партии, пошупаем, что там имеется. Вас мы предполагаем назначить начальником одной из них.

— Я согласен. Но, мне кажется, с ликвидацией экспедиции поспешили.

Мой собеседник морщится.

— Был здесь у нас директор Берзин; скрепя сердце, подписал приказ о ликвидации экспедиции. Но обязал нас продолжать там работы. Царегородского этот приказ застал в Москве. А вашу жену, — продолжает Вознесенский, — мы назначим геологом на Угольную. Ей тяжело будет работать в вечно кочующей полумиллионной партии¹.

Я соглашаюсь.

В заключение получаю новое поручение — обеспечить транспортом полевые партии управления на летний сезон. Для этого надо съездить в якутский поселок Оротук и там арендовать сотни полторы лошадей. И еще надо привезти в бухгалтерию управления акт о сдаче последних грузов экспедиции.

Вечером попутной машиной возвращаюсь на Берелёх.

Пятнадцатого марта мы с Рябовым подписываем акт о полной ликвидации Индигирской экспедиции.

А в тот же день в Москве приказом по Дальстрою было поручено Царегородскому вновь организовать ее. Отпустили необходимые средства.

Мы в тайге ничего об этом не знали.

В Горном управлении старик бухгалтер, рассматривая сквозь очки представленный мною акт, бубнит недовольным тоном:

— Что же это вы, товарищ геолог, бросили материальных ценностей почти на сто тысяч! Оставленных вами сторожей подотчетными лицами утвердить мы не можем. Все грузы за вами будут числиться. Пока не отчитаетесь, пятьдесят процентов зарплаты будем вам выплачивать.

— Не беспокойтесь, отчитаюсь. Сторожа меня не подведут.

Вознесенский, встретив меня, пытается (не совсем удачно) изобразить всем своим видом сожаление и сочувствие.

— Должен вас огорчить. На Индигирку посылаем только одну рекогносцировочную партию — Нерскую. Вот познакомьтесь с будущим вашим начальником — Иваном Ефимовичем Исаевым. Опытный геолог, работал на Чукотке. В партии вы возглавите поисковый отряд, а Иван

¹ «Полумиллионными» геологи называют партии, делающие съемку масштаба 1 : 500 000, то есть в одном сантиметре — пять километров. — *Прим. автора.*

Ефимович, можно сказать, геолог чистой воды, и с нашим колымским методом поисков не знаком. Вы в работе прекрасно будете дополнять друг друга. На вторую партию не хватило средств. Приходится по одежке протягивать ножки...

Я быстро договариваюсь с новым начальником о составе партии, ее снабжении и месте весновки.

— Ожидайте меня на Нере, в Балыгычане с лошадьми и каюрами в первых числах июня. Я приеду к вам через Угольную-Аркагалу, — говорю я, прощаясь.

Мы с Дмитрием Неустроевым возвращаемся из Оротука, где арендовали лошадей.

Как давно я расстался с Наташей! Целая вечность прошла...

— Ну, скоро Угольная? Доедем ли сегодня?

— Обязательно доедем. Солнце высоко. Весной день большой. Приедем, светло будет.

Конец апреля. Весна торопливо идет на север. Почернели южные склоны гор. Темными вишневыми лентами тянутся вдоль речек и ручьев густые заросли тальника, покрытого белыми пушистыми шариками. Побурели лиственницы.

Впереди бегущих оленей с дороги разлетаются белыми комочками стайки прилетевших с юга снегирей. Небо голубое. Солнце неутомимо излучает потоки света и тепла. Глазам больно от ослепительного сияния.

Мы с Дмитрием загорели. Кожа на носу облупилась, потрескались губы.

— Угольная, приехали, — говорит Неустроев, направляя оленей к белеющим палаткам и срубам еще не достроенных зданий.

И вот встреча, такая долгожданная, такая желанная! Наташа в летнем платье, кажущемся необыкновенно ярким, в лакированных плетеных черно-белых сандалетах, и Татьяна Васильевна, такая же яркая, праздничная, приглашают меня в большую брезентовую палатку.

— Проходите в наши «апартаменты», — говорит Татьяна Васильевна, — вытирайте ноги. Мы здесь живем временно, нам строят дом. А тут рядом, в утепленной палатке, моя амбулатория.

В «апартаментах» все блестит чистотой. Палатка перегорожена на две половины: нашу и рябовскую.

— Работой своей я довольна, — рассказывает Наташа, убирая со стола геологическую карту и расставляя тарелки. — Тут, в бассейне ключа Замечательного, не только имеется угленосная свита с промышленным пластом угля, но в истоках его обнаружена зона кварцевых жил, явно золотоносных. Завтра мы с тобой поидем, я покажу... Вот только я не совсем уверена, доволен ли мной начальник разведки. У него, когда он и

говорит со мной, какой-то кислый и высокомерный вид. Я слышала от него такие слова: «не женское это дело лазить по шахтам и штольням...»

— А у него всегда такой вид, будто зубы болят, — смеется Татьяна Васильевна. — И особенно портится настроение, когда я прихожу с требованиями улучшить питание больным.

Обедаем вчетвером. Я отдыхаю с дороги, а утром прощаюсь с Неустроевым, возвращающимся в Оротук.

— Прощай, начальник, — говорит он. — Торопиться надо, дорога, однако, пропадает. Вернусь в июне, на лошадях, когда большая вода уйдет. Трава будет — тогда на Индигирку пойдем.

Через день после отъезда Дмитрия проходит олений транспорт, везущий на весновку грузы нашей Нерской партии. Приведший его Исаев озабоченно сообщает:

— Рабочих не дали. Одни ИТР со мной едут: прораб геолог Сергей Захаров, ваш старый знакомый, да коллেকтор Саша Нестеренко. Вознесенский сказал: сторожей, что на Артыке груз стерегли, взять в партию. Там Пятилетов промывальщик есть. А опробщика Ивана Чистых, как вернется из отпуска, направят к нам с лошадьми.

Пишу записку сторожам на Артык, чтобы сдали на хранение груз якуту Николаю Заболотскому, а сами присоединились к партии. Записку Николаю с просьбой принять груз на хранение пишу особо.

Подписываю обе записки и думаю: «Семь бед, один ответ. Заболотскому можно так же доверить груз, как и старику Пятилетову, как самому себе, как любому честному советскому человеку».

— В первых числах июня ждите меня с лошадьми. Грузы, какие понадобятся для партии, возьмите из Артыкского лабаза, — говорю я, прощаясь с Иваном Ефимовичем.

Каждый день мы с Наташей бываем на разведочной штольне. Помогаю ей документировать шурфы и канавы, оконтуривающие угольную свиту.

Весна полностью вступила в свои права. Мы бродим вдвоем с Наташей по девственной тайге, еще не тронутой рукой человека.

Прошел май. Стаял снег. Обнажились на пригорках красные полянки сладкой прошлогодней брусники. Расправил свои вечнозеленые мохнатые лапы стланник. Начал распускаться душистый багульник. Ажурной зеленью покрылись деревья. Зелеными шарами торчат кочки. Скатились полые воды. Прозрачен и чист насыщенный смолистыми запахами воздух. И нет еще в тайге ни одного комарика.

Загораем. Пробуем купаться в быстрых прозрачных ручьях. Вода холодна как лед.

— Смотри, смотри! В воде рыба, и ее много! — показывает Наташа на стайку хариусов. В прозрачной воде хорошо видно, как они перебирают плавниками, держась против течения.

— Да, рыба валом идет весной в маленькие речки и ручьи, икру метать и жировать летом, — отвечаю я.

На следующий день, вооружившись удочками, мы пробуем ловить хариусов. Но, сколько ни стараемся, поймать ни одной рыбы не удается. Не берут приманку.

Подходит молодой паренек.

— Что, поймать не можете? Сейчас я их живой рукой обдурю.

В руках у него длинное удилище, на его конце прикреплена петелька из металлической струны. Осторожно он опускает свою несложную снасть в воду, чуть выше головы рыбы, подводит, неспеша, петлю под жабры спокойно стоящего хариуса, рывок — и, сверкнув серебром на солнце, рыба уже бьется на берегу.

— Вот это ловко! — восхищаемся мы.

Проходит полчаса, и на берегу трепещут восемь хариусов.

Сделав себе такие же удилища, мы все свободное время занимаемся ловлей.

Но вот уже десятое июня, а Дмитрия с лошадьми все нет.

* * *

Наконец появляется Дмитрий Неустроев с шестью лошадьми в две связки. С передней едет он сам в брезентовой короткой куртке, кожаных штанах, заправленных в летние легкие торбазы из сыромятной конской кожи. За ним долговязый Адам, сын Дмитрия Заики, знакомый мне еще мальчиком, одетый в брезентовый костюм и кирзовые сапоги. На последней лошади, неуклюже согнувшись в седле, едет человек в фетровой модной шляпе и ватнике. В нем я узнаю вернувшегося из отпуска Ивана Чистых.

Тринадцатого июня 1937 года все сборы закончены, лошади завьючены. Я прощаюсь с Наташей и Рябовыми.

— Через четыре месяца вернусь жив и здоров.

Подбегает начальник разведки и взволнованно рассказывает:

— Только что получил почту. Вознесенский пишет: есть известие, что Цареградский в Москве организует экспедицию на Индигирку...

Я в недоумении смотрю на него.

— Можно ехать? — спрашивает Дмитрий.

И вот мы в пути. Едем по широкой безлесной долине Емтигея. Воздух прозрачен, видно далеко.

«Как бестолково получилось с экспедицией, — думаю я, — сколько сил и народных денег потрачено попусту!»

Перед закатом солнца останавливаемся на ночлег.

После ужина Дмитрий пьет чай и благодушно рассуждает:

— Хорошо летом ездить. Тепло, светло. Корм лошадям есть. Кома-

ров пока нет. Хорошо! Зимой беда, плохо. Холодно, да холодно. Темно. Однако лошадей надо пускать кормиться. Пойдем, Адам!

Мы остаемся около горящего костра с Иваном Чистых.

— Ну, как, Иван, отдохнул в отпуске? Где побывал?

Иван машет рукой.

— Какой там отдых у нашего брата таежника! В Москве двадцать дней пробыл, а что, паря, видел, спросите? Все время дома да по ресторанам гулял...

На широкоскулом лице Ивана искреннее раскаяние. Под глазами с узким разрезом темнеют нездоровые, припухшие мешочки.

— Правда, у стариков в родной забайкальской деревне побывал. Родителям кое-что купил. Но от жизни колхозной отвык. В Магадане встретил Сашку Егорова, вашего бывшего промывальщика. Ревматизм его одолел. Ноги совсем отказывают. Хочет на прииски податься работать. Он мне сказал, что ваша партия на Индигирку ушла. Стал к вам промывальщиком проситься.

Отпустив лошадей, Дмитрий с Адамом еще раз пьют чай.

— Укладывайтесь спать, товарищи, — говорю я, подбрасывая в костер дрова. — Первую ночь сам буду дежурить. Часа через два смену разбужу.

Стоит светлая июньская ночь. В полевом дневнике делаю первую запись: «14 июня пройдено 25 километров».

Кричат куропатки. Со свистом промчались чирки, по ошибке приняв белую палатку за озерцо. Где-то далеко заржали лошади. Тихо.

Сижу неподвижно, догорает костер. Вдруг, замечаю, в кустах что-то мелькнуло огненно-красное и исчезло. Опять появилось. На меня уставилась длинная мордочка лисицы с бусинками глаз. Хищница вышла на ночную охоту. Удивлена нашим появлением, любопытствовала и бесшумно исчезает в кустах, едва я пошевелился.

На следующий день, за перевалом, погода резко меняется. Дует холодный северный встречный ветер, идет дождь вперемишку с мокрым снегом. Ехать верхами холодно. Леденеют руки и ноги.

Наш передовик Дмитрий, как нахохлившаяся мокрая курица, сидит неподвижно в седле, надвинув на лоб кепку. Вот он соскочил на землю и ведет лошадь на поводу, греется. Мы, как по команде, тоже соскакиваем с лошадей и идем по широкой кочковатой долине.

И так изо дня в день, делая за восемь — десять ходовых часов по 30—40 километров.

— Завтра, если хорошо поедem, у Николая Заболотского ночевать будем, — говорит Дмитрий, устраиваясь на ночлег. — Беда мне — спина болит. Разогнуться не могу. Однако лягу.

Утром он с трудом взбирается на лошадь с нашей помощью.

— Плохо, паря Митрий, болеть в тайге, — говорит Чистых, помогая

больному усаживаться в седле. — Доберемся до Николая, лечить тебя будем перцовкой.

Едем по знакомой тропе. Здесь еще белеют наши поломанные нарты, брошенные зимой.

Ночуем около юрты Николая Заболотского. Он очень рад нашему приезду.

— Плохо живем. Провиант кончился. В факторию надо ехать, пушнину сдавать. Твой груз весь целый. Начальник Исаев ничего не взял, — говорит он, показывая сложенные на настиле в палатке мои подотчетные грузы.

Выдаю Николаю в счет зарплаты все, что он просит, и уговариваю его продолжать охранять груз.

Дмитрий совсем разболелся. Мое лечение аспирином и растирания спиртом не помогают. Перцовка, выпитая на ночь, только усилила боли.

— Ох, беда, чистое наказание, — охает и жалуется он. — Спина совсем не гнется, внутри болит. На лошади ехать не могу. Однако на плоту поплыву до Балаганнаха. Вперед вас приплывем.

Мы с огорчением оставляем больного и едем дальше.

За старшего каюра у нас теперь Адам. Он, несмотря на свою молодость, хорошо ухаживает за лошадьми.

Едем местами, мне хорошо знакомыми. Все здесь исхожено и опробовано.

Перед нами открылась широкая долина Неры. На ровном, чистом лугу, покрытом ярко-желтыми цветами куриной слепоты, пасутся коровы. Пологие склоны долины — в зелени распустившихся деревьев и кустарников. Пахнет дымом горящего навоза. Виднеется несколько якутских юрт и хотонов — загонов для скота. А немного в стороне от них, среди редких стволов лиственниц, у берега белеют палатки нашей веснующей партии. Далеко за рекой на фоне ярко-голубого неба с редкими облачками синееет гранитный хребет.

В дальние маршруты. Первые открытия. Ключ Сох-Бар. По горным тропам. У Софрона. Юрта у золотоносного ключа. Могила шамана. Ключ Наташа. Паводок. Наледь в июле. Индигирка — река серьезная.

III. В ПОИСКАХ ЗОЛОТА

— Наконец-то вы здесь! А мы заждались! — встречает нас Исаев. — Теперь можно и в дальние маршруты двинуться.

— Пробовали мы арендовать лошадей у местных жителей; те — ни в какую: «Лошади дикие, под вьюком ходить не привычны», — рассказы-

вает Захаров. — Пришлось работать недалеко от лагеря. Снаряжение таскали на себе.

— Ну, с тяжелым «сидором» за плечами по тайге далеко не уйдешь! — отмечает Пятилетов.

Обитатели лагеря читают и перечитывают газеты и письма, привезенные нами.

Я делюсь последними новостями:

— На Колыме говорят, будто в Москве Цареградскому поручили организовать новую Индигирскую экспедицию. С реки Алдан она будет переброшена на самолетах в район наших работ.

Все заинтересованы, высказывают свои соображения.

— Пока они до наших мест доберутся, немало времени пройдет.

— Не раньше августа, однако, работать начнут.

В бязевой палатке душно, как в парнике, неясные тени ветвей колеблются на стенах. На самодельном столе — большая схематическая карта. Мы внимательно изучаем ее, составляем план будущих действий.

Единодушно решаем вести работу двумя отрядами: «водным» и сухопутным. Вниз по Нере и Индигирке на плоту отправятся Исаев, Захаров, Нестеренко и Пятилетов. Лоцманом у них будет Гаврила Кривошапкин, местный житель, хорошо знающий реку; с запасом продовольствия поплывет Степан Лошкин. Мне с Чистых и Адамом на шести лошадях предстоит пройти через перевал к устью речки Тополевой. У юрты Софрона Корякина отряды должны встретиться.

Сухопутный маршрут мне нравится. По моим расчетам, он пройдет как раз вдоль предполагаемой золотоносной зоны и фактически продолжит мои поисковые работы предыдущих лет.

В юрте Гаврилы оставляем выздоравливающего Неустроёва и часть продуктов на обратный путь.

— Поправлюсь, обязательно по реке догоню вас, — обещает он.

Проводив отряд Исаева, мы завьючиваем лошадей и тоже трогаемся в поход. По едва заметной тропке, заросшей густым гибким тальником, выходим к устью реки. Через каждые километр-полтора берем шлиховые пробы. Самое лучшее место для пробы — «щетки». Это — выход коренных пород слоистых сланцев и песчаников в русле или долине ручья. Здесь шлихи — обломки тяжелых минералов — хорошо улавливаются. Взятая на таком месте проба сразу дает полное представление о наличии минералов.

Но «щетки» не всегда встречаются в долинах. Приходится искать смешанные террасы, где на коренных породах лежат галечники. Стык галечников и коренных пород (по геологической терминологии — «спай») — самое надежное место для опробования.

Когда нет ни «щеток», ни «спая», пробу приходится брать у подмытого рекой берега или на косе.

Вот выбрано место для взятия пробы — коса, заросшая травой и мелким тальником.

Иван промывает первую нашу пробу. Я напряженно слежу, не блеснут ли среди черных шлихов желтоватые значки золота.

Иван делает последнее полукруговое движение, и вода смывает, как языком слизывает, остатки пустой породы. На дне лотка остается тяжелый шлик. В нем блестит единственный, чуть заметный значок золота. Промывка закончена.

Пробу высушиваю на маленьком костре, разведенном Адамом на гальке.

— Лошадям тяжело с грузом на месте стоять! — говорит Адам, взглянув на беспокойно переступающих с ноги на ногу лошадей.

— Иди-ка с ними километров на пять вперед, до первого бокового притока, и там останавливайся, — распоряжаюсь я. — Лошадей отпусти попасться. Костер добрый разведи, чтобы по дыму тебя найти. Обед свари.

— Самый хорошо! — соглашается Адам и, затаив монотонную песню, исчезает с лошадьми за деревьями. Мы продолжаем работу.

Состав наносов реки меня радует: среди темных сланцев и серых песчаников мелькает белая кварцевая галька. По косам встречаются светло-серые булыжники, мелкие гранитные валуны. Все это означает, что где-то в бассейне реки размываются граниты и контактные с ними породы, обильно пронизанные кварцевыми жилами. Дальнейшие наши работы уточнят местоположение их и помогут выяснить, образовались ли промышленные россыпи металла на местах размыва кварцевых жил.

— Иннокентий Иванович, вон добрый «борт»! Пробу бы там взять! — указывает Иван на подмытый берег реки, где под корнями кустов виднеется слой гальки, крепко сцементированной желтой глиной.

— Можно попробовать, — соглашаюсь я.

В шлихе хорошо видны блестящие желтые чешуйки диаметром в одну-две карандашные линии.

— Улучшаются пробы! — радуется Иван.

Широкая долина окружена невысокими сопками самой разнообразной формы. Одни напоминают каравай хлеба, другие — перевернутую ванну, третьи — островерхие пирамиды. На южных склонах белеют стволы ярко-зеленых берез, среди них местами видны осины с трепещущими кронами. Но нигде нет ни желтовато-зеленой сосны, ни строгой темно-зеленой ели. Они не сумели перешагнуть Верхоянский хребет и добраться до бассейна Индигирки.

Здесь, на Северо-Востоке, царица лесов — даурская лиственница. Это удивительное дерево хорошо приспособилось к суровым условиям вечной мерзлоты. Оно дает человеку жилье и тепло. Древесина его веками не разрушается в воздухе и тысячелетиями сохраняется под водой.

Продвигаемся вверх по долине. Острова и косы густо заросли высокими тополями, стройными реликтовыми корейскими ивами-чесопиями, кустами цветущей красной смородины и вездесущего шиповника.

— Чую, супом пахнет! — смеется Иван, промывая последний лоток. Недалеко, за лесом, возле устья правого притока реки поднимается к небу столб дыма.

Вскоре мы с аппетитом уничтожаем приготовленный Адамом обед: суп из мясных консервов, заправленный сухими овощами, и хрустящих поджаренных хариусов.

Адам ставит палатку, а мы с Иваном идем в боковой приток, с тем чтобы к ночи вернуться.

Пока Иван промывает пробу, я бью молотком по темно-серому, почти черному выступу скалы и внимательно рассматриваю каждую отбитую плитку.

— И охота вам, Иннокентий Иванович, без толку скалу бить этак-то!

— Надо, Ваня! Пока она не скажет — какого она возраста.

— Есть, нашел! — кричу я через несколько минут, подпрыгивая, как мальчишка, от радости.

В руке у меня плитка сланца со слабым отпечатком ракушек.

— Видишь, Ваня, заговорила... И возраст ее такой же, как у колымских. Значит, и зона рудоносная протягивается сюда.

— А пошто ключ этот по пробам пустой?

— Не дошли, видно, еще. На Колыме промышленное золото встречается в пяти — восьми километрах от гранитов.

Поздно вечером усталые возвращаемся. Солнце красным шаром низко висит над лесистыми сопками, готовое скрыться за ними, чтобы через два-три часа, прокатившись за гребнем гор, снова появиться над горизонтом. Июньские ночи близ Полярного круга коротки и светлы. Круглые сутки можно читать, писать, ходить в маршруты и вести съемку местности.

Полужинав, я наношу на полевую карту пройденный за день маршрут. Привычка делать это ежедневно выработалась у меня за десятилетнюю практику геологической работы на крайнем Северо-Востоке. Рассчитывать на схематическую карту нельзя — двигаешься по «белому пятну». Каждый день, откладывая на карте пройденный путь, всегда, примерно, знаешь, где находится отряд, и лучше оцениваешь результаты работы.

Солнце уже скрылось. Ночь светла. Я выгоняю из палатки залетевших комаров и, завернувшись в заячье одеяло, моментально засыпаю.

• • •

Уже четвертый день идем мы вверх по реке. Все собранные геологические и поисковые данные указывают, что отряд подходит к золотоносной зоне.

Просыпаюсь в хорошем настроении. В маленькой палатке свежо и светло. Откидываю полог, выхожу. Крупные холодные капли блестят бриллиантовой россыпью на листьях и хвое деревьев, траве и кустах отцветающей голубицы. Свежая утренняя прохлада охватывает тело. Воздух напоен ароматом трав, смолистым запахом лиственницы и душистого тополя, прелых листьев и согретой сырой земли. Шумит река.

С наслаждением занимаюсь физзарядкой.

В памяти встают красноватые песчаники, изрезанные белой сеткой кварцевых жилок, замеченные мной вчера. «Мы вступили в контактовую зону вокруг гранитных массивов», — думаю я.

Схватив лоток и гребок, в трусах и тапочках на босу ногу бегу к речке. Пока ребята поспят и приготовят завтрак, я промою поблизости одну-две пробы.

Нахожу подходящее место близ ключа. С помощью гребка набираю в лоток породу из ямки. Делаю несколько осторожных круговых движений и вижу: на дне лотка из-под черного шлиха желтеет несколько крупных, с ноготь мизинца, пластинок.

Вот это проба!

Хватаю мокрый лоток и бегу с ним к палатке:

— Иван! Адам! Вставайте! Золото нашел! Смотрите!

Выскочив из палатки, взлохмаченные и босые, они рассматривают пробу.

— Вот это, паря, да!

— Первое золотишко в нынешнем сезоне!

— Теперь надо держать за хвост фортуны! — ликует Иван.

Через час мы уже за работой. Целый день, не замечая усталости, определяем возможные границы открытого объекта, намечаем места будущих зимних разведочных линий. Забыв все инструкции, чуть ли не через каждые сто метров смываем пробы — по две-три, а при хорошем золоте и по пять лотков.

— Эх, еще бы лоточек смыть, начальник! Больно золотишко доброе, — просит каждый раз Иван, заметив в лотке металл. И я уступаю.

— Богатый прииск здесь откроют. Следовало бы sprysнуть первое открытие! — шутя, предлагает перед ужином промывальщик.

— Что ж, sprysнуть так sprysнуть! Выпьем последний спирт, и на душе спокойнее будет, — соглашаюсь я.

Но в моем выючном ящике спрятана еще одна фляжка со спиртом. Это «НЗ» — неприкосновенный запас. Мало ли что может случиться.

— Что-то еще даст опробование боковых притоков? — вслух размышляю я.

— Ночью я долго не могу уснуть. Душа переполнена радостью пер-

вого в этом году открытия. Ярko вспоминаются тяжелая зимняя дорога с Наташей, обидное возвращение и ликвидация экспедиции. «Теперь уже никто не отмахнется от Индигирки», — с удовлетворением думаю я, засыпая.

Утром обследуем боковые притоки.

Адам работает увлеченно: делает затесы на деревьях, разводит костры для сушки проб, расставляет вешки на местах будущих разведочных линий. Он внимательно рассматривает каждый промытый лоток и то и дело кричит: или разочарованно «сох», когда в лотке ничего нет, или радостное «бар», когда в лотке желтеют едва заметные значки металла.

— Непонятно, есть здесь хорошее золото или нет... Назовем-ка этот ключ «Сох-Бар», по-якутски это будет «Нет-Есть», — предлагает Иван.

— Так и назовем, — решаю я. — А зимняя разведка разрешит наши сомнения.

* * *

Проходит три дня. Погода испортилась. Дует холодный северный ветер. Моросит мелкий дождь. Ненастье зарядило, видимо, надолго.

По чуть заметной тропке мы поднимаемся на сопку, чтобы перевалить в долину реки Тополевой и выйти на Индигирку.

Я иду впереди. Адам тянет за узду трех лошадей, тяжело шагающих в гору. За ним Иван ведет двух лошадей.

Вдруг на самом гребне перевала нас обволакивает, как ватой, густой туман. Это водораздел закрыла набежавшая туча. Компасом успеваю засечь направление и начинаю спускаться в долину речки.

Адам, боясь потеряться, идет вплотную за мной, часто оступаясь.

Из тумана навстречу мне лезут корявые, похожие на лапы каких-то чудищ, сучья. Больно бьют по лицу ветви стланика. Вероятно, мы сбились с тропы.

Вдруг туман начинает разрываться клочьями, рассеиваться и исчезает, быстро удаляясь от нас по гребню сопки.

— Кажется, все в сборе? Но туда ли мы перевалили? — спрашиваю я.

— Следа старого совсем нет. Однако на другую речку пошли, — предполагает Адам.

— Все равно будем обрабатывать Тополевую или соседнюю реку, — и, махнув рукой, я двигаюсь вниз по склону.

Лошади осторожно переходят заваленный гранитными валунами, вздувшийся от дождя ключ и спускаются к горной речке.

Покрапывает дождь. Заденешь дерево или куст, и на тебя льются потоки холодной воды.

Вечером отряд подходит к устью притока Индигирки, и мы, усталые, мокрые и голодные, пробираемся по берегу многоводной реки. Серые

тяжелые тучи с красным отблеском вечерней зари низко нависают над прибрежными скалами. Поток реки шириной в километр стремительно ударяется о скалу правого берега и, отброшенный ею, кружась, весь в белых бурунах, мчится дальше.

— Никакой юрты в устье реки нет, мы на соседнюю с Тополиной речку Учугей попали, — убеждаюсь я, рассматривая карту.

— Учугей по-русски значит — хорошая, а в этой речке, кроме валунов да пустых проб, я доброго ничего не заметил, — говорит Чистых. — А вниз по берегу нам с лошадьми не пройти: смотри, какая крутизна!

На почти отвесной скале видны узенькие бараны тропки. Похоже, что только для них тут дорога.

— Ничего, этим путем или другим — будем у Софрона. А сейчас, — подбадриваю я своих спутников, — остановимся на ночлег. Утро вечера мудренее.

Вечером, после ужина, отбираю несколько шлиховых проб, взятых близ гранитного массива. Высыпаю их по очереди на цинковую пластинку, капаю на них кислоту и тщательно рассматриваю протравленный шлих в лупу: не образовалось ли «зеркало» — блестящая серебристая поверхность, верный признак касситерита — руды олова. Но «зеркала» не видно ни на одном зернышке во всех протравленных пробах. Олова нет в исследованных шлихах.

По стенкам палатки мерно стучат капли дождя.

* * *

— Еще немного — и перевалим! — ободряем мы друг друга.

И вот преодолен крутой подъем. Вот она, вершина! Но что это?.. Впереди отвесной трехсотметровой стеной возвышается гребень, явно недоступный для лошадей.

Не пройти и здесь. Посоветовавшись, решаем: все, кроме меня, возвращаются в долину. Я же поднимаюсь на водораздел и посмотрю с высоты, где удобнее пройти. Попутно выясню, из каких пород сложена гряда.

Адам и Чистых с лошадьми начинают медленно, словно нехотя, обратный путь.

С трудом и риском взбираюсь на перевал. Панорама открывается великолепная. Стальной лентой извивается Индигирка, пробиваясь через цепи гор хребта Черского. Далеко внизу, возле устья речки Тополевой, серебряным гривенником блестит на солнце круглое озеро, около него бурыми кочками торчат две юрты. Пасется скот — коричневые букашки. До юрты Софрона рукой подать. Но близок локоть, да не укусишь...

Придется возвращаться и где-то в верховье Учугея искать перевал в Тополиную. День, а то и два потеряны.

Возвращаемся и в среднем течении речки Учугей находим место, где, пожалуй, можно перевалить через гору.

Начинаем подъем. Цепляясь за ветки стланика и выступы скал, впереди всех ловко преодолевает крутизну Адам. Лошади то и дело оступаются, падают на колени, рывками, с трудом карабкаются по откосу. Вьюки сползают, и нам все время приходится их поправлять.

Упорно, зигзагами продвигаемся к гребню.

Но вот до водораздела остается всего полсотни метров. Тут становится ясно, что коням с вьюками здесь не пройти. Иван и Адам развьючивают их. С огромными усилиями, согнувшись под тяжестью, перетаскиваем наш груз на вершину. Лошади послушно следуют за нами.

И вот, наконец, водораздел. Грандиозная панорама цепей хребта Черского открывается перед нами. Видим заросшую лесом долину реки Толевой.

Надо спускаться. Но спуск еще труднее, чем подъем. Не может быть и речи о том, чтобы вьючить лошадей. Как ни привычны к горам местные якутские коньки, навьюченными они спуститься здесь не смогут. А люди тем более.

— Перевяжем покрепче весь груз и столкнем вниз, — решаю я. — Другого выхода нет.

Один за другим тяжелые тюки, подпрыгивая, исчезают за каменными выступами.

— Ну, а теперь и мы! — говорит Иван.

Начинаем опасный спуск. Под ногами — скользкий мох. Тонкий слой его прорывается, обнажая зеленоватые кристаллы льда вечной мерзлоты. Каждую секунду можно сорваться и покатиться вниз. Страшно за лошадей: не напоролись бы на сучья, не поломали бы ноги...

Вот и долина, берег реки. Лошади стоят с трясушимися ногами; у одной до крови расцарапана морда, у другой — бок.

Теперь до юрты Софрона, действительно, рукой подать. Интересно, там ли Исаев?

• • •

Едва заметная тропка километров через восемь превратилась в торную, хорошо утопанную дорожку. Впереди показалось озеро, заросшее тальником. Дальше, среди лиственниц — старая, большая юрта, загон для скота и несколько рубленых амбарчиков.

Около юрты паслись коровы. Наши лошади, увидев жилые постройки, прибавили шаг и весело заржали. Неистово залаяли две большие собаки. Из юрты выскочил босой худенький мальчик якут лет двенадцати и побежал к собакам, ругая их по-якутски. Собаки послушно отошли в сторону. Мальчик с любопытством уставился на незнакомых людей.

Появился степенный старик с морщинистым, как печеное яблоко, лицом, в длинной (по колено) грязной рубахе, в летних торбазах из сыромятной кожи, с трубкой в зубах. Вслед за стариком, с трудом переступив

высокий порог, вышла сухонькая старушка в мешковатом черном платье.

— Здорово! Я — Софрон Корякин. А ты кто?

Я назвал себя, крепко пожимая сухую узловатую руку старика.

— А это моя жена Варвара! — представил он старушку.

Поздоровавшись по очереди со всеми, старик кланяется и жестом приглашает войти в юрту.

— Спасибо, обязательно придем. Вот палатку поставим и придем.

Софрон показывает сухое ровное место недалеко от своей юрты, на высокой речной террасе Индигирки. Тут мы быстро разбиваем наш лагерь.

В старой юрте прохладно и темно. Стены и потолок закопчены. Свет слабо проникает сквозь обломки стекол, вшитые между двумя кусками бересты, заменяющими рамы в окнах. В очаге-камине тлеют угли, над ними висят медный чайник и большой котел.

— Сюда проходи, начальник, это место садись! — предлагает гостеприимный хозяин.

Иван и Адам выкладывают на стол угощение: последнюю буханку белого хлеба, печенье, чай, сахар и конфеты. На столе появляются большие деревянные тарелки, подносы с вареной жирной говядиной, кусками зайчатины.

К явному удовольствию хозяев,ставляю на стол бутылку с разведенным спиртом из своего аварийного запаса.

Варвара достает из маленького ящика белые фарфоровые чашки, расставляет их на столе и присаживается рядом со своим внуком Ильей.

Адам на якутском языке рассказывает хозяевам о работе отряда.

— Мин¹ — стахановец! Мин — первый охотник! — бьет себя в грудь Софрон. — Два плана пушнины сдал, первый сорт!

Я подтверждаю:

— Ты, дедушка, первый охотник на Индигирке. А сколько тебе лет?

— Много, да много! В колхоз не берут. Старик, говорят, — и, поставив выпитую чашку, Софрон девять раз взмахивает обеими руками и потом раз одной:

— Девяносто пять!..

Вечером на реке слышались крики, скрип весел — это приплыл отряд Исаева.

Рано утром вместе с Пятилетовым я иду опробовать небольшой ручей в трех километрах от юрты Софрона.

— Однако пустой ручей, напрасно туда пойдешь, — отговаривает Софрон.

Но мы не поддаемся, идем.

Недалеко от юрты нас догоняет Илья.

¹ Мин — я (якут.).

— Не слушай, начальник, деда! Напрасно он говорит! У того ключа наша юрта зимняя стоит! Бойтся он! Камни там белые, хорошие есть. Играю я ими.

Мальчик достает из кармана несколько круглых белых галек кварца. Разбив их геологическим молотком, обнаруживаю явные следы орудения.

— Где кварц, там и золото, известное дело! — отмечает Пятилетов.

— А мне можно с вами? — просит Илья.

— Что же, пошли.

Лицо мальчика сразу просияло, он подпрыгнул и побежал вперед, показывая дорогу.

Старую юрту с заколоченными окнами и дверью мы увидели, выйдя по тропке из густых зарослей тальника на поляну. Неподалеку от нее, теряясь в кочках, бежал небольшой ручей. Пологие склоны долины пламенили лиловыми пятнами цветущего кипрея, среди которого торчали черные стволы обгорелого леса.

— Это место называется Юрта, а ключ никак не называется, — говорит Илья.

— Да стоит ли его опробовать? Ключ, действительно, никудышный, — ворчит старый золотоискатель, тяжело ступая по болоту.

Мне тоже не нравится этот унылый ручей. Я даю ему безразличное название: Горелый.

Впрочем, в истоках ручья, на фоне голубого неба виднеется высокий конус красивого гранитного гольца. «Хороший геологический признак», — отмечаю я про себя и фотографирую голец.

— Юргун-тас — Красивая гора, — поясняет Илья. — Дальше пойдем — воды больше будет. Камни белые увидим. Однако золото есть.

— Посмотрим!

Пятилетов смывает несколько пустых проб.

Впереди я вижу небольшой приток, а справа и ниже его — хорошее место для опробования. Ручей здесь делает крутой поворот и подмывает левый увал, обнажая выход коренных пород. Верхние галечные наносы полностью смыты.

Пятилетов доволен:

— Вот это местечко! Но если и здесь пусто, то дальше можно не ходить!

Он набирает гребком пробу. Илья ему помогает. Я описываю место взятия пробы, состав породы, делаю зарисовку обнажения.

В лотке остается только полоска тяжелого черного шлиха. И вдруг под ним мелькнули, исчезли, опять мелькнули одна, две, три блестящие чешуйки.

— Смотри! Золото! — кричит маленький якут.

— Да еще какое! Вот так проба! — добавляет Пятилетов, подавая мне лоток.

С замирающим от радости сердцем я рассматриваю в лупу круглые, желтые, с матовой поверхностью золотники.

— Грамма два-три, — определяю на глаз вес пробы.

— Не иначе! — соглашается Пятилетов.

Илья прыгает и кричит:

— Я говорил, золото есть!

Пятилетов смывает следующие три лотка — результат еще лучше! Я, высушивая последнюю пробу, поднимаю совок, чтобы высыпать шлик с золотом в капсюль и вижу на «щетке» круглый, лепешкой, самородок размером в золотой червонец.

— Какое золото под ногами лежит!

Пятилетов вдруг начинает ругаться:

— Старый слепой черт Софрон! Весь век по золоту ходил и не видел! Можно сказать, миллионером был и сам того не знал...

— Ну, при царе прибрал бы богатство кто-нибудь другой, — возражаю я. — Но шуму и золотой горячки было бы много, наткнись старатели на это золото до революции. Не одна бы душа погибла...

Пятилетов закуривает, зажигая спичку трясущимися от волнения руками.

— Видать по всему, добрый ключ мы с вами, Иннокентий Иванович, для Родины нашли. И долина у ключа развалистая, есть где россыпи богатой образоваться. Долежало в тайге богатство до настоящего хозяина!

Никогда я не брал еще таких удачных поисковых проб. Видимо, действительно мы нашли замечательную россыпь.

— А как окрестим этот ключ? — спрашивает Пятилетов.

— Ручей этот назовем не Горелый, а Пионер. Ведь пионер Илья помог нам его найти. Да и уверен я: будет ручей пионером среди объектов, которые мы еще откроем в этом сезоне.

— Дело! — соглашается Пятилетов. — А вот этот ключишко, на выносе которого мы брали пробу, назовем — ключ Ильи.

— Быть по сему! — соглашаюсь я, подхожу к одинокой лиственнице, делаю затес и пишу карандашом: «Ручей Ильи», ставлю дату и подписываюсь.

— А ниже ты, Илья, подпишись.

Продолжаем обрабатывать ручей Пионер, двигаясь вверх по его течению. Илья показывает нам места, где зимой ловил петлями зайцев, а ловушками-плашками куропаток.

В верхнем течении ручья мы опять берем хорошую пробу. Пятилетов радуется:

— Самостоятельное золотишко! Третий лоток промываю, и в каждом

почитай, не менее грамма-двух металла. Не меньше четырех километров прошли, и все золото. На золоте, Илья, ваша юрта стоит! Вам Советская власть хорошо за нее заплатит, новый дом построит, когда здесь прииск откроется.

Промывальщик едва успевает отвечать любопытному Илье, как будет разведываться и разрабатываться золото в долине ручья Пионер.

Довольные, мы возвращаемся к юрте Софрона.

— Ну, друг, золото есть? — не без ехидства спрашивает он.

— Есть, и много!

Старый якут перестает пить чай и настораживается. Видит, что мы не шутим, и хмурится.

— Плохо, совсем плохо!

— Почему это плохо? — возмущается Пятилетов. — По-твоему, пусть лежит без пользы металл?

— Плохо будет, — твердит старик. — Людей много будет! Тайга гореть будет! Шуму много будет! Зверь уйдет. Другое место надо кочевать.

— Ничего, Софрон, жить ты станешь лучше и культурнее, будет работа, одежда, продукты, и никто тебя не тронет, — успокаиваю я его.

— А я, дедушка, поеду учиться в город. Геологом буду! — ликует Илья.

Поздно вечером возвращается со своей группой Иван Ефимович. Он похудел и загорел. Маршрут был тяжелый.

— На самой вершине вот этого красивого гольца мы были, — сбросив тяжелый рюкзак с плеч, рассказывает он. — Чуть ноги не переломали, пока добрались до его вершины. Высотомер показал 1850 метров над уровнем моря. Ну, а как ваши успехи?

— Ног не ломали, а с добычей вернулись, — Пятилетов показывает капсуль с самой богатой пробой.

— Вот это да! Где это вы нашли? — восхищаются наши товарищи. Они и про усталость свою мгновенно забыли...

После ужина, рассматривая полевую карту, на которую я уже нанес ручей Пионер, Иван Ефимович констатирует:

— Так, значит, Пионер берет свое начало с гольца, на котором мы были. Теперь вокруг него надо искать рудные и россыпные месторождения золота и, возможно, олова. Ваше открытие еще раз подтверждает, что мы работаем в колымской рудоносной зоне.

* * *

Одни лоси да мы, геологи, бродим по этим глухим безлюдным долинам. Пройдет несколько лет, и на открытые нами месторождения придут люди, оживет дремучая тайга. Так было на Алдане и Колыме. Так будет и здесь!

— Стой, начальник! Смотри под ноги! — испуганно кричит Иван.

Я от неожиданности роняю горный компас.

В двух шагах впереди — туго натянутая между деревьями волосая веревочка. Поднимаю глаза и вижу: в стороне от тропки установлен самострел. Торчит стрела с острым железным наконечником. «На ло-сей!» — догадываюсь я и невольно отступаю назад.

— Вот старый хрен Софрон! Забыл свою снасть убрать! — ругается Иван и осторожно трогает палкой веревочку. Стрела со свистом летит поперек тропки.

Поднимаю компас, дрожат руки, стынет от холодного пота спина.

— Спасибо, друг, от смерти спас...

С утра до вечера мы бродим по долинам ручьев и маленьких речек с однообразными наносами серых песчаников и темных сланцев. Результаты никаких.

Мы работаем с опущенными на лицо накомарниками в кожаных перчатках. Первые числа июля — самые комариные дни.

Спины и бока лошадей посерели от облепивших их комаров. Проведешь перчаткой по спине лошади — перчатка краснеет. Часами бедные животные стоят в дыму костра и отмахиваются хвостами от беспощадного гнуса.

— Смотрите, какой высокий лабаз на деревьях, и старый, видать! — Чистых указывает на высокий, в три человеческих роста, четырехугольный длинный сруб, установленный на четырех очищенных от веток и коры лиственницах. Сквозь редкий пол лабаза свисают пряди черных волос и какие-то лоскутки. Кругом на сучьях деревьев белеют черепа медведей, оленей и десятки маленьких заячьих и беличьих черепов с оскаленными длинными зубами.

— Это не лабаз, это могила женщины-шамана. В древние времена так тунгусы своих покойников хоронили, — объясняет Адам и торопливо ведет лошадей подальше от чернеющей на деревьях могилы.

Подходим к устью небольшого безымянного ручья.

— Смотрите, сколько кварца! — удивляется Иван.

На лиственнице делаю затес с четырех сторон и пишу: «Нерская партия ДС». Иван читает надпись и, улыбаясь, дотписывает карандашом: «Ключ Наташа».

— Почему же Наташа?

— Знаю, в честь какой Наташи...

Ключи и речки мы называем именами знакомых, героев любимых романов, фамилиями и именами работников управления. Ряду ключей даем революционные названия, иногда называем ключ по его характерным признакам. Так на наших картах появляются ключи: Широкий, Узкий, Крутой, Перевальный, Валунистый.

Двигаемся вверх по ключу Наташа.

— Пока ничего особенного, — говорю я, рассматривая взятые пробы. Через некоторое время появляются кварцевые жилы. С каждым километром пробы улучшаются.

— Смотрите, — сдавленным голосом говорит Иван, протягивая лоток.

Я беру образцы из обнаруженных нами кварцевых жил.

— Вошли, видимо, в контактную рудоносную зону, — высказываю я предположение.

Увлечшись работой, не замечаем, что уже наступила короткая, светлая июльская ночь. Солнце скрылось за сопками.

— Пора возвращаться к устью, — говорю я.

— Да, вот это ключик! Не подвела Наташа! — восхищается Иван.

* * *

Долина реки все больше и больше расширяется, разнообразнее становятся наносы. Река большой дугой огибает гранитный массив Юргун-Тас.

Физиономия Ивана после каждой промытой пробы расплывается в улыбке.

— Все косы да галечные борта, что, кроме знаков, тут возьмешь; но знаки самостоятельные пошли, — бормочет он, рассматривая пробы.

Погода быстро испортилась. Задев сопки, поползли тяжелые свинцовые тучи. К вечеру задул сильный ветер.

Наша палатка, поставленная на островке, затрепетала. Закачались лиственницы, и на землю посыпались сухие ветви и мелкие шишки.

Ночью пошел крупный дождь. Капли барабанят по туго натянутой бязевой палатке. Под их мерный шум засыпаем.

Рассвело. Дождь продолжает идти. Река за ночь стала вдвое шире. Мутная и грязная, она мчится, унося деревья и кустарники.

Вода подступает к палатке.

Адам с трудом перебирается через ставшую глубокой протоку за лошадьми. Вчера вечером протока была сухая. Грязные потоки уже затопляют нашу стоянку.

В пять минут сворачиваем палатку и завьючиваем приведенных Адамом лошадей. Протоку переходим уже по пояс в воде.

Изябшие, мокрые, забрызганные грязью, добираемся до высокой террасы.

Мы спохватились вовремя. На наших глазах река захлестывает островок — место нашей стоянки. Вода несется здесь широким сплошным потоком, пригибая вершины кустов и небольших деревьев. А дождь все идет и идет, угрюмый, холодный северный дождь. Дождевая вода скачивается с поверхности вечной мерзлоты, как с листа железа, в русла рек и ручьев.

Несколько дней проходит в вынужденном бездействии. Я сижу в палатке и под мерный шум дождя камеральничаю — вычерчиваю более тщательно свою полевую глазомерную карту. Привожу в порядок полевые записи. Описываю образцы и пробы.

Адам ремонтирует седла и сбрую лошадей. Иван чинит обувь и одежду — она так быстро рвется в тайге.

Дождь наконец прекратился, погода ясная.

Вода на наших глазах убывает, обнажая косы и борта реки, где можно будет брать пробы.

Мы выходим к устью реки. В вечерней розовато-сиреновой дали виден зубчатый гористый противоположный берег Индигирки. Широкое русло реки завалено рыхлыми галечными наносами. То здесь, то там белеет нарастающий лед. Он покрыл близ устья речки всю долину.

В самый разгар лета странно выглядит огромное белое пятно на льду — тарына, окаймленное ярко-зеленым лесом. Осторожно, испуганно похрапывая, лошади вступают на лед.

Наледи — огромные ледяные поля и бугры, не тающие летом, — как они образуются?

В зимние месяцы, при сильных морозах, реки и ручьи местами промерзают до дна. Образуются ледяные пробки, и вода, просачиваясь через галечники берегов, попадает на ледяную поверхность замерзшего ручья или реки, растекается по земле.

Зимой, когда морозы достигают 50—60 градусов, наледь-тарыны всегда покрыта водой, и над ней стоит густое облако тумана. За зиму намерзает слой льда толщиной до пяти-шести метров. Лето короткое, он не успевает растаять.

В бассейне Индигирки, в долине ее правого притока Мамы, я видел Большой тарын (Улахан тарын) длиной до пятидесяти километров...

Солнце скрылось за горами, и вечерняя заря розоватыми бликами расцвечивает купол тарына.

Хрупкий лед под копытами лошадей колется, как сахар, и рассыпается на мелкие иглы. Постепенно отстают комары и оводы. Местами среди льда попадаются рощи засохших деревьев.

По краям тарына лед стоял и тянутся серые галечники. Адам и Иван осторожно проводят лошадей возле глубоких, до двух-трех метров, узких канав, промытых во льду. По ним бежит прозрачная холодная вода. Мы знаем по опыту, как опасны такие ледяные канавы: провалится в неё лошадь и, пока ее вытаскивают, замерзает.

Лед кончился. Перед нами вровень с берегами мчит свои шоколадного цвета воды стремительная Индигирка.

* * *

Мы вдвоем с Сашей Нестеренко на маленькой лодочке-«ветке» поплыли по Индигирке. Остальные с Неустроевым, догнавшим нас, и Адамом отправились на лошадях в обход скалистого участка реки. Плот с нашим неизменным лоцманом Гаврилой и Степаном уплыл вниз до поселка Тюбелях.

Саша гребет двухлопастным веслом. В его сильных руках оно упруго гнется. Я сижу на корме и подгребаю то справа, то слева, стараясь управлять вертявкой лодочкой.

Жутко плыть в такой скорлупке по мрачной и стремительной Индигирке. Одна за другой три высокие скалы проносятся мимо нас. Вода ревет и шипит. Идеальное место для створа гидростанции...

На быстринах скорость течения доходит до двадцати и более километров в час. По совету Гаврилы к бортам лодки мы привязали два сухих бревна.

Работа наша требует большого напряжения: нужно грести, одновременно править, глядеть на утесы, зарисовывать обнажения, где возможно, замерять углы падения пластов, фотографировать. Но чуть перестанет Саша грести, «ветку» поворачивает и несет боком к утесам.

И вот река мчит нас прямо на отвесные скалы, которые острыми зубцами разрезают воду, бурлящую и пенящуюся.

Нажимая изо всех сил на весла, удерживаем «ветку» на почтительном расстоянии от страшного утеса и, круто повернув к берегу, попадаем в затишье, в устье небольшого ручья. Выскочив из лодки, вытаскиваем ее на галечный берег.

— Ну и река! — тяжело дыша и вытирая рукавом пот с покрасневшего лица, говорит Саша.

— Здесь, брат, в тайге, мух некогда ловить. Надо уметь хорошо грести, плавать, стрелять. Уметь действовать кайлом, лопатой и лотком. Быть зорким и наблюдательным, шевелить мозгами...

Над нами носятся острокрылые горные стрижи. Тысячи комаров в день уничтожает эта полезная птица.

— Ну как, Саша, разочаровался ты в профессии геолога? — подтруниваю я. — Смотри, трудности какие! Страху, бывает, наберешься.

— Наоборот, полюбил я эту работу. Вот вернемся на прииски, буду просить, чтобы комсомол и руководство треста послали меня учиться. Иван Ефимович обещает дать хорошую производственную характеристику и советует поступить в Московский университет. Он сам его окончил.

Привязав лодку к кустам ивняка, мы идем вверх по узкой долине ручья.

Смываю несколько лотков. В одном из них мы замечаем единственный значок металла, корявый, с чуть заметными кусочками кварца.

— Рудное золото! Кварцевую жилу надо искать в этом ручье! Саша внимательно рассматривает в лупу шлих промытой пробы. К истокам долина ручья расширяется. В русле стали часто попадаться угловатые валуны кварца.

Геологическими молотками мы отбиваем от них куски.

— Не видно следов оруденения. Чистый, молочный, видимо, пустой кварц! — Саша сердито отбрасывает отбитые образцы. — Коренной бы выход, жилу кварцевую найти!

Он в бинокль осматривает склоны ручья и вдруг кричит:

— Ура! Иннокентий Иванович, кварцевая осыпь!

Шаг за шагом мы движемся вверх по увалу, осматривая почти каждую глыбу кварца. Осыпь, все сужаясь, вокруг исчезает. Впереди не белеет ни одной точки.

— А где же жила? — вопросительно глядит на меня Саша.

— Нужно еще раз тут все просмотреть, покопать. Может быть, она задернована, покрыта растительностью, осыпями сланцев.

Мы еще раз проходим по увалу, местами выкапывая в щебенке ямки-«закапушки» глубиной до полуметра.

— Нашел, не иначе, жила!

Саша энергично работает гребком, счищая дерн и мох с белеющей продолговатой глыбы, коренной жилы, расположенной чуть выше конуса кварцевой осыпи. Ручкой молотка, на который нанесены сантиметры, он замеряет ее мощность.

— Десяносто пять сантиметров — почти метр!

Компасом засекаем простирание жилы, общее ее направление. Определяем, под каким углом жила уходит в глубь.

Сильными ударами геологического молотка Саша отбивает от жилы куски рудной пробы и с видом охотника, убившего ценную дичь, складывает их в холщовый мешочек.

— Килограммов пять образцов будет! Для рудной пробы хватит!

— Вполне достаточно, Саша, и килограмма, лошадок надо пожалеть!

Мы отплываем от устья ручья в самом хорошем настроении.

Индиго-розовая стена. Впереди преграждает путь серо-розовая гранитная стена. Река стремительно бросается влево и течет на северо-запад.

Вот и острова. Внезапно между галечниками вижу ряды высоких скачущих гребней. Они в соседней протоке. Мы отделены от гребней узким галечным островком, но протоки вот-вот сойдутся...

Совместными усилиями стараемся отгрестись. Весло в руках Саши угрожающе гнется. Оно ежесекундно может сломаться. Течение мчит нас со скоростью поезда. Ниже острова высокие валы пенятся поперек

всей реки. Первый же вал, в который мы врезаемся, заливает нашу лодку водой до половины, второй — до краев.

Бревна поддерживают «ветку», и мы не тонем, сидя по пояс в холодной воде.

Проплываем мимо большой реки Иньяли — левого притока. Течение отбрасывает нас на середину реки. Упорно гребем к левому берегу, но залитая водой лодка движется медленно. Выскакиваем на косу, едва почувствовав, что дно нашего утлого суденышка коснулось гальки.

Вытащив лодку на берег, выливаем из нее воду. Вид у нас неважный.

— Да, бревна спасли нас!

Саша вынимает из кармана мокрых брюк резиновый кисет, достает спички и начинает разводить костер.

Обсохнув, мы продолжаем работу.

Вечером нам с трудом удастся пересечь стремительную Индигирку и пристать чуть ниже двух палаток, где разместилась наша партия, уже вернувшаяся из бокового сухопутного маршрута.

Самолет над тайгой. Идем по левобережью. Охота на баранов. В царстве ягеля. Рудоносная зона продолжается. Собачья река. Трудный переход. В ловушке. Впервые на самолете. Встреча с Цареградским. На прииске. Вот как бывало в старые времена! «Мое» и «наше».

IV. ЛЕВОБЕРЕЖНЫЙ МАРШРУТ

Конец июля. Две палатки нашей партии стоят рядом на правом высоком берегу реки против якутского селения.

Обсуждаем, в каком направлении вести дальше разведку.

— Пороги на Индигирке — беда, страшные, — говорит Гаврила. — В старые времена казаки из Оймякона на карбасах до этого вот места доплывали, здесь стан ставили и пороги на лошадях и пешком обходили. Лет двести тому назад семеро казаков и якут пробовали через пороги проплыть. Лодка разбилась. Спасся только один казак. Звали его Тихон. Выплыл он возле устья речки, которую теперь называют Тихонова река...

Откуда-то издали донесся густой, вибрирующий гул.

— Самолет! Самолет летит! — первым замечает белую блестящую точку над сопкой Иван Чистых.

Серебристый гидросамолет делает круг над порогами. Летчик, заметив наши палатки, пролетает совсем низко над нами и в знак приветствия покачивает машину вправо-влево.

— Вот что значит техника! — восхищается Саша. — Что ему пороги! Высадит экспедицию в любом месте. Довезет, куда хочешь, и увезет. Только знай, работай.

— Наверно, это самолет Индигирской экспедиции, — рассуждаю я. — Ну, что ж, мы с экспедицией свяжемся и укажем разведанные нами места. Пойдем по левобережью, выясним, продолжается ли там рудоносная зона.

По карте уточняем предполагаемый маршрут.

Гаврила согласен быть проводником, он ходил по этим местам с экспедицией Сергея Афанасьевича Обручева.

— Против вашего предложения, Иннокентий Иванович, пройти по левобережью, я не возражаю! — решает Иван Ефимович. — Но где мы найдем еще лошадей? Переправлять наших рискованно, да они и нужны для работы на правом берегу.

Гаврила советует арендовать лошадей в Тюбеляхском колхозе.

В течение одного дня все сборы закончены. Гаврила и Иван перевезли груз на левый берег и сложили у школы, куда должен привести лошадей колхозный каюр Старков.

Утром первого августа Гаврила на «ветке» переправляет меня.

— Так, значит, договорились, — напутствует нас Иван Ефимович. — Я пойду по хребту Черского до плоскогорья Улахан-Чистай и оттуда выйду к месту нашей весновки. Там мы и встретимся примерно в первых числах сентября.

* * *

Идем по левому берегу. Поднимаемся по горной тропе все выше и выше. Вот уже далеко внизу блестят плесы Индигирки. За рекой сияют гряды высоких гор со снеговыми вершинами. Туда ушел отряд Исаева.

Переночевав, продвигаемся по мрачной, глубокой долине. Чем дальше мы отходим от долины Индигирки, тем реже встречаются березы, тополя и заросли ягодников. Попадают лишь редкие перелески даурской лиственницы. Склоны гор сплошь покрыты оленьим мхом — ягелем.

Долина расширяется. Вдали видна высокая гора Чён, напоминающая усеченную голову сахара, завернутую в зеленовато-синюю бумагу. Это самая высокая гора в левой части бассейна реки. Отсюда когда-то ползли в долину ледники.

— Сейчас река будет, в устье тарын большой, — говорит наш проводник. — А дальше корм хороший лошадям есть. Там ночуем.

Лошади ступают на хрупкий лед тарына. Он рассыпается под копытами, и следы моментально наполняются водой.

— Смотрите — бараны! — шепчет Иван. И верно — восемь горных баранов гуськом спускаются по чуть заметной тропке к реке.

Нас охватывает охотничий азарт. Оставив лошадей на попечение флегматичного Старкова, я, Иван и Гаврила устремляемся к добыче. Бараны, быстро перебирая тонкими стройными ногами, бегут по крутому обрыву. Но вот вожак остановился и, подняв голову с тяжелыми, загнутыми спиралью рогами, спокойно смотрит на нас. Животные явно не пуганы.

Целью в ближайшего. Волнуюсь. Карабин дрожит в руках. Почти залпом гремят три выстрела. Два барана валятся вниз, судорожно дергая ногами, и задерживаются в камнях у самой воды. Еще выстрелы — и еще две туши катятся по крутому откосу.

Устроившись лагерем на опушке леса около наледи, приступаем к разделке туш. Как первобытные охотники после удачной ловли, мы пируем, объедаясь вкусной бараниной. Осоловело смотрит на костер каюр Старков. Весь измазанный бараньим салом лежит, тяжело отдуваясь, Гаврила.

— Бросать мясо жалко, надо здесь пару дней поработать, соседние ключи опробовать, — не совсем уверенно предлагает Иван.

Два дня стоит наш отряд на месте. Делаем маршруты в боковые ручьи. Поиски безрезультатны.

Наконец вся баранина прокопчена в дыму, и мы с тяжело навьюченными лошадьми продолжаем свои поиски вверх по реке.

Лес постепенно мельчает и, наконец, исчезает совсем. Впереди безлесная местность, покрытая ягелем.

— Брон-Чистай это место называется, — объясняет Старков. — Здесь эвен Егор Кондаков наших колхозных оленей пасет.

Ягель — повсюду: на камнях, в расщелинах, на возвышенностях. Идешь словно по ковру. Ноги погружаются в мягкий, похрустывающий мох.

Идем по такому месту, которое на карте обозначено белым пятном. Справа от нас величественно возвышается гора Чён.

Вот навстречу движется целый лес оленьих рогов. С сухим треском они стучат друг о друга. Это колхозное стадо. На ездовом олене едет пастух, старый эвен с длинной палкой — хореем — в руке. Заметив нас, он мчится навстречу и, остановив оленя, легко и упруго соскакивает на землю. Перед нами — Егор Кондаков, тот, о котором мы слышали от Старкова.

В сопровождении Егора отряд направляется к небольшому увалу. У его подножия стоит конусообразный эвенский чум — ураса, обтянутый задымленной, почти черной, дырявой ровдугой (особо выделанны-

ми шкурами). Нас встречают две собаки. Они прыгают на трех лапах (передняя лапа привязана к шее, чтобы собаки не убегали далеко от чума и не пугали оленей). Мохнатые псы добродушно ластятся к людям.

Егор приглашает всех нас в чум.

Жена Кондакова, невысокая, скуластая, узкоглазая, здороваается с гостями и начинает хлопотать, приготавливая обед. На ней легкая одежда: дошка и штаны из ровдуги и украшенный бисером, мехом и серебряными бляшками передник. Ноги обуты в расшитые бисером летние торбазы.

Она нанизывает пресные лепешки на тонкие лучинки и, воткнув их в землю вокруг костра, изредка поворачивая, печет на огне. Ей помогает розовощекая шестнадцатилетняя дочь.

Мы рассаживаемся на оленьих шкурах вокруг столика и пьем чай, угощаем хозяев продуктами из своих запасов.

В чум входит высокий юноша — сын Кондакова Петр. Он окончил Тюбеляхскую начальную школу и собирается ехать в Якутск на курсы животноводов-зоотехников.

— Учиться надо. Больных оленей лечить. Здесь хватит кормов на большие табуны, — говорит по-русски Петр.

Вечереет. Торопливо завьючив лошадей, мы продолжаем двигаться вперед, собираясь ночевать у ручья, где есть «мало-мало трава», как говорит Гаврила. Ведь лошадей ягелем не накормишь...

* * *

С каждым днем становится холоднее. Вечером одиннадцатого августа в воздухе закружились хлопья снега. Снег шел всю ночь.

На следующий день почти по колено в мокром снегу мы медленно бредем по пологому водоразделу. Гора Чён — вся белая.

Рано выпавший снег быстро тает. Белыми остаются лишь вершины гор.

Спускаясь с перевала, попадаем в густые заросли кедрового стланника. Потом чуть заметная тропка вьется среди густого леса вдоль русла небольшой речки.

Первые же пробы обнадеживают нас. На дне лотков много черного тяжелого шлиха, кубиков ярко-золотистого пирита, а среди них — две-три чешуйки золота.

— Опять, паря, золотить начинает, — радостно отмечает Иван.

Видимо, входим в рудоносную зону.

Река рассекает на две части широкую долину.

На четвереньках мы с Иваном лезем вверх по скалистой обрывистой террасе на почти стометровый правый увал речки. И сразу попадаем как будто в совершенно другую, равнинную страну. Пологая долина покрыта, как одеялом, мягким красноватым ковром болотных мхов

с цепочкой маленьких, заросших осокой и ольховником озер. В голубой дали виднеется силуэт гольца с зубчатой вершиной.

— Не иначе, тот самый, — замечает Чистых.

— Вычертим маршрут и выясним направление долины, тогда видно будет.

Идем вдоль реки. Легко двигаться по намытым ровным косам. Выходим на почти пересохшую небольшую протоку. Внимание привлекает какое-то движение в небольшой ямке, наполненной водой. Присматриваемся — ямка заполнена крупными черными хариусами. Воды так мало, что спинные плавники рыб высовываются на поверхность. Руками вылавливаем штук тридцать крупных хариусов.

— Вот это улов! — восхищаемся мы, складывая рыбу в рюкзак.

Вскоре тропка выводит нас на быструю реку. Лошади, покачиваясь под тяжестью вьюков, осторожно бредут по ее широкому перекасту. Переправившись на другой берег, мы останавливаемся в устье двух больших притоков.

— Место хорошее. Корму лошадям много. Дальше тропа на Якутск идет, — хвалит стоянку Гаврила.

— Возвращаться пора, снег скоро пойдет, — вносит нотку пессимизма флегматичный Старков. — Домой обратно трудная будет дорога.

— Вот закончим, старина, дня в три-четыре опробование и пойдем, — успокаиваю я его.

Вечером весь обвешанный чирками бодро подходит к палатке Иван. Из чирков получается великолепный ужин.

Расписываемся на плите песчаника, поставленной на ребро, толстым строительным карандашом, указываем название партии, дату и номер взятой пробы. Пусть геологи других экспедиций знают, до какого места мы дошли.

Ранние заморозки раскрасили склоны гор желтыми, бордовыми, ярко-красными пятнами. Пожелтевшие тополя роняют листья в прозрачные воды речек и ручьев.

— Пора нам искать экспедицию. Как пойдем, Гаврила? — спрашиваю я нашего проводника.

— Кругом можно, ладно будет, тропа хорошая. Три-четыре дня надо идти... Прямая дорога есть на Индигирку, плохая дорога. Капчагай¹. Один день перехода на лошадях. Только через речку Собачью часто ходить надо. Куцаган² река. Валун большой, камень большой. Прыгать, как собакам, надо. Лучше, однако, кругом идти, лошади целые будут.

Зная по опыту манеру проводников якутов преувеличивать трудности дороги, решительно требую:

¹ Капчагай — ущелье (якут.).

² Куцаган — плохо (якут.).

— Пойдем, Гаврила, прямым путем, по Собачьей реке.

По пути ведем опробование. К вечеру останавливаемся у маленькой заросшей речки, названной Поперечной. Долина ее размывает контактную пологую зону, самую перспективную.

Мои спутники уже настроились поскорее вернуться к месту весновки.

— Здесь переночуем, день-два поработаем на этой речке и пойдем дальше,— решаю я.

Неохотно они сбрасывают выюки на землю.

На следующий день, усталые и недовольные результатами опробования, идем мы с Чистых вверх по долине Поперечной.

«Геологические условия для образования россыпи благоприятные, а в пробах — одни ничтожные значки», — недоумеваю я, упорно шагая вперед.

Мы отошли от палатки километров на десять.

— Пора возвращаться,— предлагает Чистых.

— Дойдем до того ручья, Ваня, возьмем в его устье пробу и вернемся.

Вот мы у ручья.

— Да здесь, паря, поту прольешь, пока расчистишь место, чтобы взять пробу,— ворчит Иван.

Стиснув зубы, он бьет острым концом гребка по твердой глине.

Минут через пять я слышу:

— Иннокентий Иванович, спай!

Чистых осторожно, с лотком, наполненным до краев породой, сползает с террасы к воде и, присев на корточки, начинает промывать. Вдруг его обросшее лицо выражает удивление. Он вскакивает на ноги.

— Смотрите, какие желтые тараканы!

На дне лотка среди черного шлиха вертятся несколько продолговатых крупных золотинок, удивительно похожих на желтых тараканов.

Забыв про усталость и позднее время, мы опробуем ручей Широкий и идем дальше к его истокам.

Как охотники-соболятники, шаг за шагом двигаемся по золотым следам — и открываем богатое месторождение.

Темнеет, пора возвращаться.

Вернувшись к палаткам, сидим после ужина у костра, покуриваем и мечтаем. За лето мы нашли несколько промышленных объектов.

— Что-то здесь будет года через два-три?

— Что будет? А вот что будет: придут за нами разведчики, горняки, строители. Дорожники проведут дорогу. Загремят взрывы. Экскаваторы и бульдозеры вздыбят землю, разворотят скалы. Вырастут поселки и расцветет тайга. А мы, геологи, будем продолжать свой путь дальше на Север: на Яну, за Полярный круг, вдоль Ледовитого океана, в далекую Чукотку, по Верхоянскому хребту. Много еще мест, где нужно поработать нашему брату геологу-разведчику!

Иван строит планы на будущее:

— Останусь, пожалуй, я здесь, на Индигирке, в экспедиции работать. Уж больно металл добрый и места подходящие. Лес для строительства есть, рыба и дичь... Да и заработки будут немалые.

— Что же, таких опытных опробщиков, как ты, с руками и ногами возьмут.

Забравшись в свой полог, я плотно запахиваю и завязываю вход, чтобы ни один комар не мог пробраться, и укладываюсь спать. Не спится.

«Теперь окончательно подтвердилось: металлоносная зона тянется по левому берегу реки,— думаю я. — Надо скорее связаться с экспедицией, чтобы направили сюда геолого-поисковые партии. А в сентябре еще до снега вернусь на Колыму...»

* * *

Утром медленно поднимаемся к водоразделу по пологому увалу, заросшему редкими лиственницами и кустами стланика.

Начинает моросить дождь. Мелкая щебенка скользит под ногами. Хлюпает мокрый ягель. Куропатки веером разлетаются из-под копыт лошадей.

С водораздела открылась бескрайняя гористая страна с цепями белогольвых гольцов.

Лошади, приседа на задние ноги, начинают осторожно спускаться в широкую долину.

Первые же пробы, взятые здесь, обрадовали нас.

— Хорошие пробы,— ухмыляется Иван, рассматривая желтые пластинки металла в лотке.

Но следующие пробы нагоняют на нас уныние: они безнадежно пусты.

Дождь уже не моросит. Он теперь крупный, холодный. Порывисто задувает ветер.

— Однако плохо! Торопиться надо. Вода большая в реке будет,— тревожится Гаврила, поглядывая на быстро прибывающую воду и низкие свинцовые тучи.

Его тревога передается и мне. Бросив работу, мы поспешно движемся по реке Собачьей.

Зажатая высокими гранитными массивами, долина резко сужается. Тропка прижимается к левому берегу и... обрывается. Дальше идти некуда. Надо переправляться на другую сторону. Вода в реке прибывает и, пенясь, бурный поток стремительно несется среди громадных гранитных валунов.

Тут при неудаче можно утопить материалы и пробы — труды всего лета.

Мы останавливаемся в нерешительности: не вернуться ли назад? Но это задержит нас дней на пять-шесть, придется идти дальним окружным путем.

Дождевые тучи низко опустились, закрывая горы. Глухо ревет река.

Вынув (для безопасности) ноги из стремян, осторожно направляю упирающуюся лошадь в воду. Подхваченная стремительным потоком, она, цепляясь ногами за дно, наискось пересекает стержень реки. Чувствую, как холодная вода льется через голенища в сапоги, как захлестывает вьюки, сбивает с ног лошадь.

Наконец, самая мощная струя позади. Лошадь крепче упирается в дно и рывком выскакивает на берег. С замиранием сердца слежу, как переправляются остальные.

Через полкилометра переправа повторяется. Маленькие якутские лошадки, балансируя, прыгают по огромным мокрым валунам, ежеминутно рискуя сломать себе ноги...

Тропинка все время «перескакивает» с одного берега на другой.

С трудом переправившись в пятый раз, промокшие и усталые, останавливаемся перед вздувшейся рекой, ревущей в узком ущелье.

Темная туча давит, нависая над головой.

Сколько раз еще мучиться? — обернувшись, спрашиваю Гаврилу.

Он уныло машет рукой, показывая пять пальцев. За шумом воды его плохо слышно, и он, надсаживаясь, кричит мне на ухо:

— Однако покойник будем!.. Воды эльбэх!¹ Назад надо идти! Лошади утонут.

«Неужели возвращаться?» — думаю я и с ужасом убеждаюсь, что против течения уставшим лошадям едва ли удастся перейти реку и один раз. Попали в ловушку! Одно спасение — вперед как можно быстрее!

Несколько раз приходилось слезать с седла и плыть рядом с лошадью, вытаскивать провалившихся между валунами животных, проверять, не сломали ли они ноги.

Вдруг лошадь Старкова погружается в воду, и он, выпустив ее гриву, беспомощно барахтается в волнах, то появляясь, то исчезая.

Иван рывком забежал вперед и, изловчившись, поймал его за длинные волосы. Я прыгаю в воду и помогаю вытащить испуганного старика на берег.

Мокрые, едва держась на ногах, инстинктивно выбирая брод, мы переправляемся еще раз через ревущую реку. Тревожит неотвязная мысль: «Не утопить, не потерять тубусы с картами, ящики с образцами и пробами... Вырваться во что бы то ни стало живыми из этой природной ловушки».

¹ Эльбэх — много (якут.).

Наконец последний — самый страшный брод позади. Мы вышли на тропку в широкой долине Индигирки, мокрые с головы до ног. Лошади понуро стоят на трясущихся от напряжения ногах. С мокрых вьюков бежит вода.

Я остался без накомарника и шляпы. У Чистых поцарапано лицо. Сильно хромот ударившийся об валун Старков. У него жалкий, растерянный вид, на лбу синее огромное шишка. Гаврила, ругаясь, перевязывает раненую руку.

— Ч-черт! Собачья река!.. — бормочет он, стиснув зубы.

Слышится нарастающий гул. Над нами проносится серебристый гидросамолет.

— Смотрите, к устью полетел. Наверно, экспедиция уже там.

— Скорее надо идти к юрте Матрены. Совсем близко. Чай, однако, там будем пить, — заверяет Гаврила и решительно шагает по тропке вперед.

Матрена, молодая дебелия вдова, якутка, угощает нас жареными хариусами. Чай наливает из литого серебряного чайника.

Каюры наперебой рассказывают хозяйке о своих приключениях в грозном ущелье. Речь Матрены переводит Гаврила: ущелье можно обойти, есть дорога через перевал, она ее покажет Старкову, когда он будет возвращаться домой.

А в устье — база экспедиции. Самолеты каждый день возят туда грузы и людей с Крест-Хольджая, что на реке Алдан.

На следующий день мы, щедро расплатившись со Старковым, на «ветке» спускаемся вниз по быстрой реке.

Неожиданно на берегу появляются три человеческие фигуры. Причаливаем. С нами здороваются начальник геологической партии экспедиции Цареградского Светлов. Он сутуловат, нескладен и похож на рыцаря печального образа — Дон-Кихота.

Светлов знакомит нас со своими спутниками. Я рассказываю ему о результатах наших работ и советую попробовать обойти ущелье, где мы чуть не утонули.

— Плывите к экспедиционной базе. Вы там очень нужны. За сведения большое спасибо! — благодарит, прощаясь, Светлов.

* * *

Плывем дальше. Мелькают крутые берега с торчащими корнями подмытых деревьев. Неожиданно с берега нас окликают люди. Правим к ним.

Молодой человек подходит к самой воде.

— Будем знакомы, начальник геологической партии Индигирской экспедиции. Десять дней тому назад прибыл сюда с Алдана. Скоро будет перебазироваться на самолетах вся экспедиция. Цареградский говорил

мне про вас. Результаты ваших работ помогут нам эффективнее расставить полевые партии в бассейне Индигирки. Скоро прилетит самолет. Садитесь на него, и через два часа вы увидите Валентина Александровича.

— Для пользы дела слетаю, — соглашаюсь я.

В густом лесу, на крутом берегу реки мы поставили палатку. Только успели попить чаю с брусникой, собранной здесь же, прилетел самолет.

Я лечу впервые. Взревел мотор. Рывок вперед — и вот уже стремительно несутся мимо иллюминатора брызги, уплывают вниз река, перелески, маленькие, как спички, лиственницы. Вот промелькнули юрта Матрены, стога сена, похожие на болотные кочки, река Собачья, сверху такая маленькая и безобидная.

Небольшими кажутся гранитные гольцы, покрытые белыми шапками снега. Изредка гидросамолет бросает то вверх, то вниз. Мотор равномерно гудит. Подо мной знакомые реки и горы, по которым мы только что медленно и с таким трудом пробирались на лошадях.

Проплывает внизу хребет, огромной дугой уходящий к Ледовитому океану, пологий со стороны Индигирки, обрывистый и дикий — к Алдану. Под крыльями виднеются скалистые горы Верхоянья, каменистые русла рек с белыми пятнами тарынов. Блестит серебряными монетами цепочка озер на водоразделах.

Позади остается редколесная заболоченная Алданская низменность.

Самолет, накренившись, делает круг и садится на тихий многоводный Алдан. Как в сказке, путь, которым приходилось идти в течение месяца, покрыт нами за два часа.

Ко мне подходит начальник экспедиции Цареградский.

— Вот, где встретились. Очень кстати, прилетел. А то сейчас не знаем, куда в первую очередь направить геологов.

На собрании инженерно-технических работников Цареградский сообщает о решении — послать четыре геологические партии в места, нами исхоженные. Особые надежды он возлагает на ручей Пионер, куда будут посланы два промывальщика.

— Надо форсировать работы, есть постановление партии и правительства в ближайшее пятилетие освоить Индигирку, — говорит в заключение Цареградский.

* * *

Через десять дней самолет привозит два килограмма индигирского золота.

— Вот и отправим мы в Москву первый металл из вновь открытого валютного цеха нашей страны, — радуется Цареградский, подбрасывая на руке небольшой, но увесистый брезентовый мешочек.

На самолете я возвращаюсь на место весновки и застаю в сборе всю партию.

Утром тринадцатого сентября, завьючив лошадей, тепло прощаемся с Иваном и Гаврилой. Всем немножко грустно. Трудные тропы, опасности, тревоги, радость находок роднят нас каким-то особым родством.

Мы сознаем, что «кусоч» беспокойной неуютной жизни прожит не без пользы. От этого маленького беспокойства и неуютности прибавится покоя и уюта в большой жизни, в жизни нашего народа.

* * *

Осень. Наша геолого-поисковая партия вернулась на колымский прииск с далекой Индигирки. После полугодового скитания по безлюдной тайге мы запоем читаем газеты, журналы и книги. Ходим с Наташей, работающей уже на приiske, в кино, в клуб, по знакомым — побеседовать за чашкой чаю.

— Что ты хвастаешься своими открытиями на Индигирке? — говорит мне Мика Асов. — Подумаешь, богатое золото! Вот мы разведали для прииска золотую россыпь! Это да!

Через несколько минут я и Мика шагаем по дороге к грохочущим промывочным приборам. Идем мимо новых построек прииска. По дороге мчатся тяжело нагруженные автомашины. Протянулись уходящие в прозрачную даль столбы высоковольтной линии.

Стоят последние солнечные дни северной осени с крепкими утренниками. Природа замерла в ожидании близких морозов и долгих зимних ночей.

Свернув с дороги на хорошо утоптанную тропку и сделав несколько петель между отвалами, мы вышли к разрезу.

Здесь Мика оживился. Высокий и плотный, с копной кудрявых каштановых волос, одетый в явно тесную для него спецовку, оживленно жестикулируя, он рассказывает о приiske.

Протяжный гудок возвещает обеденный перерыв. Разрез пустеет. Мы спускаемся в него и подходим к зумпфу. Это большая круглая яма, до краев наполненная грязной желтоватой водой. Около зумпфа стоит одетая в спецовку Наташа. Она внимательно следит за промывальщиком в брезентовом фартуке и резиновых сапогах. Он деревянным лотком промывает грунт.

Мика берет меня за рукав.

— Познакомьтесь, известная вам Наташа, ваша жена и наш участковый геолог.

В сидящем на корточках промывальщике я узнаю старого знакомого — полевика Александра Егорова. Он только что закончил очередную пробу и сгребаёт с лотка золото в железный совочек. Егоров узнает ме-

ня, и его широкое загорелое лицо расплывается в улыбке. Вытерев обветренные руки о фартук, он здоровается.

— Вот, обезножел. Ревматизм. В поле теперь не ходок, опробщиком на прииске работаю. Эх, и приличное тут золотишко!

У зумпфа сложены аккуратными горками матово-желтые кусочки золота. Одна другой больше. «По сто-двести граммов в каждой» — прикидываю я в уме.

— Неужели это с одной опробной ендовки?

Наташа смеется.

— Да, товарищ разведчик, два лотка промоешь — и почти полсовка... Вот какие рассыпи надо искать. Наш прииск передовой в управлении, читал, наверно в газетах...

— Сколько таскаюсь по тайге, а похожего нигде не встречал и думать даже не мог, что такое сумасшедшее золото на свете может быть, — рассказывает Егоров. — Бывало, на «старании» возьмешь с лотка полграмма-грамм — руки трясутся от радости. Думаешь, фарт нашел! А все оказывается пустым делом. На Алданских приисках, как демобилизовался, пять лет трудился. Все хотел богатый золотой ключ найти. Что-бы люди говорили: «Не зря Сашка Егоров по тайге бродил».

— Ну и что же, ты своего добился, — замечает Мика. — Твоим именем на Нере назван богатый ключ.

Неугомонный Мика тащит меня дальше.

— Ты только посмотри! Картина! — восхищенно кричит он, показывая на высокую стену забоя.

Двухметровая толща смятых, разрушенных временем сланцев испещрена желтыми точками. Это мелкие самородки. Впечатление такое, будто перед нами выложили цветную карту звездного неба. Золото в породе видно простым глазом.

— Богато, богато! — только и могу вымолвить я.

Под ногами — тоже сланцы. Их мощные пачки вылезают под углом на поверхность. Хорошо можно видеть песок, ил и гальку, забившую промежутки между плитами. Здесь, на стыке коренных пород с галечными наносами, особенно много желтых точек.

Мика нагибается и пальцами выколупывает из сланцевой щетки заманчиво поблескивающий самородочек. Положив на ладонь, он прикидывает его на вес.

— Пятьдесят граммов, пожалуй, не будет, — замечает он равнодушно и бросает кусочек золота под ноги. — С песком пойдет на промприбор, там его вымоют.

Свисток. Разрез наполняется рабочими. Пущена вода по шлюзам промывочного прибора. Зашевелились канатные дорожки. Поползла в вагонетках вверх к приборам золотоносная порода.

Ковши двух экскаваторов со скрежетом вгрызаются в землю и легко, как однорукие гиганты, перекидывают ее из разреза в отвалы.

Мы поворачиваем домой.

«По золоту ходим», — думаю я. И невольно передо мной возникают картины далекого прошлого, картины моего детства.

Вот я, восьмилетний мальчишка, бегу босиком по прииску, затерянному в глухой амурской тайге. Бегу мимо наскоро срубленных барачков, мимо летних землянок и балаганов, где живут семейные рабочие и старатели. Все эти временные постройки беспорядочно сгрудились в долине мутной речушки, окруженной со всех сторон сопками. На взгорье стоят амбары с продуктами, в стороне — стога прессованного сена. На холме белеет свежесрубленная церковь. Над длинным барачком полощется трехцветный флаг, над дверью вывеска: «Прииск статского советника фон Мордэна». Здесь — приисковая контора.

По рассказам отца я знаю, что хозяин никакой не «фон Мордэн», а просто удачливый приискатель Пашка Мордвин. Несколько лет назад ему «подфартило». Вместе со своим компаньоном Подосеновым он застолбил богатейшую золотую россыпь, найденную и брошенную старателями-хищниками.

Поздно осенью, торопясь представить в горный округ заявку на открытое золото, компаньоны вдвоем поплыли на лодке по бурной порожистой реке Селемдже. При таинственных обстоятельствах Подосенов утонул, а Мордвин выплыл и застолбил золотоносный ключ на свое имя.

— Утопил дружка, жадюга, — уверенно говорил мой отец. — У него рука не дрогнет. Вот теперь есть на реке Селемдже порог Подосеновский, а человека-то нет... Жена осталась одна с ребятишками. Сколько уж лет судится с нашим хозяином, а он, выжига, копейки не дал! Сам миллионы загребает. Сто тысяч пожертвовал в какой-то благотворительный комитет — и статским советником стал. За границей имение с баронским титулом купил, на захудалой баронессе женился. Вот и «барон фон Мордэн...»

Жарко. Парит. Темная грозовая туча свинцовой громадой выползает из-за высокого гольца. Воздух мутен от горящей неподалеку тайги. В поселке безлюдно, жизнь лихорадочно бьется только в хозяйском разрезе. Я бегу туда, чтобы сообщить матери, работающей на «кулибине» — двухбаченочной золотопромывочной машине, что обед готов. Попутно забегаю к отцу — смотрителю приискового разреза.

Здесь стоит несмолкаемый грохот: металл скрежешет о камни. Злобно переругиваются коноводы: в спешке их таратайки сталкиваются, сцепляются друг с другом.

Рядом с моим отцом стоит управляющий прииском Иван Семенович Гладких, солидный мужчина средних лет, с брюшком, в больших болотных сапогах. Они наблюдают за работой. Бегом, задышав, молодые ко-

новоды тянут за повод мокрых от пота хозяйских лошадей. Таратайки непрерывно снуют от разреза к «кулибине» и обратно.

— Смотри, паря! Чистые львы — это артель Ваньки Соколова! — доносится до меня сиповатый голос управляющего.

— Ребята лихо работают, — соглашается отец. — Лошадей бы только не запалили.

— У меня так заведено, — отвечает Гладких, — чтобы к концу сезона у рабочего кожа да кости остались, а у лошадей хвост да грива.

Я хорошо знал Ивана Соколова — добродушного, русобородого мужика с сильными руками. В казарме, где он жил, у меня были приятели-мальчишки. Не раз слышал я рассказы Ивана о том, как он бедствовал у себя на Смоленщине, перебиваясь с хлеба на квас.

— Дома семеро ребят остались, мал-мала меньше. Приехал я на Амур подзаработать, но нет мне форта. Десять лет с прииска на прииск летаю — и все без копейки. Найти бы вот самородок...

Всю зиму его артель почти даром, за одни харчи, работала на вскрыше мерзлых торфов. Вручную, клиньями, били окаменевшую землю, чтобы летом попасть в богатый забой. И, действительно, забой оказался богатейшим. Я зоркими детскими глазами вижу, как в породе мелькают желтые песчинки золота. Иван Соколов поднимает крохотный самородок, любовно обтирает его и опускает в запечатанную артельную кружку.

Стал накрапывать дождь. Пронзительно залился свисток, возвещающая время обеда. Разрез затих.

Прошел ливень. Солнце опять ярко светит. Перерыв закончился. Рабочие возвращаются в забой. Разбрызгивая тяжелыми сапогами жирную грязь, Иван Соколов бежит впереди своей артели.

— Поторапливайтесь, поторапливайтесь, ребята!

Шлепая по лужам босыми ногами, бегу и я за Иваном. Вдруг вижу — он, добежав до забоя, неожиданно останавливается и замирает в неподвижности. Затем, слабо ахнув, падает на колени и торопливо руками подгребает к себе землю.

К нему подходят рабочие. Он с размаху кидается грудью в грязь и иступленно кричит: «Мое! Никому не дам! Не подходи! Убью!» Вскрикивает, хватая тяжелый лом и коршуном налетает на артельщиков: «Не подходи, убью!» Борода его измазана в глине, на губах пена.

Толпа загудела.

— Не иначе, с ума спятил!

— Самородок, что ли, большой нашел?

К толпе, придерживая шашки, бегут два казака из охраны прииска.

— Расходись! Расходись!

Тяжело отдуваясь, примчался управляющий.

— Что такое? Почему никто не работает?

Иван Соколов опять плюхнулся в грязь и дико завопил:

— Мое! Мое золото! Не подходи, кровопивец, убью!

Управляющий попятился.

— Одурел, что ли, паря?

— Да, видать, рехнулся. Доктора надо бы сюда! — раздалось из толпы.

Когда потерявшего разум Соколова увели в контору, на месте, где он лежал, все увидели крупные, как картофелины, желтые самородки. Омытые дождем, они, поблескивая на солнце, тесно лежали в гнезде.

— Батюшки, золота-то сколько!

— Ах ты, грех! Да тут его больше пуда будет!

Руки артельщиков уже потянулись было к самородкам. Но управляющий с казаками стали ногами на золото и, ругаясь, отталкивали рабочих.

— Расходись! Не смей трогать! Золото хозяйское! Выгоню с прииска! — грозил управляющий.

Рабочие медленно разошлись по забоям.

Вечером к фон Мордэну полетела телеграмма: «Лично мною второго августа поднято в разрезе золота один пуд три фунта пять золотников. Все сдано в кассу. Управляющий Гладких».

— Не меньше десяти тысяч от хозяина получу, — похвалялся он в конторе. — Хватит детишкам на молочишко.

«Как же так? — недоумевал я. — Золото нашел Иван Соколов, а досталось оно управляющему?»

У меня перед глазами стоит искаженное судорогой лицо Ивана Соколова с желтой пеной на побелевших губах. Слышу его тяжелый хрип: «Мое! Мое!»

И тут же в памяти всплывает другая картина прошлого, на этот раз — недавнего.

Мы с Александром и Микой работаем в глухой Индигирской тайге. Наша геолого-поисковая партия остановилась как-то под вечер возле устья безымянного ручья. Решили расположиться здесь на ночлег.

— Посмотрите, как заманчиво белеют эти кварцевые валуны! — воскликнул нетерпеливый Мика. — Ключ так и просится, чтобы его опробовали.

— Не торопись, — отвечаю я. — Ключ никуда не уйдет. Завтра его опробуем. А сейчас — развьючивать лошадей, ставить палатку, ужинать и — на боковую!

После ужина мы сидим у костра. Монотонно шумит река. Пахнет сыростью, прелой хвоей, багульниковым и дымом.

Вдруг Мика, оглянувшись, спрашивает:

— А где Александр?.. Сашка! — кричит он, но ему отвечает только эхо.

— Не иначе, пошел опробовать ключ!

Идем с Микой вверх по ручью, в серебристом сиянии белой ночи, с трудом разбирая следы Александра.

— Иваныч, иди сюда! — слышу я шепот Мики.

Выглядываю из-за скалы. В десяти метрах от меня — кварцевая осыпь. У ее подножия — яма. Из нее торчат ноги Александра. Он так увлечен работой, что ничего не слышит.

— Я его сейчас, как глухаря, накрою, за ноги вытащу!

— Нельзя, испугаешь! — протестую я шепотом.

Александр, пятясь, выползает из ямы. Мы прячемся за скалой.

Он идет мимо нас к ручью. В его руках — лоток с породой. Взгляд отсутствующий.

Затаив дыхание, мы подходим к ручью и становимся за спиной у промывальщика. Лоток быстро вращается, вода смывает пустую породу. На дне остаются одни эфеля. Мелькает что-то желтое. Александр пробутаривает остаток рукой и начинает отмывать начисто.словно черный дымок рассеивается в лотке, и под этим дымком...

— Вот это золото! — не может сдержать восхищения Мика.

Александр вздрагивает и оглядывается. Потом протягивает мне лоток.

— Иннокентий Иванович, вот это проба!

— На ключе имени Александра Егорова, — говорю я.

Он просит:

— Товарищ начальник! Денька бы три здесь помыть золотишко...

Я легко даю себя уговорить, и мы, забыв про усталость и ночь, тут же приступаем к работе.

Два дня мы лазаем по скалистым бортам ключа и, обдирая руки об острые края сланцевой «щетки», выковыриваем из трещин мелкие и крупные золотишки. Это очень захватывающее и азартное занятие. Набираем гребками породу в лотки и промываем, промываем...

Мике хочется пить. Он наклоняется над прозрачным потоком и плюхается в воду. Я успеваю схватить его за ноги и помогаю выбраться на берег.

Захлебываясь, он кричит:

— Там, под водой, на дне! Да смотрите же!

И мы всматриваемся в хрустальную глубину ручья. На дне — черные «щетки», пересеченные белыми жилками кварца. А на «щетках» мерцают самородки, как тяжелые капли расплавленного металла. Находка превзошла все наши ожидания.

Ссыпая высушенную пробу в брезентовый мешочек, Александр рассуждает:

— Другая старательская артель за все лето столько золота не добудет, сколько мы в два дня нашли. Да-а... Много добра за такой мешочек можно купить.

Все намытое пробное золото до последнего миллиграмма мы без оплаты сдали в кассу треста.

«Если бы такие богатства нашли где-нибудь в капиталистическом мире: в Канаде, на Аляске или в Австралии, какие бы там разыгрались страсти! — думаю я. — Охваченные «золотой лихорадкой», рыцари наживы ринулись бы толпами за золотом, готовые перегрызть друг другу глотки. Сколько трагедий разыгралось бы здесь...»

Ничего подобного не происходит возле открытых нами сокровищ. На прииски пришли энтузиасты социалистического строительства, в большинстве молодежь, комсомольцы. С помощью высокопроизводительных машин — харьковских и челябинских тракторов, бульдозеров, уральских экскаваторов, многоэтажных плавающих золотодобывающих фабрик — иркутских драг — добывают они, соревнуясь друг с другом, несметные богатства. Добывают золото не для личного обогащения, а для блага всего нашего народа. Все добытое пойдет на строительство социализма, на улучшение жизни советского человека.

Зима 1937/38 годов. Дополнительные трудности. Вынужденная посадка. Весна. На кунгасах. Как герои Жюль Верна... Два печальных происшествия на реке. По колено в воде в 60-градусный мороз. Спустя три года.

В. У ПОЛЮСА ХОЛОДА

С Берелёхской базы дальних разведок одна за другой уходят на Индигирку бригады разведчиков. Я и Наташа отправляемся с тремя передовыми бригадами по знакомой дороге на Артык.

Перед отъездом мы до позднего вечера сидели с Сергеем Раковским в его «кабинете» — брезентовой утепленной палатке. Намечали по карте места для закладки поисковых разведочных линий. Иногда горячо спорили. Раковский почти всегда оказывался прав; он отлично изучил ведение шурфовочной разведки, условия проходки разведочных выработок.

— На три метра под землю видит! — говорили про него старые шурфовщики.

Он почти безошибочно определяет глубину проектируемых шурфов, мощность речных наносов.

— А сейчас проверим по фактурам все ли ты захватил; — предлагает

он мне. — В тайге за забытой вещью ни в склад, ни в магазин не побежишь. Посмотрим, как ты одел и обул своих шурфовщиков...

Душевная забота о людях — его характерная черта. И мы, его сослуживцы и подчиненные, знаем — не подведет он ни при каких условиях, всегда выручит, поможет...

И вот наши бригады едут на оленях по зимней тайге.

12 декабря 1937 года, в день выборов в Верховный Совет СССР по новой, только что принятой Конституции, наш транспорт переваливает через горы — из Дальневосточного края в Якутию.

На Артыке нас радостно встречает Николай Заболотский.

— Хорошо караулил твой груз. Все в порядке. Разбойник хотел ограбить. Палатку залез. Стрелял я...

Мой подотчетный груз в целости и сохранности.

На месте, облюбованном еще в первый приезд, разгружаем имущество первой бригады. С двумя другими я отправляюсь дальше, к ручьям, где уже побывали мы с Егоровым и Асовым. Обещаю Наташе возвратиться к Новому году.

На трех ручьях вблизи Улахан-Чистая я помогаю разведчикам наметить места для шурфовочных линий и барачков. Разведчики везде рубят в первую очередь зимовья для жилья, чтобы как можно скорее перебраться в них из холодных палаток.

Быстро проведены все работы. Возвращаемся в Артык. Снег летит из-под копыт стремительно бегущих по льду реки оленей.

Кончился короткий декабрьский день. Едем в «трубе»: черные скалы стиснули реку с обеих сторон. Круглая луна освещает дорогу. Впереди — клубы тумана. Сразбегу олени влетают в воду. Падают и опять вскакивают. Три часа мы бьемся в наледи и наконец вырвавшись из ущелья, поздно ночью подъезжаем к сонно-тихим палаткам базы.

В три часа ночи вместе с набившимися в палатку разведчиками вторично встречаем новый, 1938 год.

Морозы стоят до 58 градусов. Они подгоняют наших строителей, и рубленные постройки таежного типа растут, как грибы. В первой декаде января большинство рабочих уже покидает палатки, перебирается в теплые бараки. А бригады разведчиков все прибывают и прибывают.

Приехал Юрий Трушков, геолог нашего разведочного района, с молодой женой Верой. С ним мы решаем, на какие объекты направлять разведчиков. Молодые хозяйки благоустраивают только что сооруженное пятистенное зимовье. Оно кажется просторным и уютным после палаток.

На самодельном столе разложены карты, декадные и месячные отчеты по разведке. Наше геолого-разведочное бюро начало свою работу.

— Ходят слухи, что уехавший в отпуск Берзин в Москве арестован. В чем его обвиняют, никто не знает, — делится со мной последними колымскими новостями Трушков.

От него же я узнаю, что новый директор Дальстроя ездит по предприятиям, учиняет «нагоняи», говорит о вредительстве, вводит бессмысленные строгости. Свиристуют «тройки». Арестованы почти все специалисты, привезенные Берзиным и работавшие не за страх, а за совесть. Комсомольцы-геологи Рабинович, Соловейчик и другие, также приехавшие с Берзиным, объявлены вредителями и посажены. Нелепые обвинения предъявлены Вознесенскому, Казанли, Новикову, начальнику Омолонской экспедиции и многим другим. Все старые работники Дальстроя считаются «подозрительными». В общем, происходит какая-то неразбериха.

Невольюно закрадывается мысль: а не приложили ли к этому руки наши заграничные «друзья», подбрасывая всяческие фальшивки. Они на эти дела мастера...

К нашим обычным таежным трудностям прибавились новые, дополнительные. Но — прочь страх и сомнения! Будем продолжать работать на благо Родины, как нам подсказывает совесть советского человека.

* * *

— Самолет! Самолет! — раздаются крики.

Люди, задрав головы, провожают взглядом исчезающую в морозном тумане серебристую точку.

— Через полчаса на устье Неры будет. А на олешках туда — пять суток!

Проходит не более десяти минут, и над нами пронесется самолет. Чуть не задевая вершины деревьев, он планирует и скрывается за лесом. Побросав работу, все устремляются вслед за ним.

Глубокий снег мешает быстро выбраться из леса. Вот и чистое место. Между деревьями видна серебристая машина. Она цела. Вздох облегчения.

У самолета копошатся два человека. Летчик в рыжей кухлянке и мохнатых унтах осыпает нас вопросами.

— Где я сел? Что вы за люди? Далеко ли тут аэродром? Где здесь живут якуты? Юрты я видел с воздуха.

— Скорее тащите ведра, а то на снег придется спустить масло! Без него мы надолго здесь припухнем! — Бортмеханик в изодранной шубе возится около мотора.

Черной тягучей струйкой бежит масло в принесенные ведра.

Мы помогаем поднять хвост машины. Хвостовая лыжа сломана. На крыле ртутный термометр замерз. Вынесенный из кабины спиртовый показывает 55 градусов мороза.

Вечером при луне мы по просьбе летчика Чернова утаптываем площадку для взлета самолета. По ней несколько раз олени протаскивают нарту с подбитой фанерой. Аэродром готов.

— Ну, кажется, все. За ночь затвердеет. Завтра утром надо нагреть воды. Запустим мотор и оторвемся. Ваш слесарь-плотник за ночь обещал починить лыжу, — говорит Чернов.

За ужином в нашей избушке он рассказывает:

— Послал меня новый директор треста на Неру за главным геологом Цареградским. Вылетели с Берелёха. Шли на высоте двух километров. Сделали уже полпути. Вдруг вижу — мотор перегревается. Что-то неладно с радиатором. Чтобы не сжечь мотор, выключаю. Делаю разворот и планирую на замеченную мною площадку около юрт. Сели благополучно. Только при посадке было впечатление, что едем на телеге по тряской дороге: самолет стал прыгать по кочкам... Но я доволен — мотор цел, ваша база оказалась рядом. А покуковали бы, если бы сели в безлюдной тайге!

Утром самолет, легко оторвавшись, улетает на Неру. А на следующий день высоко пролетает над нами — обратно в Магадан.

Получаем приказ: нам с Трушковым поручается вести разведки по всей территории вновь организованного Индигирского районного геолого-разведочного управления.

Трушков с женой уезжают на Усть-Неру, в центр нового управления.

— Закончишь разведки, сплавляйся к нам, — говорит он, прощаясь. — Там будем камеральничать.

Вслед за ним уезжает на оленях большая партия шурфовщиков во главе с Василием Облянцевым, опытным разведчиком, бойким москвичом, работавшим коллектором и прорабом еще в Верхне-Колымской экспедиции. Они разведывают в первую очередь ручей Пионер и соседние объекты. С ними отправляются неугомонный старик Пятилетов и Саша Нестеренко.

Вплотную сажусь за окончательный поисковый отчет.

• • •

Весна. Наша разведочная база живет полнокровной жизнью. Геологи собираются в поле, чтобы еще детальнее обследовать окрестную тайгу. Тяжело груженные олени транспорты один за другим подходят к нашему складу. Он забит доверху. Рядом, на стеллажах, растут горы продовольствия. Все это будет сплавлено на кунгасах по Нере дальше в тайгу.

Около двух десятков пятитонных кунгасов утюгами стоят на козлах. Их торопливо обшивают досками и смолят. Строительством кунгасов и подготовкой их к сплаву руководит наш испытанный разведчик и лоцман Степан Дураков.

— Ты мне туфту не заправляй! — часто слышу я его возмущенный голос. — Как кокорины крепишь? Какую доску ставишь? С водой шутики плохи. Сам же утонешь!

И вот мы поплыли.

Наш кунгас стремительно несется на гребне паводковых весенних вод, мутных и пенистых, по реке Нёре вниз, к Индигирке. Вдруг крутой поворот. Река разбивается на две протоки. Мы обгоняем неподвижный кунгас Дуракова. Степан кричит и машет, показывая на левую протоку. Но, не подчиняясь кормовому веслу, наш кунгас мчится прямо в затопленный паводком густой лес, подминая под себя мелкие деревья.

С ужасом ожидаем неминуемый катастрофы.

«Пробы! Не утопить бы пробы — труды всей зимы!» — мелькает мысль. На полном ходу тяжелый кунгас ударяется о толстое дерево и под бешеным напором воды кренится на борт. Носовое весло с треском ломается, сбивает с ног Наташу, успевшую ухватиться за борт кунгаса, и больно ударяет меня. Невероятными усилиями мы стараемся выровнять судно. Еще секунда, и вода хлынет за борт. Но подмятые кунгасом деревья не дают ему перевернуться. Мы спасены. Как замороженные, смотрим на мчащиеся мимо кунгасы и молим судьбу, чтобы ни один из них не налетел на нас и не утопил.

Наконец, подобно героям Жюль Верна, мы оказывается одни среди бушующей воды, прижатые к толстому дереву. Приспособившись, варим суп и кипятим чайник над костром, разведенным на железной лопате. На корме устраиваем палатку.

— Русский человек на всяком месте приспособится и обживется, — смеется неунывающий Лошкин.

— А я зарок дал больше не плавать, по тайге не таскаться. Учиться на шофера буду. За баранку сяду, по ровной дорожке грузы буду возить, — делится своими планами Степан.

Проходит тревожная ночь в дрожащем под напором волн кунгасе.

Утром с удвоенной энергией мы начинаем рубить дерево, которое держит нас. Только к вечеру удается его свалить. Но высокий пенёк не дает кунгасу плыть дальше. Два дня упорно по очереди вбиваем клинья в крепкий лиственничный ствол, и лишь на третий день вечером кунгас, проскользнув с нашей помощью через размочаленный пенёк, вырывается из плена.

Вода в реке быстро убывает. Еще несколько раз сев на мель и чуть не утопив кунгас на перекате, мы вечером 15 июня благополучно причаливаем близ устья Неры к уже разгруженным кунгасам.

— Завтра хотели послать людей вас разыскивать, — встречает нас Трушков. — Думали, уж не утонули ли?

Возле устья Неры устраиваемся временно в палатке. И сразу же начинаем рубить себе домик. На базе малоллюдно, все геологи в поле. Мы с Трушковым впервые в нашей колымской жизни летом сидим и обрабатываем разведочные материалы. Наташа помогает нам.

Тревожные вести шли из тайги в то лето. В одной из геологических партий неожиданно, в один день, пали все шесть лошадей и при каких-то таинственных обстоятельствах исчез якут каюр. Затем, также в один день, погибли все лошади в соседней партии. Начался падеж скота в колхозах. Исследование крови погибших животных не оставляло никаких сомнений: началась эпидемия сибирской язвы. Полетели телеграммы в Дальстрой, в бухту Нагаева, в Москву. А комары и оводы, кусая животных, разносили сибирскую язву по тайге.

Так все партии оказались без лошадей, но геологи, топографы, геодезисты продолжали работу, переноса грузы на себе.

— План съемок будет выполнен, несмотря ни на что, — рапортовали они.

Не успевали сжигать и закапывать трупы погибших животных.

Каждые два часа запрашивал о возможности посадки самолет с противэпидемической экспедицией. Но шли дожди, река разлилась, по ней плыли сучья, бревна — «плавник», и о посадке на воду самолета нечего было и думать.

Во многих колхозах не осталось ни одной лошади, в один день пало триста колхозных оленей, пасшихся далеко в горах.

Из одной партии приплыл в лодке рабочий. У него на лбу была круглая, зловещего вида, с черными краями язва.

— Овод укусил, и вот что получилось!

— Тифличная язва-сибирки. Срочно нужна прививка, а то погибнет человек, — сказал мне наш врач Сергеев. — У меня это второй случай: вчера привезли якутку девушку, у нее на руке такая же язва. Вакцина, как воздух, нужна. Скорей бы прилетел самолет!

Но вот плавник на реке исчез. Летчику сообщили о возможности посадки. Все жители поселка собрались на берегу реки, стремительно мчащей свои желтые воды вровень с берегами. С замиранием сердца следим мы за серебристым гидросамолетом, который идет на посадку. Вот поплавки коснулись воды. Люди на берегу облегченно вздохнули. Но вдруг самолет, как будто споткнувшись обо что-то, круто зарывается носом в воду и, развалившись пополам, начинает тонуть. Крики ужаса раздаются в толпе. Несколько мужчин уже плывут в лодках спасать людей. Через двадцать минут, мокрые, в разодранной одежде, с синяками и ссадинами на лицах, спасенные, стоя на берегу, смотрят с беспокойством на тонущий самолет. Там спасают начальника экспедиции.

Летчик, то и дело погружаясь с головой в воду, старается открыть заклинившийся люк затопленного переднего отсека. Наконец, люк удается открыть. Летчик извлекает из самолета неподвижное тело.

— Вытащили! Спасли! — раздаются радостные возгласы. Но, увы, на-

члены экспедиции мертв. У него сломана рука, его, видимо, сильно оглушило, и он захлебнулся.

На берег из самолета переносят вакцину и оборудование экспедиции. Сразу же разворачивается противоэпидемическая работа.

На следующий день во все стороны, на лодках и пешком, отправляются отряды, чтобы срочно сделать прививки противозвонной вакцины. Коллекторы, прорабы, геологи — все, кого можно отправить, мобилизованы в эти отряды. Как лесной пожар гаснет, не встретив больше пищи для огня, так и эпидемия затухла, не встретив больше ни одного животного без прививки.

* * *

По всей обширной Индигирской тайге раскинулись наши работы. Мы с Петром Михайловичем Шумиловым, нашим главным колымским разведчиком, приехавшим из Магадана летом 1940 года, вторую неделю объезжаем разведочные районы. Шумилов проверяет качество наших шурфовочных работ. Знающий геолог, закончивший Московскую горную академию, он делится своим опытом, дает нам советы — какие объекты разведать в первую очередь, как повысить эффективность работы.

— Высокие террасы не забывайте. На Берелёхе они дали приличные запасы, — рекомендует он. — Вы знаете, что на Колыму приезжали с правительственной комиссией в 1938 году Юрий Александрович Билибин и Сергей Сергеевич Смирнов. Они написали обобщающие работы: по золоту — Билибин, по олову — Смирнов. Дали новую, более высокую оценку геологических запасов металлов, одобренную академиком Обручевым. На основании их работ составлен пятилетний план геолого-разведочных работ на Северо-Востоке, который мы сейчас осуществляем. Юрий Александрович подметил одну любопытную особенность в колымской рудоносной зоне. Примерно через каждые сто километров в ней отмечается резко повышенная золотоносность. Это вам надо будет учесть при проектировании разведочных работ.

Период геолого-поисковой «партизанщины» для меня давно прошел. Наступила пора организации и упорной работы в составе больших коллективов, работы систематической, продуманной. Из опробованных ключей и речек мы в первую очередь шурфуем те объекты, где по поисковым и геологическим данным можно найти промышленные россыпные месторождения.

Такая работа требует от разведчиков не только умения разбираться в геологической обстановке, опыта и добросовестности, но и смелости, риска. При этом надо помнить, что каждая ошибка — это непроизводительная трата народных денег.

Проходит лето. В один из осенних дней Шумилов предлагает мне:

— Давайте, поедem в управление не на лошадях, а сплавом по реке Нере. За три-четыре часа доберемcя. Чуть не трое суток сэкономим. А мне еще до зимы надо в других управлениях побывать.

Я соглашаюсь. Мне случалось благополучно спускаться по Нере на этом участке.

Отправляемся в путь на плоту впятером. Мы знаем, что надо пройти одно опасное место: там река всей своей водяной массой с размаху бьет в скалу, волны дробятся о каменный массив, и нужно очень много усилий, чтобы провести тяжелый плот мимо этого утеса-«бойца».

Страшное место все ближе и ближе. Я стараюсь направить плот так, чтобы не задеть скалу. Но изменчивая природа Севера устроила здесь западную, более коварную, чем мы предполагали. Перед скалой, выше ее по течению, над водой низко навис оползень — огромная глыба земли, сцементированная вечной мерзлотой. Нас стремительно несет прямо в водоворот, бурлящий под этим мрачным навесом, покрывающим чуть ли не половину ширины реки.

Мы не успеваем ничего предпринять: плот мчитcя в дышащую холодом пещеру. В последнюю секунду мои спутники прыгают с плота навстречу нависшему пласту льда и земли, хватаются за кусты и лезут вверх. Меня сбрасывает в воду. Я плыву, тоже успеваю за что-то ухватиться и карабкаюсь на берег всего в нескольких метрах от гибельной воронки.

Вижу — передо мною в воде мелькает голова одного из наших рабочих. Он соскочил с плота на малую долю секунды позже меня. Мгновение — и он исчезает в водовороте.

Обернувшись, я замечаю, что выше меня, на краю обрыва, прямо над кипящей воронкой висит Шумилов. Он сорвался, но двое рабочих ухватили его за руки и стараются вытащить.

Мне снизу видно, что глыба мерзлоты в этом месте так глубоко подмыта, что вот-вот рухнет в воду. Задыхаясь, взбираюсь на крутизну, снимаю свой армейский пояс, набрасываю его петлей на руку Шумилова и мы вытаскиваем его.

— Скорей назад! — кричу я. — Берег обваливается!

Мы отбегаем, и через минуту громадная глыба с деревьями и кустами валится в реку.

Все поиски утонувшего человека оказываются тщетными.

Мокрые, потрясенные, мы возвращаемся в район разведки. Потом на лошадях добираемся до управления.

* * *

«...Ехать в район Оймькова в январе месяце на оленях!.. При морозе под шестьдесят градусов! Безумие!..» — говорит сам с собою врач на-

шего геолого-разведочного управления Мельников, пересчитывая радиограмму.

Текст ее таков, что не ехать нельзя: «На участке Курах в ключе Крутом два случая тяжелого обмороживания тчк Срочно требуется медпомощь тчк Высылайте врача тчк». Подпись — Дураков.

— Конечно, долг врача... — бормочет Мельников, — но полюс холода... но мое больное сердце...

Я понимаю его: он, действительно, далеко не отличается крепким здоровьем, немолод. Мы, геологи, третий год ведем разведку в Индигирской тайге, мы привыкли, а он...

— Пойду, посоветуюсь с женой, — нерешительно говорит Мельников, выходя из кабинета.

Я кричу ему вслед:

— Завтра утром! Поедем вместе!

И слышу из коридора все еще не совсем решительное:

— Да!

Он, конечно, поедет. Нужно ехать и мне как начальнику отдела разведки управления.

...Утро. Густой морозный туман. Закутавшись в меха, я усаживаюсь на олених нарты.

Неясными силуэтами вырисовываются постройки поселка Усть-Нера. Морозный воздух не шелохнется.

Мельников подходит к спиртовому термометру, прибитому возле двери управления, смотрит на шкалу и, обернувшись к провожающей его жене, говорит:

— Пятьдесят девять и две десятые ниже нуля.

Каюр Михаил Слепцов, поправляя на оленях упряжь, ворчит:

— Двести километров до Кураха...

Мельников еще раз смотрит на термометр, молча подходит к жене, неуклюже обнимает ее, целует и усаживается на нарты.

Я думаю о Наташе, оставшейся после отпуска в Иркутске с маленькой дочкой.

Олени осторожно спускаются на реку и бегут в сером облаке пара. Индигирка — вся в торосах.

Холод постепенно пробирается под одежду, сковывает мускулы, жжется, пронизывает до костей. Пальцы на ногах ноют и немеют. Щеки и нос жжет. Дыхание вырывается со звенящим шумом. Тело охватывает какая-то внутренняя дрожь. Мозг работает вяло и сонно. Сквозь полузакрытые глаза со смерзшимися ресницами вижу только мелькание белых хвостиков оленей, везущих мою нарту.

Ощущение укола в большой палец ноги заставляет меня вскочить и бежать рядом с нартой. Моему примеру следует Мельников.

— Доедем, все будет в порядке, — подбадриваю я врача.

— Да, если не замерзнем, — мрачно отвечает он и, тяжело отдуваясь, кулем валится на нарту.

...Третий день пути подходит к концу. Давно скрылось за сопкой солнце. Луна ярко освещает дорогу. Клубы пара с шорохом — «шепотом звезд» — вырываются изо рта и ноздрей оленей.

Мороз градусов за шестьдесят. Луна в моих сощуренных глазах двоится, трогается и превращается в неясное светлое пятно. Туман усиливается.

Чувствую, что впереди какая-то заминка. Олени начинают скользить и проваливаться сквозь тонкий лед в воду.

— Наледь — и глубокая, не залило бы нарты! — тревожно пронесется где-то в глубине сознания. — Надо слезть.

Но заставить себя соскочить с нарты я не могу.

Наконец, передние олени останавливаются. Один беспомощно лежит на боку в воде.

«Погибли! Замерзнем в наледи!» — мелькает паническая мысль.

Слепцов соскакивает с полузатопленной нарты и по колено проваливается в воду.

— Хоть! Хоть! — кричит он истошно, подгоняя оленей. Но копыта их скользят по гладкому льду, под водой, и животные падают.

Я опускаю по очереди свои ноги, обутые в торбаза, в воду. Затем вынимаю их и держу в воздухе, чтобы образовалась защитная корка. Соскакиваю с нарт и начинаю энергично помогать Слепцову вытаскивать из наледи оленей.

Мельников проделывает с торбазами ту же манипуляцию и тоже соскакивает в наледь.

Вдруг мои ноги обжигает холодная вода. Значит, она проникла в торбаза, несмотря на защитную корку льда.

Ступни и икры, как в ледяных колодках. Ног я уже не чувствую.

Отчаянными общими усилиями вытаскиваем из наледи оленей. Потом пускаемся бежать вслед за нартами. Только так можно спасти ноги.

К счастью, от наледи до ночевки всего два километра.

Вот и ночевка: десять заранее заготовленных шестов и место, расчищенное от снега.

Слепцов отпускает оленей кормиться и быстро рубит сухие дрова.

— Ой ноги, мои ноги! Так и рвет их! Наверно, третья степень обмороживания! — приплясывая, стонет доктор.

— Наоборот, спасены ваши ноги! — возражаю я. — Разогрелись бегом и отходят. По собственному опыту знаю!

Мы торопливо натягиваем на шести палатку. Разжигаем походную железную печку. Каюр приносит чайник, набитый мелким льдом.

Мерцает колеблющимся огоньком свечка, привязанная к палке, воткнутой в снег посреди палатки, освещает наши неуклюжие фигуры в мехах.

— Надо строганинки с дороги поесть, — говорит Слепцов, входя в палатку с тремя большими хариусами в руках. Повертев мерзлую рыбу около пышущей жаром печки, он ловко срезает ножом кожу, обрезает плавники и быстро строгаёт от хвоста к голове по хребту и бокам. Тонкая, нежно-розовая завивающаяся стружка падает в алюминиевую тарелку.

Доктор первый берет стружку.

— Хотя и противопоказано есть сырую рыбу на голодный желудок, — замечает он, макая ее в соль, но не могу воздержаться от соблазна...

Я понимаю, почему жители Севера считают строганину лакомством. Она особенно аппетитна после целого дня дороги при адском морозе. Стружки так и тают во рту.

Строганина хороша, пока она мерзлая. Чуть согревшись, красивые ленточки превращаются в скользкие неаппетитные кусочки сырой рыбы.

Печка-экономка гудит, распространяя благодатное тепло. Мы вносим в палатку вещи, сбиваем с обуви оттаивающий лед и переобуваемся.

— Нельзя в тепле мокрые торбазы держать, мех отпарится, — настоятельно говорит Слепцов и выносит обувь сушиться на мороз.

Через полчаса, согревшись, в одних свитерах, мы уписываем за обе щеки хлеб с горячими котлетами и кусками сливочного масла, запивая все это крепким чаем.

Варить ужин не хочется. Всех разморило в тепле и клонит ко сну.

— Если бы мне в Москве кто-нибудь сказал, что я, попав в воду ногами при шестидесяти градусах ниже нуля не отморожу их моментально, я бы не поверил, — говорит доктор. — Помните, Джек Лондон в «Дочери снегов» описывает, что было, когда его героиня попала в мокалинах — наших торбазах — в воду. Пришлось разрезать обувь, разводить костер. А тут, извольте, пробежались по ледяной воде при морозе покрепче аляскинского, — и ничего...

Слепцов плотно запахивает выход из палатки, набивает печку дровами, почти наглухо закрывает поддувало. Потом он стругает «петушков» из сухого полена и кладет их около печки на кучу сухих дров. Тушит свечку и укладывается спать.

Утром в палатке не намного теплее, чем за ее бязевыми «стенами». В печи за ночь все прогорело.

Осторожно отодвинув покрывшееся инеем одеяло, я вижу, как каюр растапливает печку. Высунув из-под своего одеяла голые руки, он накладывает в топку дрова, поджигает «петушков», сует их в печь и, открыв поддувало, быстро закутывается. Печка гудит, разливая тепло.

• • •

На четвертый день после полудня мы подъезжаем к зимовью начальника участка Степана Дуракова.

В жарко натопленной комнате сбрасываем смерзшиеся меховые одежды.

— Где больные? — спрашивает врач.

Степан смущенно улыбается.

— Больные не здесь. Они — у себя в бараке, на Крутом... Если напрямик через водораздел, то туда рукой подать, а если кругом, по долинам рек — то дня два надо ехать.

— Вот это сюрприз! Значит, опять — на мороз...

— Перевал не особенно крутой, — утешает хозяин.

Решаем так: на ночь глядя в путь не пускаться, погреться, отдохнуть, переночевать и выехать утром.

Мельников проводит медицинский осмотр всех разведчиков. Мы со Степаном, пока не стемнело, осматриваем ближайшие разведочные шурфы. При свете свечей до позднего вечера сидим за проверкой геологической документации и результатов разведки.

— В трех шурфах по Крутому добро золотит, — говорит начальник участка, показывая пробы.

— Оправдались мои предположения, Степан! Есть промышленный металл на участке Курах! Смотрите, доктор, какие пробы.

— Рад за вас, разведчиков. Далековато только.

— Уж если нашли металл, то дорогу проведут, — отвечает Степан.

— А вы, товарищи мужчины, совсем забыли, что сегодня 31 декабря. Надо встречать Новый год, — приглашает нас к столу Серафима, жена Степана.

В тесном кружке разведчиков, мы мирно встречаем тысяча девятьсот сорок первый год.

Утром в морозном тумане наш олений транспорт поднимается по крутому ключу. Глубокий снег, как сухой песок, рассыпается под полозьями нарт.

— Дальше придется идти пешком. Круто. Олени не возьмут, — говорит Степан, легко соскакивая с нарты. Я следую его примеру.

Идем зигзагами. Я со Степаном впереди, за нами ведет на поводу олень Слепцов. Стараясь дышать только носом, часто останавливаясь и оступаясь, мы шаг за шагом карабкаемся вверх. Далеко внизу в тумане маячит фигура Мельникова.

Сердце бешено колотится, кажется, вот-вот готово разорваться.

Еще усилие — и преодолен последний крутой взлобок. Мы на гребне водораздела.

— Я же говорил, что через перевал рукой подать до нашей разведки, — отдышавшись, указывает Степан на барак, затерявшийся среди редколесной тайги.

На водоразделе дует обжигающий, хотя и слабый, ветерок. Тяжелый холодный воздух скатывается вниз по долинам.

Наконец, к нам присоединяется врач. Он еле стоит на ногах, побледнел, держится за сердце. Нос и щеки его подморожены. Отдышавшись, он говорит сердито:

— Куда торопитесь? При таком морозе обжечь легкие — пара пустяков. Зачем стоите на ветру? Воспаление легких хотите получить? Спускайтесь скорей вниз!

Спускаясь, он ворчит:

— При моем давлении, такие подъемы явно противопоказаны...

Вечером Мельников говорит мне:

— Вовремя приехали. У больных почти третья степень обмораживания конечностей. Была угроза гангренозного процесса. Придется отнять два-три пальца на ногах. Завтра оперирую. Попали в наледь, поленились вернуться в барак, переобуться — и вот результат...

Побыв еще на нескольких разведочных участках, мы в начале февраля благополучно возвращаемся в устье Неры.

— Товарищ Галченко, вас надо поздравить! — встречают меня работники управления. — С правительственной наградой — орденом Трудового Красного Знамени за успешную разведку Индигирки. И еще поздравить с рождением сына. Из Иркутска радиограмма пришла...

Все для победы! Золотой и оловянный цехи страны. «Своя своих не познаша». Колыма индустриализируется и сама себя кормит. Директорская «накачка». Нежданное выполнение плана. Успехи геологов Дальстроя. Отзыв академика С. С. Смирнова.

VI. В ДНИ ВОЙНЫ

Вечером 22 июня незабываемого сорок первого я и каюр Михаил Слепцов подъезжали верхами к Ульчанскому разведочному району. Нужно было скорее промыть пробы детальной шурфовочной разведки ручья Поперечного.

Перед этим мы восемь дней ездили по тайге.

«Подсчитаем запасы и сдадим новый объект горнякам, — думал я. — Они откроют прииск... Сейчас приедем — узнаю новости. Высадились немцы в Англии или нет?»

Вот вдаль показались постройки. Вижу, навстречу нам бежит Сергей Захаров, геолог района. Он явно чем-то взволнован.

— Иннокентий Иванович, война! — кричит он издали.

— С кем? — задаю я тот же вопрос, что задал летом четырнадцатого года, услышав слово «война».

И ответ получаю тот же:

— С Германией.

— Но ведь есть договор о ненападении...

Захаров пожимает плечами.

— Гитлер повторяет ошибку Наполеона. И так же, как тот, будет бит.

У работников района настроение боевое.

— Все поедem на фронт!

— Будем поступать так, как укажут партия и правительство, — отвечаю я. — Надо и то иметь в виду, что нельзя Колыму без людей оставить. Соседи тут у нас такие, что с ними держи ухо востро! Не зря японские дивизии на Курилах учатся в зимних условиях воевать, на лыжах ходят. Да и наша работа здесь — разве не вклад в дело победы?

И вот мы трудимся от зари до зари, перевыполняя нормы в несколько раз.

Зимой мы проходим, как и все колымчане, военную подготовку. Из нас получатся хорошие воины: геологи-разведчики и горняки отлично знают тайгу, привычны к суровым условиям. Люди они упорные, находчивые, закаленные.

Зимой я опять в Ульяновском районе. Сдаю разведанные площади вновь организуемуся прииску.

— Вас вызывают в Магадан, — сообщают мне в управлении. — Орден вам будут вручать. Кстати, там защитите проекты разведочных работ на будущий год.

Магадан живет по-военному напряженно и настороженно. Геологи-разведчики эвакуировались в глубь тайги, на Оротукан, в поселок Ларюковая. Дирекция Дальстроя — в Магадане.

В 1941 году Дальстрою была передана для исследования и освоения вся территория, лежащая к востоку от Лены и Алдана — до побережья Охотского и Берингова морей на востоке, Восточно-Сибирского и Чукотского морей на севере. Площадь громадная: 2,4 миллиона квадратных километров — примерно одна восьмая всей территории нашей Родины. Колыма, Индигирка, Яна, Чукотский национальный округ, большая часть Корякского национального округа вошли в сферу деятельности Дальстроя. Магадан, ставший в 1939 году городом, — центр этого обширного края.

В трудные для Родины военные годы, Колыма и Индигирка представляли собою золотой, а Чукотка и Яна — оловянный цехи страны. Колымчане делали все возможное, чтобы сократить завоз оборудования, топлива и строительных материалов, промышленных и продовольственных товаров из центральных областей СССР в свой отдаленный край. В те годы

на Северо-Востоке возникли металлургия и машиностроение. Небольшие ремонтные мастерские, созданные в первые годы освоения Колымы, превратились в заводы. Географические названия, еще недавно вызывавшие представление о глухих лесных дебрях и болотных топях, теперь связаны с именами крупных промышленных предприятий. Так, авторемонтный завод в Магадане стал выпускать экскаваторы, бульдозеры и металлообрабатывающие станки. Выпуск машин освоил и завод в Марчекане, расположенный в устье ручья, где некогда высаживались первые экспедиции геологов. В далеком Оротукане на заводе, ремонтировавшем горное оборудование, был создан мартеновский цех, освоено производство стали специальных марок и фасонное литье.

Новые и реконструированные электростанции стали использовать местное топливо. Шахтеры за годы войны в четыре раза увеличили добычу угля и полностью обеспечили топливом промышленность, рабочие поселки и города области.

Промышленные комбинаты в Магадане и поселках Колымы стали выпускать самую разнообразную продукцию — от карбидных ламп до корабельных гвоздей. Десятки тысяч телогреек, бушлатов, ватных брюк и валеной обуви местного производства надежно защищали колымчан от суровых морозов. Был построен стекольный завод близ Магадана, завод огнеупоров на Аркагале и другие предприятия.

Нелегко было создавать на суровом Севере продовольственную базу. До установления на Колыме Советской власти считалось, что заниматься сельским хозяйством в северных районах этого края невозможно. В обзоре Иркутского генерал-губернатора за 1900—1903 годы написано: «Земледелие на Севере невозможно. На северной земле и курице с петухом негде прокормиться, не только людям. Климат Севера смягчить и переделать мы не можем. Что касается Колымского округа, то здесь при очень коротком лете, ранних заморозках, болотистой почве с вечной мерзлотой на глубине 6—7 вершков от поверхности хлебопашество не имеет будущего».

Советские люди доказали, что земледелие на Колыме и Индигирке не только возможно, но и имеет широкие перспективы.

Геологи-разведчики, дорожники, горняки, помня о первых голодных и цинготных годах, организовывали около разведрайонов, приисков подсобные хозяйства — огороды и молочные фермы. В предвоенные годы здесь были созданы десятки подсобных хозяйств, агробаз, шесть крупных совхозов. Выращивание холодостойкой рассады в навозных горшочках, яровизация клубней, подкормка посевов минеральными удобрениями позволили добиться хороших урожаев овощей и картофеля.

Повышение уровня племенной работы, заботливое содержание скота способствовали росту его продуктивности. Колымская земля стала снаб-

жать продовольствием тружеников Дальнего Севера. Завоз продуктов питания в этот край в военные годы значительно сократился.

В хозяйственном освоении края, его экономическом и культурном развитии ведущую роль играли посланцы Коммунистической партии. Коммунисты провели огромную работу по объединению местного населения в колхозы, по приобщению малых народов Севера к социалистической культуре.

Очагами этой культуры стали промышленные поселки. Здесь строились школы, клубы, дома культуры, больницы, часто силами общественности. В быт рабочих и колхозников входили электричество и радио.

• • •

Поздно вечером в своем большом кабинете мне вручает орден новый директор Дальстроя Иван Федорович Никишев — среднего роста, коренастый, одетый в военную форму.

— Тайга на проводе, — докладывает ему подтянутый секретарь-адъютант, появляясь в кабинете.

Директор торопливо прощается, и, выходя, я слышу его голос.

— Почему не выполнили план?

«Ну, теперь он будет по телефону до двух-трех часов ночи «накачивать» начальников управлений, отделов и приисков, — думаю я, спускаясь по лестнице. — А те будут сидеть со своими подчиненными у телефонов всю ночь в ожидании вызова начальства, рассказывать анекдоты и играть в шахматы. А утром, сонные, с тяжелой головой выйдут на работу. Начальство, следуя примеру директора, утром «задержится» на час-два с выходом на работу. Хорошо, что до геологов-разведчиков еще не дошли телефоны и мы избавлены от ночных бдений. А если и работаем вечерами, то заняты, действительно, делом».

Стиль ночной работы, окрика, нереальных завышенных планов, недоверия к человеку, стремление к централизации входило в годы культа личности Сталина в быт Колымы, притупляя инициативу масс. Выдвигались карьеристы, у которых, кроме грубости с подчиненными и подхалимства перед начальством, ничего не было за душой.

• • •

Высоко в небе, как стаи перелетных птиц, летят над таежными просторами с востока на запад истребители и бомбардировщики. Их ведут русские летчики из далекой Америки на фронт.

В апреле сорок третьего года я еду на участок Санах. Навстречу мне мчится связка оленей. Узнаю каюра Данилу, моего проводника по Улахан-Чистаю.

Он здоровается и озабоченно сообщает:

— Срочное задание выполняю. Военного летчика до ближайшего аэродрома везу. Разбился он... Старик Слепцов напутал: увидел золотые погоны и решил, что это белогвардеец. Под охраной ребята его доставили ко мне, как председателю сельсовета. А мы только что газеты получили, узнали о введении новых знаков различия. Извинились и исправили ошибку.

К нам, улыбаясь, подходит молодой летчик в военном комбинезоне.

— Расскажу вам, товарищ геолог, как «своя своих не познаша». Страх тут у вас натерпелся больше, чем на войне. Вдвоем мы перегоняли из Америки самолет. Штурманом я шел. Только что определил, где мы летим, самолет загорелся. Летчик туда-сюда, пробует сбить огонь. Ничего не выходит. Приказывает: «Прыгай, а я попробую посадить самолет». Прыгнул. Подбегаю к горящему самолету. Летчик мертв — обгорел. Я потушил огонь. Постоял над мертвым фронтовым дружкой. НЗ достал и пошел от самолета. Смотрю, на снегу следы коровьи. Обрадовался. Следы-то оленьими оказались. Привели они меня к чуму. Пастухи в чум приглашают. Чаем угостили. Про войну расспрашивают. Снял я комбинезон. Увидели они мои золотые погоны. Старик что-то сказал молодым пастухам. Те вдруг на меня навели винтовки.

— Однако, золотопогонник, белобандит ты!

И повели меня, раба божьего, под винтовками. Они на оленях верхами гарцуют, а я пешочком. Бдительность, значит, проявили.

* * *

Конец апреля. На участке Санах положение с разведкой угрожающее. Шурфами прошли на глубину двадцати — двадцати двух метров, но ни один не удалось добить до скалы.

На такой глубине шурфы плохо проветриваются, рабочие угорали. А тут весна, вода сверху бежит... Шурфовщики уверяли, что до лета ничего сделать нельзя. Их поддержал геолог района Герих.

— Безобразия! — кричал он. — Буду писать докладную записку главному геологу управления о нецелесообразности разведки таких бесперспективных ключей.

Сколько я ему ни доказывал, что по поисковым данным ключ явно перспективный, он и слушать меня не хотел. Пришлось дать ему категорический приказ продолжать разведку и добивать все шурфы под его личную ответственность.

В управлении, прочитав привезенную мной докладную записку Гериха, главный геолог Евгений Трофимович Шаталов сказал:

— Это не геолог, а геолух. Он еще горько покается. Пусть заканчивает разведку.

Через неделю от Гериха было получено письмо. Он сообщал: «Три до-

битых до скалы шурфа сели на богатейшее золото. По ручью Санах россыпь — с большими запасами металла...»

На следующий день я был на ручье. Шурфовщики, окрыленные успехом, работали круглые сутки. Разведка была закончена до паводка.

При выдаче премий за первооткрывательство Шаталов зачитал письмо Гериха. Ему выдали лишь половину причитающейся премии, а другую половину отдали шурфовщикам.

Той же зимой, в конце декабря, всем в Дальстрое стало ясно, что план добычи золота к первому января выполнен не будет. Горняки напрягали все силы, чтобы выйти из прорыва. При пятидесятиградусном морозе, обжигающем лицо и руки, они оттаивали кострами мерзлые пески и промывали их в дымящейся на морозе воде. Для выполнения плана оставалось добыть только какие-то сотни килограммов, но суточная добыча по тресту давно уже снизилась настолько, что, как директор ни прикидывал, получалось: рапортовать о завершении годового задания в срок не придется.

И вдруг утром тридцатого декабря начальник Индигирского горного управления по телефону сообщает, что на одной из шахт прииска «Полярный» за смену намыто сто восемьдесят килограммов золота.

— Наверно, я ослышался... Восемнадцать? — переспросил директор.

— Нет, не ослышались, — сто восемьдесят.

План 1944 года был перевыполнен накануне Нового года.

* * *

Все годы войны колымчане работали самоотверженно. Труженики далекой окраины жили одной жизнью со всем советским народом.

В политотделы потоком шли заявления о направлении на фронт, о вступлении в Коммунистическую партию. За время войны партийная организация Дальстроя выросла более чем вдвое. В партию вступили лучшие производственники, люди, посвятившие себя, все свои силы и знания делу освоения Крайнего Севера, честным трудом завоевавшие уважение и доверие коллектива.

Партийные организации создали широкую сеть политического просвещения. В центрах горных управлений были созданы районные и начальные партийные школы, в первичных партийных организациях работали кружки и семинары, в которых участвовали все коммунисты, многие беспартийные как работники Дальстроя, так и местные жители.

В Магадане был организован вечерний университет марксизма-ленинизма, в котором училось большинство магаданских геологов и разведчиков, коммунисты и беспартийные.

Застрельщиками всех общественных мероприятий были коммунисты и комсомольцы.

Рабочие выполняли свои дневные задания на двести—четыре ста процентов. Разведчики и все служащие помогали горнякам добывать золото и олово. Летом, с началом промывочного сезона, пустели все учреждения в Магадане и рабочих поселках. Все мужчины и женщины уезжали бригадами на целое лето добывать металл на прииски. Работали дружными коллективами в выходные дни и вечерами на общественных огородах и в подеобных хозяйствах. В торфонавозных горшочках выращивали свежие овощи и картофель.

На свои сбережения покупали танки. Около полумиллиарда рублей было собрано колымчанами на оборонные мероприятия. Местные жители добывали сотни тысяч заячьих и беличьих шкурок, шили теплую одежду для защитников Родины. Трудящиеся Дальстроя собрали свыше 220 тысяч теплых вещей и, кроме того, отправили бойцам Западного фронта 17 вагонов подарков. Много подарков было отправлено трудящимся освобожденного подшефного Донбасса.

За успешное выполнение плана добычи и строительства в военное время коллектив Дальстроя был в феврале 1945 года награжден орденом Трудового Красного Знамени.

В годы Великой Отечественной войны ценный вклад в дело нашей победы внесли геологи Дальстроя. Многие сделали они тогда, имея в виду «дальний прицел» — послевоенное развитие народного хозяйства родной страны.

Высокую оценку труда геологов-дальстроевцев дал академик Сергей Сергеевич Смирнов, посетивший в 1944 году Магадан и участвовавший в конференции геологов дальнего Северо-Востока.

В газете «Советская Колыма» в декабре 1944 года академик Смирнов отмечал, что дальстроевские геологи изучают самостоятельно и всесторонне геологическое строение громадной территории, ранее почти совсем не изучавшейся, труднодоступной, с тяжелыми климатическими условиями. Колымские геологи делают сами все — от первичного наблюдения в поле до синтеза громадного фактического материала. Они проводят изучение открытых ископаемых в таких масштабах и такими темпами, которые отвечают требованиям растущего из года в год производства.

У геологов-дальстроевцев с этим производством тесная связь. Эта связь требует отбора из массы возникающих проблем именно тех, которые ведут к практической цели наискорейшим путем. Здесь подтверждается, что целесообразное и гармоничное сочетание науки с производством есть основной фактор дальнейшего развития нашей науки.

Геологи Дальстроя создали весьма совершенные геологические сводные карты обширнейшей территории, разработали ценные инструкции по всем видам геолого-разведочных работ, учитывающие особенности Северо-Востока.

Открытая нашими геологами огромная Северо-Восточная рудная провинция — один из основных источников рудных богатств нашей планеты. Освоением этой провинции Советский Союз устраняет серьезные недостатки в своей минерально-сырьевой базе. Мы теперь с полным правом можем сказать, что на территории СССР имеются все основные рудные структуры. Отсюда — полная независимость Советского Союза в отношении минерального сырья.

Отрадно сознавать, что открытие разнообразных минеральных богатств на Северо-Востоке сделано советскими людьми, движимыми идеалами коммунизма.

«Мне всё здесь на память приводит бывшее...». К «партизану» Мике Асову! Новый пейзаж Колымского края. Софрону — 105 лет. Разбойники. Всюду — техника. Старые друзья. Ликвидация Микиных «художеств». Вплавь через Индигирку.

VII. КОЛЫМА ПОСЛЕВОЕННАЯ

1946 год. Первая послевоенная весна.

Я сижу в кабинете начальника управления Сергея Дмитриевича Раковского.

Он руководит Индигирским управлением уже второй год. Так уж повелось, что он всегда на переднем крае наступления дальстроявцев на тайгу.

В просторном кабинете много посетителей. Раковский беседует с геологами, инженерами, просматривает планы, уточняет задания новым поисковым партиям. Он все такой же — живой, энергичный и требовательный. Только вот на висках появилась седина.

На его груди поблескивает золотой значок лауреата Государственной премии. В орденской колодке — ленточки орденов Ленина и Трудового Красного Знамени.

— Ты подожди, Иннокентий. У меня с тобой будет долгий разговор, — говорит он, отрываясь от дел.

Я пересаживаюсь на диван и смотрю в окно. Передо мною открывается широкая панорама поселка Усть-Нера.

Река, несмотря на начало мая, еще крепко скована льдом. Он нестерпимо блестит под ярким весенним солнцем.

Усть-Нера — большой благоустроенный поселок. Леса отступили к горам, голые скалы почти двухкилометровой стеной замкнули его в полукольцо. Из окна я вижу на берегу два стоящих на стапелях, готовых к спуску на воду катера. Около них сваривают готовые секции двух больших барж, привезенных по автотрассе из Магадана.

Как-то, помимо моей воли, я оказываюсь во власти воспоминаний. Пробегают в памяти музыкальная фраза и слова из оперной арии:

«...Мне все здесь на память приводит бывшее...»

Будто вчера, а не восемь лет тому назад, плыла по Индигирке наша легкая лодка. Десять лет прошло со времени наших работ на Улахан-Чистае. Быстро бежит время...

Позади остались тяжелые пешие и выючные маршруты, сплавы по таежным рекам, дальние зимние путешествия на оленьих нартах, собачьих упряжках.

А вот и более близкое прошлое — годы военные и совсем недавнее время...

На Колыму едет молодежь — комсомольцы из Москвы, Ленинграда, с Украины и со всех концов нашей необъятной Родины. Все новые отряды энтузиастов, в большинстве прошедших через горнило войны, вливаются в ряды колымчан.

После войны все больше партий геологов уходит в тайгу. Они проникают к устьям неведомых рек, взбираются на неисследованные хребты; «белые пятна» исчезают с географических карт Родины.

«А давно ли, — вспоминаю я, — была установлена повсеместная золотоносность бассейна реки Оротукан, впервые обнаруженная геологом С. В. Новиковым...». Приходят на память открытия богатых россыпей левобережья Колымы поисковым отрядом Сергея Лапина, геологами Леонидом Снятковым и бесстрашными разведчиками Фаиной Рабинович и Ксенией Шахверстовой. А через год Евгением Трофимовичем Шаталовым и другими геологами в бассейне реки Берелёх было найдено несколько золотоносных ручьев, положивших начало открытию самых крупных на Колыме уникальных месторождений Мальдяка и других. А наши работы, подтвердившие золотоносность бассейна Индигирки?..

Прогноз первооткрывателя Колымы Юрия Александровича Билибина оказался безошибочным. Все открытия были как раз в рудоносной зоне, указанной им.

Сейчас на базе разведанных месторождений работают: Южное, Северное, Западное, Юго-Западное и Индигирское горнопромышленные управления.

Прекрасных результатов добились геологи Николай Аникеев, Израиль Драбкин, Борис Евангулов в верховьях реки Колымы.

В октябре 1941 года начала выявляться уникальная по запасам россыпь в бассейне реки Теньки, где вел разведку Мика Асов. Тенькинское горнопромышленное управление, организованное в трудные военные годы на базе этого месторождения, стало в ряд мощных предприятий Дальстроя.

Если первые годы добыча золота исчислялась сотнями килограммов, то после открытия прииска Пятилетка в Южном управлении разговор пошел о тоннах, а теперь, с освоением Колымы и Индигирки, — о десятках тонн.

Внимание геологов привлекало не только золото. Они шли и по следам оловянного камня — касситерита. Поисковые партии открыли целый ряд оловорудных месторождений. Так, геолог В. Л. Флёров обнаружил оловорудные проявления в верховьях реки Оротукан. Геолог В. Т. Матвеев открыл оловорудное месторождение Кинжал. Олово было открыто геологами Г. Г. Колтовским и И. Н. Зубаревым в районе Омсукчана, В. А. Титовым в бассейне реки Сеймчан, на базе которого работает рудник имени Лазо, и в других местах.

В те годы наша страна не была обеспечена запасами олова. А этот металл был крайне необходим для развивающегося машиностроения и для нужд военного времени.

Когда-то мы мечтали о будущих походах за северный Полярный круг, рассчитывая найти там новые богатства. В тридцатых годах эти богатства были найдены в Чаунской тундре, у берегов Ледовитого океана. Одна из поисковых партий Арктического института Главсевморпути, руководимая Сергеем Обручевым, собрала здесь около семисот образцов пород. Геолог Марк Рохлин исследовал чаунские образцы и во многих из них обнаружил зерна касситерита. Вслед за тем ряд экспедиций во главе с Н. И. Сафроновым, Марком Рохлиным, Борисом Ерофеевым и другими установили богатое оруденение на всем Певекском полуострове.

Так подтвердился прогноз советского ученого Сергея Сергеевича Смирнова, указывавшего, что олово есть на Чукотке. Была раскрыта еще одна тайна дальнего Севера.

Осуществилась и другая наша мечта.

В тридцатых годах отряды Федорцова, Дубовцева, Муромцева и других поисковиков-разведчиков добрались до верховьев Яны и поставили на службу Родине крупные запасы ценных металлов.

Геологи искали и уголь. В те же годы Леонид Снятков и Петр Скорняков открыли залежи бурого угля на реке Эльген. Борис Иванович Вронский установил крупное месторождение угля на Аркагале, близ действующих приисков, попутно открыв несколько россыпных месторождений золота.

Широко поставленные и правильно научно направленные геологи-

ческие работы, проводимые по единой системе геолого-разведочного управления Дальстроя, принесли исключительно эффективные результаты.

— Ну, вот и все! Теперь займемся с тобой, Иннокентий,— обращается ко мне Раковский, проведив последнего посетителя.— Ты знаешь, что с выполнением майского плана у нас плохо. Необходимо съездить к разведчикам. Я побываю в левобережных районах, ты — в правобережных. Да и сезон зимней разведки заканчивается, нужно будет проверить качество работы. Кстати, ты выберешь место для новых разведок в районе Улахан-Чистая. Ты те места прекрасно знаешь. И побывай обязательно у этого «партизана» Мики Асова! На него жалуются соседи. Он умудрился силами своих разведчиков начать эксплуатацию ключа, расположенного на территории другого управления. Те не закончили разведку этого ключа и теперь, пожалуй, не сумеют подсчитать там запасы металла. Ну, призовешь своего старого приятеля к порядку... Выписывай командировку, и завтра в путь.

* * *

Утром на попутной машине я выезжаю в район, где работает Мика Асов.

— Устраивайтесь поудобнее, Иннокентий Иванович,— встречает меня старый знакомый, бывший шурфовщик, а теперь шофер Степан Лошкин.— Опять в командировку? По трассе я вас быстро доставлю в район. По этой дорожке ездить — одно удовольствие! Не то, что по наледям Индигирки ползать, как в прошлую вашу поездку...

Через несколько часов, преодолев крутой перевал, въезжаем в долину, где десять лет назад мы открыли ключ Наташа. Теперь здесь вырос новый прииск. Машина идет мимо полигонов, отвалов, штолен. Высятся эстакады промывочных приборов, слышен рокот бульдозеров и экскаваторов.

По широкой долине мы выезжаем на реку Неру. Вдали среди возделанных полей виднеются ряды длинных застекленных теплиц, поблескивающих на солнце.

— Вот и агробаза! Сейчас отгрузим несколько мешков с минеральными удобрениями, попьем чайку — и дальше! — говорит Степан, сворачивая к проселку.

Агроном Горохов, седенький старичок, водит нас по теплицам.

— Горнякам нужны овощи. Завозить их в район полюса холода трудно и дорого. Поэтому «свои» овощи давно были мечтой оймяконцев. И вот мечты становятся действительностью, — он показывает на только что высаженную капустную рассаду в горшочках. — Кочан здешней капусты не уступает по весу материковой. А репа, турнепс, сахарная

свекла в килограмм весом и побольше родятся. Картофель скороспелый хорошие клубни дает...

После обеда покидаем агробазу. Перевалив через крутой перевал, спускаемся в Тополевую долину — район разведок.

Издалека видна приземистая юрта Софрона. Около нее среди редких лиственниц белеет новенький дом, весело поблескивая на солнце окнами.

Возле юрты Софрона — оживление. По долине пролегло шоссе, и юрта стала своеобразной почтовой станцией и ремонтно-заправочным пунктом. Здесь стоят тракторы, автомобили, лежат запасные части, бочки с горючим.

Водители, трактористы, пассажиры заполняют юрту. У камелька с трубой в зубах сидит сам Софрон. Его окружают молодые парни. Они внимательно слушают старого охотника.

Софрон рассказывает, как он с зятем и приятелем ходил на медведя. Берлога была обнаружена заранее и заложена бревнами, чтобы зверь не вылез. Когда подошли и раздражили медведя, он, разъяренный, раскидал бревна и неожиданно появился перед охотниками. Софрон оказался лицом к лицу со зверем и уложил его одним выстрелом своей берданки.

— А вы, охотнички, трусили, сбежали! — поддразнивают слушатели зятя Софрона и его приятеля.

— Сбежали! — соглашаются те. — Здорово быстро бежали...

— Еще бы! Ведь ты на семьдесят лет моложе Софрона.

А Софрон, закулив трубку и ударяя себя мундштуком в грудь, с гордостью произносит:

— Мин — стахановец. Мин — первый.

И он говорит правду. Он здесь самый знаменитый, самый опытный охотник. Больше, чем другие, выставил он ловушек для горностаев, капканов для лисиц, петель для зайцев, плашек для белок. Каждое утро он выходит на проверку своих многочисленных ловушек и западней. На каждый свежий звериный след он немедленно ставит капкан. Никто лучше его не снимает и не высушивает шкурки убитого зверя. Всю пушнину Софрона принимают первым сортом. Неутомимость и энергия старого охотника удивляют всех, кто встречается с ним.

— Сколько тебе лет? — спрашивает его Степан.

— Много, да много! — И Софрон теперь уже десять раз взмахивает обеими руками и один раз одной, — сто пять!

Увидев меня, он приглашает:

— Пойдем чай пить в мою новую юрту-дом.

По дороге он сообщает:

— Илья с прииска «Пионер» сегодня в гости пришел.

В доме, пахнушем свежеструганой смолистой лиственницей, гостей встречает по-прежнему подвижная Варвара.

Здоровается с нами Илья, высокий ходошавый молодой человек, одетый в форменную тужурку горняка. Он окончил в прошлом году в Магадане курсы прорабов и сейчас работает на прииске «Пионер» техником промывочной команды.

— Сегодня суббота, промывку закончили, приехал своих стариков навестить, — говорит он.

— Ну как, Софрон, живешь?

— Хорошо живем. Дом мне построили!

— Очень хорошо живем, — подтверждает Варвара, наливая в чашки крепкого чаю со сливками и пододвигая нам наколотый кусочками сахар, сливочное масло, конфеты и тарелку с пышными лепешками.

Степан, попив чаю, благодарит хозяев и, вставая из-за стола, говорит, смеясь:

— Ты Софрон, говорят, уже третий выучный ящик денег набираешь, да только первых два ящика так спрятал, что сам найти не можешь. Софрон делает вид, что не слышит.

Илья, несколько обиженный, рассказывает:

— Чуть беда из-за этих разговоров не приключилась. Проводил я у стариков прошлое лето отпуск, пришел как-то с охоты и лег спать. В юрте была одна бабушка. Софрон на реке промышлял рыбу. Вдруг слышу, Варвара кричит: «Илья, помоги!» Я проснулся, смотрю, мою бабушку два человека держат, а третий ножом ей грозит. «Отдай деньги!» — кричит. — Где три ящика с деньгами спрятала? Показывай, а то убью!» Меня не видят разбойники. Сильно я испугался. Зарежут, думаю, бабушку. Сдернул с гвоздя ружье и выстрелил. Бандит с ножом сразу мертвый упал. Второй на меня бросился с ножом, но я успел по его ногам выстрелить, упал и он. А третий из юрты на улицу выскочил и побежал. Я ему кричу: «Стой, убью!» Прицелился, хотел стрелять. Он остановился, руки поднял, ко мне идет. Заставил я его раненого разбойника на спину взять, и так он его на себе до прииска тащил. Там я их в милицию сдал. Сейчас старики спокойно живут, никто их не трогает.

— Жениться собирается Илья. Русская она, Катей звать. В конторе на разведке работает, — прощаясь, рассказывает Варвара.

Мы едем дальше.

— Километр в сторону — и мы на прииске «Пионер», — говорит Степан, осторожно сворачивая с трассы.

За густыми тальниками открылась долина ручья Пионер, вся развороченная, покрытая конусообразными отводами промытой породы. Чернеют устья наклонных шахт. Из них выбегают на эстакаду вагонетки с породой, и, высыпав ее, возвращаются обратно.

— Богато кубиков подняли за зиму на-гора, к промысловому сезону,— говорит Степан, направляя машину вдоль разреза.

«Как раз здесь стояла зимняя юрта Софрона»,— отмечаю я про себя.

Экскаватор методически, как одорукий великан, перекладывает мерзлые глыбы из разреза в отвал.

— Дешевый этот открытый способ,— рассуждает Степан.— Торф здесь мелкий. Зимой его экскаватором вскроют, летом талые пески бульдозеры к бункерам подгребут. Транспортёры их на приборы подадут. Везде человек за себя машину заставляет работать.

Мы проезжаем мимо новых добротных домов прииска и сворачиваем к разбросанным в беспорядке низеньким таежного типа постройкам разведчиков.

• • •

Наш ГАЗ-51 стремительно бежит по трассе.

— Смотрите, одни наши «медведи» да «буйволы» теперь здесь работают,— так любовно называет Степан тяжеловозы Ярославского и Минского заводов, то и дело встречающиеся нам.— Добротные машины.

Навстречу едет «ярославец», груженный тяжелым бульдозером, крепко привязанным тросом к кузову машины. Вслед, покачиваясь, приближается вторая машина.

Впереди у обочины — красный флажок, дорога перегорожена. Мы направляемся в объезд. На этом участке трасса проходит по болоту, оттаивающему неглубоко. Здесь, в зоне вечной мерзлоты, дорожники делают на таких болотах галечные насыпи. Самосвалы ссыпают подвезенный грунт прямо на срубленный лес и кусты. Тяжелые катки укатывают дорогу.

В первые годы, прокладывая дорогу на болотах, снимали мох и рыли кюветы. Все это летом таяло, превращаясь в жижу и грязь. Не пройти, не проехать. Никакого количества грунта для засыпки этой грязи не хватало. Сейчас кусты и мох на полотне будущей трассы не трогают, в особенности на заболоченных местах. Более того, устилают полотно мелким лесом. Сверху все засыпают грунтом с помощью самосвалов, ровняют. Дорога, промерзнув, отлично служит и зиму и лето.

Трасса идет вдоль берега реки, прижимаясь к крутому увалу. Впереди стоит человек и машет красным флажком.

— Не успели проскочить! Опять взрывают, трассу расширяют.— Степан останавливает машину.

Быстро образуется колонна автомобилей.

Впереди взметнулось облако пыли: одно, второе, третье... Донеслись глухие взрывы. Гулко перекатывается эхо среди гор. По привычке разведчика считаю взрывы. Насчитываю восемь, и все затихает.

Осторожно едем по заваленной грунтом трассе. Дорожники отвозят взорванную породу и сваливают ее в русло реки.

Проехав «прижим», стараемся наверстать потерянное время. У реки, среди тополей, мелькают добротные постройки. Около гаража виднеются несколько бульдозеров, грейдер, снегоочистители и самосвалы. Вся эта техника теперь на вооружении дорожников.

— Километр в сторону, и мы на месте,— говорит Степан.

• • •

— А, Иннокентий Иванович! Сколько лет, сколько зим! Давай, раздевайся. Это моя жена, Верочка. А вот местные уроженцы Павлик и Наташа! Скоро в школу пойдут,— смущенно суетясь, встречает меня Мика.

Суетливость не идет к его высокой фигуре, к затянутой ремнем гимнастерке, на которой пестреет колодка с орденскими лентами. Награды он получил за ряд открытий и успешную геологическую разведку во время войны.

— Знаю, ругать меня приехал, но я дело уже исправил. Вчера меня по телефону так прочесал Сергей Дмитриевич... Я рабочих снял с этого злополучного ручья и послал туда старшего геолога района, чтобы привел все в порядок и передал горнякам. Виноват, не утерпел. Под носом металл, план побочной добычи нужно выполнять, а соседи мои никак разведку закончить не могут. Ну, и согрешил я малость. Урвал металл. Завтра поедем по разведочным участкам, я тебе покажу свои работы. Кстати, выберем для нового района место. Проедем по местам, где когда-то бродили вместе. Придется ехать верхом, начинается распутица. Лошади у меня хорошие...

• • •

Лошади, шлепая копытами по мокрому снегу, идут тяжело, часто оступаясь и проваливаясь.

— Да, весенняя дорожка, черт бы ее драл! — цедит сквозь зубы Мика.

Впереди показывается линия шурфов, пересекающих долину. На площадках снег стаял. Виднеются ряды аккуратно сложенных усеченных пирамидок земли — «проходок», как их называют разведчики. В каждую пирамидку воткнуты две хорошо обтесанные бирки, на которых карандашом указано, с какой глубины вынута порода.

Двое шурфовщиков в измазанных глиной телогрейках с помощью воротка выгружают бадьями из шурфа взорванную породу и аккуратно укладывают ее в проходки.

— Смотрите! Сам Александр Егоров, наш старый знакомый, шествует! — кричит Асов.

Широкое лицо Егорова сияет.

— Давненько мы с Вами, Иннокентий Иванович, не виделись,— говорит он, здороваясь.

— Ну, как у тебя дела? Как живешь?

— Целый день на ногах,— жалуется Егоров,— а ноги-то начинают капризничать. Ревматизм... Сколько ведь по тайге прошагали.

— Это дело поправимое,— ободряю я его.— Закончится зимняя шурфовка, выхлопочем тебе путевку на наш курорт «Талая» — и ревматизм как рукой снимет.

Осмотрев шурфовочные работы, подходим к разведочному участку.

С десятков низких, таежного типа бараков, без крыш, срубленных из неошкуренной лиственницы, разбросаны среди пней на опушке леса.

— Смотрите, Иннокентий Иванович, место подходящее для района. Лесок-то стоит какой, сам просится на постройку.

— Да, место для района хорошее,— соглашаюсь я с Микой.

• • •

Закончив все дела на разведке, мы прощаемся с Александром.

Едем вниз по ручью. На галечных косах снег растаял, и под копытами лошадей хлупает вода. Северная весна в полном разгаре. Воздух чист и так прозрачен, что горы с почерневшими южными склонами как будто совсем рядом, а до них не один десяток километров. Запах тающего снега перемешивается с горьковатым запахом тальника. Словно комочки снега, белеют на деревьях куропатки. Опьяненные теплом и светом, не шелохнувшись, сидят они на ветках, подпускают к себе совсем близко.

— Смотри, Мика, куропатки!

— А ну их! Далеко за ними лезть по глубокому снегу.

И мы проезжаем мимо.

— Что-то не узнаю прежнего страстного охотника. Где былой пыл?

— Стареть, видно, начинаю,— усмехается Мика.— А не захватить ли нам в Антагачан? Это новый оленеводческий совхоз на самой границе Улахан-Чистая. Наши соседи богаты мясом. Это почти по дороге.

— Деловые связи с соседями, богатыми мясом, необходимо поддерживать,— соглашаюсь я.

По берегам ручья, вдоль которого мы едем, вот уже несколько километров тянется прочная высокая изгородь. Это кораль — загон для оленей. Осенью пастухи загоняют сюда оленьи стада. Здесь их подсчитывают, часть отбирают на убой, изолируют больных животных, лечат.

Въезжаем в большой поселок с фундаментально построенными жилыми зданиями, складами и конторой.

В небольшой квартире директора мы долго слушаем рассказ об организации совхоза. Директор рисует нам перспективы оленеводства на Улахане.

— Антагачан — молодой совхоз. Он существует только два года. Но мы уже крепко стоим на ногах. В тайге пасется более десяти тысяч наших оленей. За один год стада увеличились на три тысячи голов. Это результат заботливого ухода пастухов. Горняки получают от нас тонны свежего мяса. Десятки оленьих упряжек везут ваши грузы к местам новых разведок. Впрочем, с геологами беда, — добродушно усмехается он. — Вы забираетесь в такие трущобы, что туда и на оленях не проберешься...

В дверь стучат. Входит молодой эвен.

— Заведующий стадом Слепцов, наш лучший оленевод, — представляет его директор.

Что-то очень знакомое в лице эвена. Я вспоминаю урасу на Улаханском плоскогорье, охоту на горных баранов.

— Вот так встреча! Как поживаешь, Петя?

— Да живу хорошо! — широко улыбается Петр. — Женился вот. Семья здесь, квартиру совхоз дал. Только я дома редко бываю, все на пастбищах, со стадом.

— Такая уж, брат, служба.

— Да я и не жалею! Я свое дело люблю.

— А я ведь тебя по делу вызвал, — говорит директор.

— А что случилось?

— Двадцать оленей потерялось. Отбились от стада, где-нибудь в тайге бродят. Придется, брат, тебя на поиски послать. Ты следопыт природный — быстро найдешь.

— Найдем! Куда им в тайге деться!.. А я недавно Данилу видел, вашего бывшего каюра, вас вспоминал, Иннокентий Иванович, — обращается он ко мне. — Данила сейчас председатель Кыгыл-Балыхтахского колхоза.

Мы сердечно прощаемся с Петром.

— У нас проблема — корма, — жалуется перед расставанием директор. — Особенно сложно разработать маршруты для стад. Два стада на одно пастбище не погонишь. Вот и надо спланировать так, чтобы пути не перекрещивались и стада не шли друг за другом. Тут все приходится учитывать. Хорошо, что помощники опытные есть. На Петра я могу во всем положиться. Он Улахан-Чистай, как свою ладонь, знает.

• • •

— Наконец-то добрались до дому! — восклицает Мика, увидев постройки, мелькнувшие среди леса.

Здесь здания посolidнее и повыше, чем на участках. Построены они из обтесанного леса, с крышами, покрытыми финской стружкой.

Подъезжаем к конторе и направляемся в кабинет старшего геолога. Он только что вернулся со злосчастного ключа, где ликвидировал «партизанские работы» разведчиков Асова.

— Константин Васильевич...— представляется мне геолог.

— Получай пробы,— перебивает его Мика, выкладывая из рюкзака на стол запечатанный пакет.— Надо поскорее их обработать.

— Здравствуй, Верочка! — нежным голосом здоровается Мика с женой. Она не отвечает (не может простить ему историю с чужим ключом).

— Ну как вы, Константин Васильевич, съездили?— обращаюсь я к старшему геологу.— Прекратили там «эксплуатационные работы»?

Мика делает вид, что чрезвычайно заинтересовался лежащим на столе планом.

— Дело это мы уладим, Иннокентий Иванович. На наше счастье, выложенные проходки у непромытых шурфов сохранились. Можно подсчитать запасы.

— Действительно, счастье...— говорю я.

С улицы доносятся удары по рельсу. Это сигнал к обеду.

— Ну, товарищи, пошли все ко мне обедать,— приглашает Мика, как ни в чем не бывало.

После обеда мы с ним ходим по складам, мастерским, по подсобному хозяйству. Осматриваем новые буровые станки, сборка которых уже закончена.

Мика жалуется:

— Не хватает летнего обмундирования для рабочих: сапог и ботинок. Да и со взрывчатыми веществами дела плохи. Не завезли в достаточном количестве.

Я молча достаю свою записную книжку. В ней записано все, что Мика получил от снабженцев управления: продукты, промтовары, материалы и инструмент.

— Летним обмундированием ты снабжен на полный списочный состав. Аммонитом тебе еще придется поделиться с соседним районом. А листовое железо, часть дефицитных продуктов и спирт, который ты забрал на свои склады, возвратишь немедленно на своей машине в управление.

— Да машина же потерпела аварию, пришлось здесь ее разгрузить,— слабо протестует Мика.

— Знаю я эти поломки машин, которые везут дефицитные продукты или спирт!.. Все надо вернуть. И немедленно.

Лицо Мики вытягивается. Он пытается переменить тему разговора. От его самоуверенности не осталось и следа.

...

Вдвоем с каюром Михаилом Слепцовым мы едем на лошадях верхами по зимней дороге, проложенной по руслу реки. Дорога «раскисла», и машины по ней уже не ходят.

В полдень подъезжаем к двум низким таежным баракам. Около них лежат кupy сена, мешки с овсом и мукой, ящики.

Из одного барака выбегает худощавый, еще бодрый старик в рубаше, с непокрытой головой, обу́тый в грязные стоптанные валенки. Прикрыв рукой глаза от солнца, он долго всматривается в меня. Его редкие седые волосы венчиком окружают лысину, половина левого уха у старика отсечена, и гладкий шрам блестит на солнце.

— Здорово, Пятилетов! Что, не узнал? — соскакивая с лошади, здороваюсь я.

— Иннокентий Иванович! По голосу узнал!.. Цыц, окаянная! — прикрикивает он на маленькую лохматую собачонку, пронзительно лающую на нас. — Глаза стали плохие, из темноты на свет выскочу — совсем ничего не вижу.

Он суетливо привязывает лошадей.

— Ишь, уморились! Пусть немного постоят, обсохнут...

За чаем Пятилетов, соскучившийся в одиночестве, непрерывно говорит. Рассказывает о себе, о своих скитаниях по золотым приискам. Я с удовольствием слушаю наблюдательного, умного старика.

— Вот сторожу здесь грузы, автозимником по реке их забросили, а по разведочным участкам развезти не успели. Ишь какая весна нынешний год ранняя! Придется теперь летом грузы на лошадях по тайге, как в старое время, развозить,

— Еще бы! Помните, Иннокентий Иванович, как в тридцатом году мы с Нагаева на ключ Дорожников на лошадях да олешках по тайге ползли, смех сказать, почти целый месяц! А теперь — сел на автомашину и по трассе день-два и на тысячу километров с Магадана в тайгу подался! А самолетом несколько часов по воздуху — и ты в любой точке. Вот нашу экспедицию на Индигирку перекинули — момент! Два летных часа — и оказались за сотни километров в глухой тайге со всем бутором и продуктами, на месте работ. Даже клопов и тараканов с собой в тайгу привезли! — смеется старик. — Прямо на реку садились. Зато летний сезон не упустили, на целый год скорее богатства открыли... Ну а где дорог нет, а продуктов завозить много надо, трактор олешек заменил. Прет, сердешный, по тайге без пути и дороги, десять тонн тащит на санях. Это тебе не оленья нарта с десятью пудами груза!

— Да, — говорю я, — великая сила — машина.

— Теперь идешь по разрезу на приiske и людей совсем не видишь. Все машины работают. Порода сама по ленточным транспортерам ползет на промысловые приборы. Сейчас смешно вспомнить, как механизацию на прииски вводили в восемнадцатом году. Помните, Иннокентий Иванович, как мы локомобиль всей артелью на своих горбах сорок километров вручную целый месяц волокли? А сейчас это плевое дело. Загрузил на тягеловоз или трактор и вези его за сотни километров, куда хочешь. Да

что там локомобиль, экскаваторы целиком на машинах везут. Этой весной на устье Неры два катера и баржи к ним, железные сварные, на машинах привезли. Почитай, за тысячу километров. Все арки на трассе поспшибали сверхгабаритным грузом... До революции какая-нибудь золото-промышленная компания россыпь десятки лет отработывала. Вот, к примеру, прииск «Стрелочный» Верхне-Амурская компания тридцать лет отмывала. Хочется ей побольше дивидендов получить, скорее золото достать, а не тут-то было: далеко на кайле да лопате, тачке да таратайке не уедешь...

— Сильный и умный стал советский человек, — резюмирует Пятилетов, — научился он открывать все богатства в тайге и быстро их добывать машинами... Жаль, года мои ушли, семидесятый пошел. А то показал бы я молодежи, как не на хозяина, а на себя нужно работать. Прошел бы с разведкой всю тайгу и тундру до самого Ледовитого океана...

Старик выпивает последний глоток чаю и большой, с утолщенными суставами пальцев и вздутыми синими венами, рукой ставит пустую кружку на стол.

— Ну, я совсем заболтался! Наверно, наши зайчики давно уже готовы.

По зимовью распространяется вкусный запах тушеной зайчатины.

* * *

Побывав еще на нескольких разведочных участках Оймяконского района, мы наконец после болотистой, залитой весенней водой дороги, попадаем на сухую трассу. Лошади, почувствовав твердую почву, шагают быстро, иногда без понукания переходя на рысь. Под копытами коней выются облачка пыли. Стоит солнечный жаркий день. Снега уже не видно. Пахнет дымом — где-то выжигают прошлогоднюю траву. На черных обгорелых кочках щеткой пробивается яркая зелень. Комаров еще нет. Теплый воздух, дрожа и переливаясь, поднимается от нагретой земли. Далеко на горизонте, в мареве — белые цепи гор. Изредка, со свистом рассекая воздух, проносятся стайки чирков. Деревья стоят еще голые, буровато-зеленые. Но пройдет день-два, и они покроются ярким легким кружевом зелени.

— Слушайте! Жаворонки поют! Ну, совсем как где-нибудь под Москвой. Ишь, как заливаются! А простор-то какой! — восхищается мой случайный попутчик москвич Поляков, следя глазами за мелькающими в голубом, прозрачном небе точками. И это на Оймяконском плоскогорье, которое на всех географических картах обозначено, как полюс холода!

Впереди виднеется ряд длинных построек. Возле них пасется скот. Это молочная ферма лучшего Оймяконского колхоза «Большевик».

Пока Поляков привязывает лошадей, я вхожу в помещение. Меня встречает заведующая фермой. Она в белоснежном халате. В большой

чистой комнате на столах поблескивают сепараторы, стоят бидоны с парным молоком и сливками. Образцовый порядок и чистота радуют глаз.

— Мария Николаевна Березкина, — заведующая пожимает мне руку и пристально всматривается в мое лицо. — Да это вы, Иннокентий Иванович! Не забыли еще?

— Ну, как забыть?

Однако между девушкой, угощавшей меня когда-то молоком на берегу Неры, и сегодняшней Марией Николаевной такое отдаленное сходство, что я с удивлением спрашиваю себя: да неужели это та самая Маша?

А она с гордостью показывает мне молочную ферму и приглашает нас с Поляковым в гости. Входим в опрятный домик. За чаем муж Веры Николаевны якут Дмитрий Березкин, со значком охотника-отличника на груди, рассказывает, как он недавно ездил на курорт в Ялту.

— В Москве ой как много людей! Все равно, как у нас в тайге комаров. По-якутски никто слова не скажет. Спасибо, человек со мной был — по-якутски и по-русски говорил. За руку меня по улицам водил. Боялся я заблудиться. Это ведь не тайга. В тайге всегда дорогу найдешь.

— Ну, а как на курорте?

— Продуктов много, работы нет. Жирный стал. Тепло-тепло! Воды в море много, а пить нельзя. Я тоже в море лазил. Но все равно по тайге, беда, соскучился. В тайге хорошо...

• • •

К вечеру подъезжаем к переправе через реку Индигирку. Она уже очистилась от льда, затопила прибрежные тальники и стремительно несет свои мутные весенние воды. Мурашки пробегают по спине, когда я представляю себя на лошади среди этого мощного потока.

— Пожалуй, вброд на другой берег не переедешь, — вслух рассуждаю я. — Придется до утра подождать. За ночь вода спадет. А пока переночуем у дорожников.

Рано утром мы опять у переправы. Под ногами лошадей похрустывает тонкий ледок, затянувший за ночь лужи на дороге. Утренний воздух свеж и прохладен. Вода действительно спала. Хорошо виден широкий перекарт, по которому нам предстоит переправиться на противоположный берег.

Лошади, пофыркивая, неохотно идут в воду. Предусмотрительно вынимаю ноги из стремян.

Наши лошадки-якутки осторожно выбирают брод. Я еду первым, стараясь держать голову лошади повыше и направлять ее наискось против течения, чтобы меньше сносило. Вода сначала по брюхо лошади, потом выше. Я поднимаю ноги, но все же начинаю черпать голенищами воду. Мы пересекаем основную струю реки. Лошадь судорожно цепляется но-

гами за галечное дно. борется с напором воды. Какую-то долю минуты чувствую, что ее сейчас собьет. Напряженно слежу, чтобы не упустить этот момент и вовремя спрыгнуть с седла. Лошадь торопливо перебирает ногами, крепче ступает на дно. Напор воды слабеет, мы пересекли основное течение. На душе легче. Наконец, мокрые, мы выбираемся на берег.

Соскакиваем, снимаем сапоги, выливаем воду, переобуваемся и, сев в седла, гоним лошадей рысью, чтобы согреть их.

Подъезжаем к поселку Оймякон — административному центру огромного таежного района. На высоком сухом месте вдоль реки стоят ряды новых дробротных домов. Прямые улицы, электрические фонари. Проезжаем мимо большого здания школы, нового клуба, столовой, больницы, магазина, фактории. Видим много строящихся зданий: растет районный центр.

— Где райисполком? Где Неустроева найти? — спрашиваю я старика якута.

— Дом райисполкома вот здесь достраивается. А пока исполком помещается в бывшей церкви. Вон там! — показывает он на темное массивное здание, построенное из крупных лиственничных бревен.

Высокое помещение церкви разгорожено на ряд комнат. Проходим в кабинет председателя. Это бывший алтарь.

— Здорово, Иннокентий Иванович. Слышал, что ты по разведкам разъезжаешь. Думаю, обязательно заедешь к старому знакомому. Проходи, садись, — радушно приглашает Неустроев, молодой, среднего роста якут со свежим загорелым лицом, одетый в пиджак и сорочку с галстуком, обутий в легкие летние торбаса.

— Есть у меня к вам претензии, — сразу начинает Неустроев. — Падеш большой среди арендуемых вами у колхозов лошадей и оленей. Это снижает прирост поголовья по району. За перевозки и аренду транспорта разведчики неаккуратно расплачиваются. Правда, управление ваше помогает нам строиться, шефствует над колхозами...

— Приеду в управление, наведем порядок, — заверяю я.

По дороге домой Неустроев показывает на высокое темное здание.

— А вот наша библиотека, раньше тут часовня была. Старики рассказывают — ее местный купец Кривошапкин построил на деньги, украденные им у экспедиции Черского. Он содрал с него за транспорт втридорога, часть этих денег истратил на часовню и получил от царского правительства медаль «за усердие».

Входим в библиотеку. Нас встречает молоденькая якутка с комсомольским значком на блузке.

На полках вдоль стен до самого потолка — книги на русском и якутском языках. На столах — подшивки местных и центральных газет и журналов. В библиотеке светло, уютно и чисто. Глаза разбегаются по разло-

женным на столах газетам и журналам. Меня охватывает страстное желание сесть за стол и, не отрываясь, читать и читать.

— Можете вы организовать библиотеки-передвижки для наших разведчиков? — спрашиваю я заведующую.

— Мы это начинаем. А вообще ваши разведчики — частые гости в библиотеке. Заходите вечером, договоримся подробно.

* * *

Вернувшись из Оймякона в управление, я с семьей уезжаю в отпуск — на «материк».

Облечен доверием народа. Всюду — новое, всюду — перемены. Нужно изменить районирование. Геологи работают не так, как прежде. Люди учатся, люди растут...

VIII. ПРЕОБРАЖЕННЫЙ КРАЙ

Трудящиеся Теньки избрали меня в декабре 1947 года депутатом Средниканского районного Совета. Я — член исполкома.

Езжу по району, встречаюсь с избирателями. Посещаю прииски, рудники, автобазы, электростанции, районы разведок. Везде производственный подъем. Перевыполняются социалистические обязательства. Всюду идет борьба за повышение производительности труда, за выполнение планов. Отчетливо вижу, ощущаю: наступает новый этап освоения Северо-Восточного края.

С такими мыслями ехал я на сессию Средниканского райисполкома. До Ягодного меня подбросил на своей «Победе» начальник политотдела нашего управления.

С хорошим, радостным чувством проехал я тогда по краю, ставшему мне родным. Я видел плоды многих лет работы трудового коллектива дальстроевцев и с удовлетворением думал о том, что не даром провел годы в тайге, что есть и мой вклад в большое, нужное для Родины дело...

Впоследствии мне не однажды случалось совершать такие объезды, и каждый раз я отмечал новое, чудесно преображающее суровый, некогда считавшийся бесплодным дальний Северо-Восток.

...«Победа» мчится, приглушенно урча мотором. Проезжаем памятный по многим путешествиям поселок Палатка. Теперь здесь огромные скла-

ды и бензобаки. Сюда из Магадана проведены узкоколейка и нефтепровод. Двигается поток машин. Обгоняем медленно идущие тяжело-возы.

Переваливаем Яблонувый хребет. Вот и поселок с каменными двухэтажными домами, гаражами и складами. Сворачиваем с главной трассы на курорт Талая. Там ночуем в доме дирекции. Он отапливается водой из горячего источника. Принимаем с дороги ванну.

Северная здравница вся в снегах. Высятся двухэтажное деревянное здание центрального корпуса. Около источника — длинный ванный корпус. Курорт строится и расширяется.

— Попробуйте огурчиков и помидоров из наших теплиц, — угощает директор курорта. — Для отдыхающих у нас круглый год свежие овощи. Отопление бесплатное. Будем теплицы расширять, воды хватит.

Утром опять мелькают за стеклами кабины благоустроенные поселки. В Ларюковой заезжаем к топографам. Здесь у них своя картографическая фабрика.

Отъехав несколько километров, посещаем Оротуканский завод горнообогатительного оборудования. Надо оформить заказы на ремонт нашей техники. Директор завода говорит:

— Мартеновский цех у нас построен в 1942 году. А сейчас мы всю Колыму обеспечиваем качественным стальным сложным и крупнофасонным литьем, стальной болванкой. В прошлом году мартеновский цех превысил почти на 250 процентов свою проектную мощность. Поэтому были выполнены в срок важные заказы... А насчет ремонта тракторов, бульдозеров и буров обращайтесь в Спорненский автозавод.

Поселок Спорный — узловой транспортный пункт. Отсюда отходит от главной трассы ответвление на Утинские прииски и паромную пристань на реке Колыме.

Спорный — уютный благоустроенный городок. Вдоль его улиц выстроились каменные двухэтажные дома со всеми удобствами, длинные цехи завода. Обедаем в уютной чистой большой столовой. С руководством авторемонтного завода быстро договариваемся о выполнении заказов.

Подъезжаем к мосту через Колыму. Колымчане его берегут. В небывалый осенний паводок тридцать девятого года воды разбушевавшейся Колымы почти достигли пролетов высокого моста. Он дрожал под напором стремительного потока. Шоферы поставили на мост большую колонну тяжело нагруженных автомашин, нагрузка на устои была усилена, и мост выстоял.

Мы ночуем в поселке Левый берег в специальном доме, построенном на случай приезда представителей дирекции. Обхожу обширные помещения этого пустующего здания, «выдержанного» в стиле ампира и думаю: «Излишество явное... Хорошо бы передать его детскому туберкулезному диспансеру, в котором лечатся дети со всей Колымы, или центральной

оздоровительной больнице. И диспансер и больница здесь же в поселке. Как депутат, обязательно внесу такое предложение в райисполкоме...»

В Ягодном — центре Северного горного управления — расstaюсь со своим попутчиком, который едет дальше, до Берелёха.

— Буду ждать на Левом берегу, — говорит он, прощаясь.

Покидаю Ягодный и на попутной машине еду на Мылгу. Проезжаем мимо работающих приисков. Вижу конусы промытой породы и заготовленные за зиму желтые отвалы золотоносных песков.

Вечером, приехав в райисполком, узнаю, что ...сессия час тому назад закончилась. Опоздал!

Переночевав в школе-интернате, я с группой депутатов посещаю колхозные фермы. В теплицах делают навозные горшочки для рассады. Осматриваем свиноводники, птичники.

— Оленья стада показать не могу, в тайге пасется, — говорит председатель. — Да и большинство колхозников сейчас промышляют пушнину.

Местные жители давно уже покинули свои дымные юрты и все живут в новых домах с электрическим освещением. В магазине есть все для охотников и домохозяек. Колхозники живут зажиточно. Это чувствуется в каждом доме, куда мы заходим. Все одеты хорошо, по-городскому. Молодежь носит костюмы, платья, джемперы, приобретенные в магазине. Почти у всех наручные часы. В каждой квартире есть швейные машины, охотничьи ружья, радиолы, велосипеды, книжные полки с книгами на якутском и русском языках. И все, кого ни спросишь, учатся: кто в школе, кто на разных курсах, в кружках.

— Средства в местный бюджет поступают большие, не успеваем их даже осваивать, — замечает председатель и рассказывает депутатам о планах строительства на следующий год.

Вечером за мной приходит машина Тасканской ТЭЦ. Мы проезжаем мимо совхоза Эльген. На его обширных полях уже виднеются кучи вывезенного навоза. Поблескивают на солнце стекла огромных теплиц. Почти круглый год снабжает совхоз свежими овощами горняков Северного горного управления.

Алексей Сергеевич Карпов, старый колымский житель, главный инженер ТЭЦ, говорит:

— Электростанция работает на эльгенском угле. Его подвозят по шестидесятикилометровой узкоколейке. Уголь приходится подсушивать на барабанах моей конструкции. С небольшой примесью аркагалинских углей он хорошо горит. Мы снабжаем горняков электроэнергией бесперебойно и в достаточном количестве.

Садимся обедать.

— Давай попробуем местную рябиновую настойку, — угощает меня хозяин. — Наш сосед, Тасканский пищевой комбинат, ее выпускает. В четырех цехах освоил производство экстрактов, витаминов, ягодного

джема и вин, сушеных овощей, маринадов, эфирно-флотационного масла, карбида кальция. Все для горняков. Больше чем на 25 миллионов рублей продукции дает...

На банке голубичного джема я вижу дальстроевскую марку: «ДС» «Тасканский пищекомбинат».

Едем по левому берегу Колымы. С трудом узнаю я те места, где мы когда-то со Степаном Дураковым спасались от наводнения. На ручьях, опробованных еще нами с Наташей, уже давно работают прииски.

Возвращаюсь в поселок Левый берег и на «Победе», дождавшейся меня, благополучно добираюсь до Усть-Омчуга.

Депутатские обязанности на практике оказались своеобразными. Все жалобы избирателей и конфликты приходилось разрешать на месте, с политотделами и начальниками управлений, комендантами поселков и отделами кадров; фактически вся власть была в их руках. В поселках сельских Советов не было. Да и расстояния приходилось учитывать: Средниканский райисполком находился, например, от Теньки и Усть-Омчуга в восьмистах километрах...

Каждая поездка на сессию убеждала меня в том, что административное районирование в наших местах бесконечно отстало от жизни. Настоятельно требовалось организовать на промышленных объектах новые административные единицы, а центры старых районов перенести в рабочие поселки, возникшие в тайге, приблизить Советскую власть к трудящимся.

Предстояла большая организационная перестройка.

• • •

Коренным образом изменились методы геолого-поисковых работ. В первые годы освоения Севера на вооружении геологов-разведчиков была несложная техника: геологический молоток, горный компас, карманная лупа, лоток для отмывки шлиха, лопата, кайло и буссоль, а разведка ограничивалась проходкой ручным способом небольшого количества выработок. И ходили мы тогда по опросным схематическим картам или совсем без них, сами занимаясь глазомерной съемкой.

В наши дни все стало иным. Геологи-поисковики имеют точные топографические карты, составленные при помощи аэрофотосъемки разных масштабов, обеспечиваются новейшими геофизическими приборами. Разведчики пользуются дробильными установками, буровыми станками. Геологов в тайгу теперь «забрасывают» на автомашинах, самолетах и вертолетах, а тяжелые грузы перевозят на тракторах.

Применение новых геохимических и геофизических методов поисков, современные способы установления возраста аллювиальных отложений,

внедрение станков ударно-канатного бурения на разведках — все это позволило геологам составить более совершенные поисковые и прогноз-ные карты, выявить, разведать и передать приискам новые участки в тех местах, где, казалось, все уже было выявлено и разведано.

Новая техника, новые методы работы потребовали расширения и углубления знаний. И тогда — в конце сороковых-начале пятидесятих годов — все колымские геологи крепко взялись за учение. Учились и перенимались «и стар и млад».

Вот, к примеру, мой старый знакомый Христофор Калугин. Много лет он жил и работал в Усть-Омчуге, человек не молодой, семейный. Он возглавляет дружный коллектив геологов, целое лето скитается в тайге. И вместе с тем упорно учится, собирает материалы для диссертации.

— Можешь меня поздравить, — сказал он мне однажды. — Допущен к защите... Это я-то, не имеющий законченного высшего образования!..

Теперь он — кандидат геолого-минералогических наук.

С Калугиным дружит Александр Сергеевич Красильников, тоже кандидат геолого-минералогических наук. Он заведовал в те годы петрографическим и минералогическим кабинетами в Теньке. Без его консультации и помощи не обходился ни один местный геолог. Трудоспособный и усидчивый, он защитил обстоятельную диссертацию, основанную на материалах собственной практической работы.

Супруги Баркан несколько лет работали на разведках всей семьей: муж — прораб, жена — начальник партии и сын подросток — рабочий, потом коллектор. Сильный, смелый, хорошо приспособившийся к таежной жизни, он был незаменимым помощником для родителей.

— Буду геологом! — говорил он как о давно решенном вопросе.

— Смена растущая, и уже с опытом, — подтверждал отец.

Каждый год новые отряды молодежи вливались в ряды колымчан. В подавляющем большинстве это были комсомольцы и молодые коммунисты. Многие из них прошли горнило войны. Все учились на разных курсах, становились квалифицированными специалистами.

Заведовал курсами и я, помогал готовить смену разведчикам недр Северо-Востока. И сам учился в Магадане, на курсах усовершенствования.

* * *

Идет разведка в долине реки Колымы, выше порогов. Мощные электрические буровые машины бурят вечную мерзлоту на десятки метров в глубину, разыскивая россыпные месторождения в самой долине, на высоких древних террасах и под ледниковыми отложениями. Мощность наносов заблаговременно и довольно точно определяют геофизики. Взрывы аммонита быстро углубляют шурфы и разведочные шахты, до-

еодят их до коренных пород. Электросверла делают в породе рассечку. На поверхность ее поднимают электрическими лебедками-скреперами.

Местами на глубоких шурфах уже работают опытные шурфовочные комбайны.

Стараемся как можно эффективнее и дешевле вести разведочные работы, механизуя их. Но еще не хватает оборудования.

Идут пятидесятые годы — годы быстрого развития технического прогресса в разведке и в добыче богатств Северо-Востока...

Теперь у меня, старожилы, депутата, кругозор шире, взгляд пристальнее. Очевидным становится мне, как огромны богатства недр Колымы и какая сравнительно небольшая часть этих грандиозных сокровищ разыскана, исследована и разработана. Много и честно поработали геологи и горняки, но впереди еще немалый путь, на котором их ждут поиски и открытия, напряженный труд на благо Родины, на пользу советским людям.

Этим моим мыслям я нашел подтверждение в материалах XX съезда нашей партии. Поистине огромно его значение для развития производительных сил Северо-Востока. Поставив большие задачи по дальнейшему увеличению объема промышленного производства, съезд указал, что выполнение их потребует вовлечения в хозяйственный оборот новых источников сырья, топлива, электроэнергии и прежде всего мобилизации огромных природных ресурсов восточных районов страны.

«Надо энергичнее вводить в действие огромные природные промышленные ресурсы на Востоке, — говорил в отчетном докладе XX съезду товарищ Н. С. Хрущев, — и обеспечить наиболее эффективное их использование в интересах дальнейшего развития производительных сил страны».

Да, будет где развернуться геологам, где приложить силы молодым поисковикам! Необъятны просторы Северо-Востока, несметны его сокровища. И разведка и разработка их должны получить значительно больший размах. Есть еще белые пятна на геологических картах Северо-Востока, они ждут своих первооткрывателей.

* * *

На десятки километров тянутся высокие отвалы породы и конусы промытой гальки и эфелей по широкой долине реки.

Мы разведываем уже частично отработанную долину, готовим полигоны для работы драг, узнаем, сколько еще металла осталось в целиках бортов долины и отвалах.

Четыре многоэтажные иркутские драги — эти мощные плавучие золотодобывающие фабрики, заменяющие труд двух тысяч горняков каждая, — уже который год работают в долине, двигаясь по ней вверх и вниз.

Успешно соревнуются они с американскими: прочные и производительные, намыывают больше металла, чем импортные, а стоимость добычи меньше.

Разведку дражных полигонов ведут мои старые знакомые Мика Асов (начальник разведочной партии) и Александр Егоров (начальник участка). Егоров, хотя и жалуется на свою старческую немощь, все еще бойко бегаёт по разведочным выработкам, буровым станкам и промывочным командам, следит за качеством работ и учит молодежь.

Все трое мы смотрим на разрез, посередине которого стоит в ажурном железном переплете цельнометаллический промывочный прибор. В крутящуюся с грохотом железную бочку с отверстиями по бесконечной ленте транспортера поступают золотиносные пески. Сильная струя воды обмывает в бочке глинистую породу. Вниз, из-под прибора, по транспортерам в одну сторону, к высоким отвалам уходит мытая галька, в другую — мелкие эфеля с водой. Под бочкой в шлюзах остается, оседая, тяжелый металл.

По разрезу снуют взад и вперед, как черные жуки, могучие бульдозеры, с ревом толкая к бункерам транспортера груды железной породы. А перед разрезом электрические экскаваторы, делая полный круг, ковшами быстро и методично ссыпают в отвал землю, раскрывая свои железные челюсти.

— Лихо теперь работают горняки с помощью машин! — замечает Егоров. — Раньше в разрезе и на приборе самое меньшее две, а то три сотни людей толкалось. А теперь раз-два и обчелся. До 800 кубиков в сутки промывает на приборе № 8 мой дружок горный мастер Кариус. Полтора суточных плана по промывке и два по добыче золота выполняет. До 80 тысяч кубометров за промывочный сезон обещает промыть.

До неузнаваемости изменилась техника добычи золота. На первых приисках Колымы лопата, кайло, тачка, лоток и «проходнушка» — сбитое из досок корыто для промывки золота, вот и все, чем располагали старатели-горняки.

Добыча и промывка песков производилась только летом, открытым способом и в таких ключах, где «торфа» — верхние слои породы, не содержащие золота, — были мелкими.

Первый промывочный прибор — бутара, появившийся в 1930 году, мало повышал производительность труда. Это была колода из досок с грубошерстным сукном на дне. Колоду устанавливали возле реки или ручья с некоторым наклоном к воде. В верхнюю часть бутары лопатами набрасывали грунт, затем разбивали комья и поливали водой. Пустая порода смывалась, а крупинки золота оседали на дне и застревали в ворсе сукна. К этим примитивным промывочным приборам грунт доставля-

ли в тачках и конных грабарках. В разрезах люди толкались, как на базаре.

Вскрыша торфов зимой тогда производилась пожогами. Бурение шпуров — вручную ломami. Позднее, когда для рыхления вечной мерзлоты стали применять аммонит, взорванную породу вывозили в деревянных коробах по ледяным дорожкам или на конных грабарках.

Производительность труда была чрезвычайно низкой: рабочий за смену едва успевал накайлить, погрузить и вывезти на отвал полтора-два кубометра торфа.

Теперь там, где двадцать-тридцать лет тому назад мы, геологи-разведчики, странствовали по безлюдным берегам безымянных речек, выросли технически передовые предприятия — современные советские «фабрики золота».

Уже в 1956 году на Колымских приисках золотоносные пески промывались только при помощи цельнометаллических приборов, изготовленных местными заводами по проектам магаданских конструкторов. На приборах установлены электронные самородкоуловители; они «просматривают» промытую породу и закрывают доступ ценному металлу в отвал. Главное достоинство металлических приборов состоит в том, что они переносные, извлекают золото почти полностью и освобождают прииски от огромного расхода строительного леса для сооружения деревянных промывочных приборов. С целью увеличения производительности труда на новых приборах стали применять различные средства автоматизации и дистанционного управления.

В результате механизации горных работ, самоотверженного труда горняков, механизаторов и рационализаторов производительность труда на вскрыше торфов увеличилась за шесть лет в шесть раз и в 1956 году составляла 47,6 кубометра на человека в день.

Производительность на промывке за восемь лет увеличилась в четыре раза и достигла почти 20 кубометров на человека в день.

В 1950 году на одном из месторождений реки Берелёх начала работать первая на Колыме электрическая драга — мощная плавучая золотодобывающая фабрика. Ежегодно вводились в эксплуатацию по две новые драги, и в 1956 году на приисках Магаданской области уже работало 10 драг. Они добывали золото на 40 процентов дешевле средней стоимости по Дальстрою.

Применяется на Колымских приисках и старательская добыча. Много разбросано по тайге мелких или наспех отработанных ключей с малыми запасами металла. Государству разрабатывать их невыгодно. А небольшие старательские бригады, вооруженные к тому же современной техникой, трудятся здесь с успехом; люди хорошо зарабатывают и сдают государству немало золота.

Мы с Асовым шагаем по укатанной дороге, идущей по левому пологому увалу долины. Увал в лилово-бордовом пламени цветущего кипрея. Среди высоких стеблей изредка торчат обгорелые пни и тянутся столбы высоковольтной линии. За сотни километров, с Аркагалинской электростанции пришла сюда энергия.

Поднимая пыль, нас обгоняют машины, груженные продуктами и техникой. Вдоль дороги тянутся постройки приисков.

Проходим под канатной дорогой. Высоко над нами скользят вагонетки с рудой к обогатительной фабрике. Гора, откуда они бегут, настолько высока, что буровая вышка геологов-разведчиков на ее вершине кажется крохотным треугольником.

Я не раз бывал в штольне рудника, ведущей в глубь горы. То и дело приходилось сторониться, прижимаясь к щербатым стенам, чтобы пропустить встречные электропоезда, груженные сероватыми глыбами. Лабиринтами штреков пробирался в забои, где бурильщики умело направляли сверла, вгрызающиеся в скалу. Когда шпур пробурят, в них заложат аммонит, и сила взрыва обрушит многие десятки тонн руды.

Впервые на руднике начинают бурить одновременно несколькими перфораторами, осваивают новый буровой станок. Алмазными коронками уменьшенного диаметра шпур пробуриваются в полтора раза быстрее. Это значительно увеличивает производительность рудника.

Протяженность выработок превышает восемьдесят километров. Рудник вырабатывает пока только самые богатые жилы и зоны. Но геологи уже разведали, подсчитали и доказали, что вся гора — это рудное тело, содержащее несколько граммов золота на тонну. За счет ее частичного разрушения и размыва и образовывалось в течение миллионов лет богатое россыпное месторождение в долине.

— Этой горки руднику хватит на столетия, — замечает Мика. — А вот, если открытым способом, мощными механизмами ее сверху разрабатывать, другой бы табак был. Черпай руду, добывай металл, сколько хочешь! Воду для обогатительной фабрики круглый год из-под вечной мерзлоты можно доставать. Скважину пятисотметровую пробурить — и вся недолга...

Мы беседуем о будущем Колымы, о том, как самоотверженный труд советских людей на Крайнем Северо-Востоке коренным образом изменил облик этого сурового края.

Область и ее районы. Промышленные, сельскохозяйственные и культурные центры. Чукотский национальный округ. Его развитие. Размышления над статистикой.

IX. МАГАДАНСКАЯ ОБЛАСТЬ

На общих собраниях трудящиеся Колымы единодушно высказывались за своевременность организации новой Магаданской области и необходимости более удобного районирования её.

В конце 1953 года районы Верхней Колымы и Чукотки были выведены из состава Хабаровского края. Указом Президиума Верховного Совета СССР была образована Магаданская область. Эта область — самая молодая в Российской Федерации и самая обширная в Союзе. Её площадь превышает 1 миллион 200 тысяч квадратных километров, то есть больше, чем территория Англии, Западной Германии, Бельгии, Голландии, Дании и Швейцарии, вместе взятых.

Южные районы области находятся на широте Ленинграда, а северные — далеко за Полярным кругом.

В 1957 году на территории Магаданской области был образован экономический административный район с центром в городе Магадане. Там же находится совнархоз.

На территории Магаданской области имеются пятнадцать административных районов.

Ольский район с районным центром в селе Ола расположен на побережье Охотского моря. Здесь находятся рыбопромысловые колхозы, рыбозаводы Магаданского рыбтреста. Главная отрасль хозяйства и основное занятие жителей — рыбный промысел. Колхозники и рыбаки государственного лова ежегодно вылавливают десятки тысяч центнеров сельди, кеты, горбуши.

В Ольском районе два молочно-овощеводческих совхоза, снабжающих население Магадана и соседних районов. Наиболее крупные населенные пункты района — Тауйск, Балаганное, Армань, Брохово, Талон.

Районный центр Ола — древнейшее на Охотском побережье поселение. Здесь есть средняя школа, Дом культуры, районная больница, электростанция, неподалеку — санаторная лесная школа для детей колхозников.

Омсукчанский горнопромышленный район с центром в поселке городского типа Омсукчан. Здесь разместились рудник, обогатительная фабрика, а также угольные шахты. В районе работают многочисленные геолого-поисковые партии. С Магаданом Омсукчан связан автомобильной дорогой и морскими путями сообщения.

Омсукчан — благоустроенный поселок. Здесь есть Дом культуры, средняя школа, больница, кинобаза, промкомбинат.

Северо-Эвенский район с центром в селе Эвенск. Это село — одно из самых молодых в Магаданской области. Район на востоке граничит с Камчатской областью. Так же, как и Ольский, Северо-Эвенский район — рыбопромысловый. Колхозники и рыбаки рыбопромысловых комбинатов вылавливают в заливе Шелехова десятки тысяч центнеров сельди. Помимо рыбного промысла, жители Северо-Эвенского района занимаются оленеводством и охотой на пушного зверя.

Средниканский район с районным центром в поселке городского типа Сеймчан. Профиль района — сельскохозяйственный. Здесь несколько национальных якутских колхозов и крупный молочно-овощеводческий совхоз «Сеймчан». Основной отраслью в колхозах является молочное животноводство.

В Сеймчане размещены базы экспедиций, полевые и поисковые партии которых работают далеко за пределами Средниканского района.

Центр Сусуманского района — поселок городского типа Сусуман. Этот район, так же как и соседний, Ягоднинский, отличается хорошо развитой горной и угледобывающей промышленностью. В 1958 году исполнилось двадцатилетие существования предприятий — первенцев золотой промышленности этого района — приисков «Мальдяк» и «Ударник». В 1939 году неподалеку от Сусумана были открыты прииски «Большевик», имени Чкалова и другие, действующие до настоящего времени. В 1950 году в бассейне реки Берелёха была введена в эксплуатацию первая на Колыме драга. С каждым годом в Сусуманском районе работает все больше драг.

В Сусумане базируется Сусуманское горнопромышленное управление, объединяющее все горнодобывающие предприятия района.

Неподалеку от Сусумана, в Аркагале и Мяундже, в самом центре горнодобывающей промышленности Магаданской области и Восточной Якутии находится крупный топливно-энергетический узел. Аркагалинские шахты снабжают высококачественными углями предприятия не только Сусуманского, но и соседних районов области. Немало угля направляется и на прииски Индигирки — в восточные районы Якутии. Ежегодно шахтеры Аркагалы добывают более полумиллиона тонн угля. На базе местных углей в районе работает крупнейший в области энергокомбинат. Отсюда в горные районы Магаданской области и на Индигирку идут высоковольтные линии электропередачи, подающие электрическую энергию десяткам приисков, горных участков, рабочим поселкам.

В Сусуманском районе работает Берелёхская автобаза. Вблизи от районного центра раскинулись угодья совхоза «Сусуман».

Районный центр Сусуман — один из наиболее благоустроенных поселков Магаданской области. Здесь есть средняя школа с интернатом,

районный Дом культуры, кинотеатр, библиотека, универмаг, гостиница, двухэтажные жилые дома со всеми удобствами.

Наиболее крупные населенные пункты Сусуманского района: поселок геологоразведчиков Нексикан, поселок углекопов Аркагала, поселок автотранспортников Берелёх, поселок энергетиков Мяунджа, поселки Большевик, Дrajный, Комсомолец, Мельдяк, Ударник, Широкий.

Тенькинский район с центром в поселке городского типа Усть-Омчуг расположен в верховьях реки Колымы. Здесь широко развита горнодобывающая промышленность: работают прииски имени Гастелло, «Бодрый», рудники имени Матросова и имени Белова, а также рудник «Хениканджа», добывающий, помимо золота, также и олово.

В районе несколько обогатительных фабрик. Широкое развитие получила дражная добыча золота. Работой всех горных предприятий руководит Тенькинское горное управление.

На территории района работает большой отряд геологоразведчиков. В районном центре размещается база Верхнеколымской геологоразведочной экспедиции.

Поселок Усть-Омчуг — один из крупных населенных пунктов области. Здесь средняя школа с интернатом, крупные ремонтно-механические мастерские, электростанция, стадион, радиоузел, продовольственные и промтоварные магазины, столовые-рестораны, двухэтажные дома с центральным отоплением. В живописной местности на берегу Колымы расположен летний пионерский лагерь.

К числу крупных населенных пунктов Тенькинского района относятся: поселки Палатка, где размещена автомобильная база, Омчак, Транспортный, Кулу, Гвардеец, имени Матросова и имени Гастелло.

Центр Ягоднинского района — поселок городского типа Ягодный. На территории района размещены: прииски «Бурхала», «Пятилетка», «Штурмовой»; заводы — Оротуканский, ремонтирующий горное оборудование, Спорнинский авторемонтный, Аткинская автобаза и десятки разведочных участков и поисковых геологических партий. В районе есть большой молочно-овощеводческий совхоз «Эльген».

Поселок Ягодный существует с 1936 года. Первые золотые прииски, открытые в 1929—1935 годах находились на территории теперешнего Ягоднинского района.

В Ягодном находятся управление и база геолого-разведочной экспедиции, ведущей поиски полезных ископаемых, на огромной территории. В поселке работает ремонтно-механический завод горного оборудования.

Через весь Ягоднинский район проходит центральная автомобильная магистраль, соединяющая Магадан с другими районами области и с Восточной Якутией. На 1100 километров через тайгу и горные перевалы протянулась эта дорога жизни, путь к богатствам Колымо-Индигирско-

го края. Сотни тысяч тонн различных грузов перевозят ежегодно по этому шоссе.

К числу наиболее крупных населенных пунктов Ягоднинского района относятся поселки: Оротукан, Спорный, Атка, Мякит, Стрелка, Дебин, Таскан, Эльген, Бурхала, Верхний Ат-Урях, Штурмовой.

Во всех районных центрах Магаданской области имеются хорошо оборудованные типографии, издаются районные газеты, созданы дома культуры. В поселках области действует около двухсот средних, семилетних и начальных школ, более 140 радиоузлов. Перед революцией же здесь было всего 4 начальные школы с пятью учителями, 11 церквей, 32 часовни, 17 попов, 72 шамана и 4 кабака.

Больше половины территории Магаданской области занимает Чукотский национальный округ с его восемью административными районами: Чаунским, Восточной Тундры, Марковским, Ильтинским, Чукотским, Провиденским, Анадырским и Беринговским. Окружной центр — поселок городского типа Анадырь.

Чукотский национальный округ образован в 1930 году. До включения его в 1953 году в Магаданскую область он входил в состав Хабаровского края. Площадь Чукотского национального округа превышает 720 тысяч квадратных километров. На его территории могли бы разместиться три государства: Греция, Испания и Дания.

В Чукотском национальном округе живут главным образом чукчи, занимавшиеся еще недавно исключительно кочевым оленеводством и охотой на пушного зверя. Лишь очень незначительная часть населения округа жила оседло на морских побережьях. Это чукчи и эскимосы — охотники за морским зверем.

Народности, населявшие северо-восточную окраину царской России, были обречены на вымирание. Полуголодное существование, болезни, бесправное положение, жестокая эксплуатация со стороны русских и особенно американских купцов и колонизаторов — таков был удел жителей Чукотки.

Решительная борьба с вековой отсталостью чукотского населения началась только с приходом Советской власти. При помощи русского народа, под руководством Коммунистической партии началась грандиозная перестройка жизни и быта народностей Крайнего Севера.

Первые родовые национальные Советы и районные исполкомы провели на Чукотке большую работу и сыграли огромную роль в развитии политического самосознания чукчей, эскимосов и других народностей. Первые Советы энергично защищали права и интересы народа, боролись за выполнение законов Советской власти, за всемерное повышение благосостояния и культурного уровня жителей далекой окраины. В 1927 году был проведен Первый съезд Советов Чукотки. К тому времени здесь насчитывалось около пятидесяти местных Советов.

Примерно в эти же годы на Чукотке возникли первые коллективные хозяйства — товарищества по совместному выпасу оленей и совместной добыче пушного и морского зверя. Немного позднее во всех районах округа были созданы колхозы, объединившие оленеводов, охотников — добытчиков пушнины и морского зверя — и рыбаков. Коллективизация создала условия для перехода кочевников к оседлому образу жизни.

Планомерное хозяйственное освоение Чукотки началось в тридцатых годах, после создания здесь национального округа. На Чукотке были открыты богатые месторождения цветных и редких металлов, угля, строительных материалов. Были построены рудники, прииски, обогатительные фабрики, открыты угольные шахты. В Чукотском национальном округе создана мощная индустриальная база. Одновременно с открытием горнопромышленных предприятий во всех районах округа развернулось жилищное и культурно-бытовое строительство.

К числу промышленных районов в Чукотском национальном округе относятся Чаунский район с центром в поселке городского типа Певек. Этот район находится за Полярным кругом и занимает значительную территорию на побережье Восточно-Сибирского моря. Здесь расположены горные предприятия, добывающие олово: рудник «Валькумей» и прииски «Красноармейский» и «Куйвиеем».

Певек — центр Чаун-Чукотского горнопромышленного управления. Здесь работает большой отряд геологов-разведчиков, ведущих поиски полезных ископаемых в тундре. Промышленные предприятия и поселки района обеспечивает электроэнергией Певекский энергокомбинат.

Певек — это и крупный морской порт на северном побережье Чукотки. Через него идет интенсивный завоз грузов по Северному морскому пути из Мурманска, Архангельска и других портов. Сюда через Берингов пролив приходят караваны судов из Владивостока. Немало грузов поступает в Певекский порт по реке Колыме.

Промышленным районом округа является также Иультинский район с центром в поселке городского типа Эгвекинот на берегу залива Креста. В этот район входит и остров Врангеля. На этом острове живут чукчи-олeneводы и охотники — члены колхоза имени Н. С. Хрущева.

В Иультинском районе идет крупное промышленное, жилищное и культурно-бытовое строительство. Строятся новые поселки для горняков, энергетиков, строителей.

Богаты полезными ископаемыми и другие районы Чукотского национального округа. В районе Восточной тундры (районный центр Анюйск) открыты богатые месторождения цветных металлов. Геологические отряды ведут в тундре детальную разведку этих месторождений. Открыт прииск Билибино. Угольные шахты на побережье Берингова моря снабжают морские суда и предприятия местной промышленности.

Во всех районах Чукотского национального округа развито оленеводство, ставшее одной из важнейших доходных отраслей колхозного производства. Стада чукотских колхозов насчитывают более 300 тысяч оленей.

Большую роль в хозяйстве играет морской зверобойный промысел: охотники Чукотки ежегодно добывают большое количество моржей, нерпы, лахтака и другого морского зверя. На Чукотке работают два морзверокомбината — Пloverский и Мечигменский.

Окружной центр Анадырь — крупный поселок городского типа. Здесь размещены окружные комитеты КПСС и ВЛКСМ, исполком окружного Совета депутатов трудящихся. В Анадыри есть Дом культуры, краеведческий музей, педагогическое и медицинское училища, школа колхозных кадров; выходят две окружные газеты: «Советская Чукотка» — на русском языке и «Советкэн Чукотка» — на чукотском языке, издается «Блокнот агитатора» — также на чукотском языке.

* * *

Я сижу в своем кабинете. За окном синеет вечер. Тихо падает снег.

Вижу улицу, которую пересекает широкая автотрасса, уходящая далеко в сопки. На просторной площади поселка — здания горнопромышленного управления, столовой-ресторана, магазинов, детского сада, жилые дома. Ярко светятся окна клуба. Клубное здание со стройными колоннами, красивым подъездом, у которого выставлены афиши: «Сегодня в кинозале демонстрируется фильм «Повесть о настоящем человеке»; в лекционном зале — доклад на тему «Двадцать пять лет Дальстроя». И еще одна афиша, извещающая, что коллектив художественной самодеятельности готовит к постановке пьесу «Гроза». Доносятся отдаленные звуки оркестра.

По улицам снуют пешеходы. Раздаются гудки машин, тяжело грохочут тракторы и бульдозеры. Сверкая стеклами и голубой окраской, разворачивается и отправляется в рейс сорокаместный автобус. Сколько горных перевалов, ущелий промелькнет перед его пассажирами! И точно по расписанию он будет на берегу Охотского моря, в Магадане.

Телефонный звонок. Я поднимаю трубку. Телефонистка сообщает, что разговор с Москвой состоится через сорок минут.

Я сажусь на диван и устраиваюсь поудобнее. Скоро услышу Наташин голос из Москвы.

Перелистываю изданный в Магадане юбилейный сборник «Дальстрой к 25-летию».

Читаю:

«Капитальные вложения на геолого-разведочные работы с 1932 года увеличились в 1950 году — в 104 раза, в 1956 году — в 135 раз».

За 25 лет на геологические исследования в районе Северо-Востока было затрачено свыше трех миллиардов рублей (в старых деньгах). Две трети территории края были покрыты геологическими съемками. В отдельные годы число работников геолого-разведочной службы достигало 20 тысяч человек. Таких масштабов исследования северных просторанств не знала ни одна капиталистическая страна.

«Особое внимание должно быть уделено дальнейшему освоению природных богатств восточных районов СССР», — так решил внеочередной XXI съезд КПСС, так записано в контрольных цифрах развития народного хозяйства страны на 1959—1965 годы, в семилетнем плане.

Эти слова для нас, бывалых разведчиков недр Северо-Востока и для молодых геологов, начинающих свой путь по таежным просторам, приобретали особенно глубокий смысл в сочетании с другим указанием партийного съезда: «увеличить общий объем геологоразведочных работ примерно на 67 процентов».

Партия призвала геологов продолжить путь на Север и Восток, идти к новым и новым открытиям во имя великой цели — создания материально-технической базы коммунизма.

*На самолете. «Магадан не принимает!..»
Старый и новый Сеймчан. Столица Колымского края. Нагаевский порт. Особенности климата. Магаданская интеллигенция. Культурная жизнь. Будущее молодого города.*

Х. МАГАДАН

Я возвращаюсь из отпуска на Колыму. Вторые сутки, прилетев из Хабаровска, мы сидим на аэродроме в Охотске и ждем летной погоды.

Конец декабря. По всему Охотскому побережью свирепствует пурга: гуляют обычные для этого времени года циклоны — гости из Японии.

На вокзале сотни пассажиров с нетерпением ожидают, когда «откроется» Магаданский аэропорт. Наконец, пурга как будто стихает. Из города Охотска на потеге собак привезли почту. Улетает первый самолет.

За ним — наш. Летим над причудливо клубящимися тучами, залитыми ярким солнечным светом. Далеко внизу под крыльями самолета изредка в «окнах» виднеются свинцовые волны с белыми гребнями. Скоро должен быть Магадан.

Из кабины выходит командир самолета.

— Товарищи пассажиры! Магадан нас не принимает. Летим на Сеймчан. Там переночуем. Будет погода — вернемся в Магадан.

Мы все дружно проклинаем погоду, но постепенно, под мерный гул моторов, успокаиваемся.

Внизу уже простирается бескрайняя, так хорошо знакомая, редколесная тайга. Через полтора часа, покинув построенный в древнерусском стиле аэровокзал, я иду в Сеймчан.

Два года прожил с семьей в этом большом благоустроенном поселке. В жаркий день прошлым летом улетел я отсюда.

Как непохож теперешний Сеймчан на тот, который мы увидели в тридцатых годах, проплывая мимо по Колыме в Верхне-Колымскую экспедицию! В широкой сеймчанской долине теперь расположены два населенных пункта — колхозный поселок Нижний Сеймчан и центр Среднеканского района — рабочий поселок Сеймчан. И тот и другой ничем не напоминают прежнего жалкого селения.

Якуты — жители Нижнего Сеймчана — давно объединились в сельхозартель «Искра» и поселились в солидных деревянных домах. С наступлением темноты в их жилищах светят яркие электрические огни. Удобная мебель заменила нары из грубо отесанных бревен. Местные жители носят одежду городских фасонов, сшитую из добротных тканей. У многих колхозников есть швейные машины, патефоны, велосипеды, радиоприемники. У охотников — новые ружья. У рыболовов — хорошая снасть. Жизнь впроголодь, памятная старшему поколению, ушла в безвозвратное прошлое. В колхозном поселке есть школа — просторное светлое здание. Дети постарше живут в районном центре, учатся в интернате при средней школе. Колхоз имеет свой медицинский пункт. В нем работают врач и фельдшер. Есть агроном-овощевод, зоотехник и ветеринарный врач. В уютном помещении колхозного клуба часто демонстрируются кинофильмы, выступают участники художественной самодеятельности, колхозники слушают лекции и доклады.

Государство отпустило артели «Искра» большую ссуду на электромеханизацию производства. В большом длинном коровнике работает электродоильный аппарат. В коровник, на парники, на поля воду качают электронасосы. На скотном дворе установлена зернодробилка. Мощный бульдозер ежегодно расчищает от кустов, кочек и пней сенокосные угодья.

В районном центре — рабочем поселке Сеймчан — все устроено по-городскому. Красивые служебные здания и жилые дома-коттеджи образуют прямоугольные кварталы. Несколько хорошо оборудованных магазинов полны товарами. Во многих домах — центральное паровое отопление, телефон, радио. Ключом бьет культурная жизнь. Издается районная газета «Сеймчанская правда». В каменном двухэтажном Доме культуры

помещаются кинотеатр и библиотека. На большом стадионе происходят различные спортивные соревнования. Дети рабочих и служащих воспитываются в детском саду, в яслях, обучаются в средней школе. Есть средняя школа для молодежи и взрослых. Имеется районная партийная школа. В геологическом музее собрана богатая минералогическая коллекция. Там читаются лекции на геологические темы. Есть в Сеймчане больница, поликлиника, станция скорой медицинской помощи, аптека, рентгенокабинет, лаборатория.

Вблизи поселка, на берегу Колымы, в живописной местности находится дом отдыха и пионерский лагерь «Березовая роща».

В теплицах совхоза, расположенного в 4 километрах от поселка, созревают богатые урожаи огурцов, помидоров и кабачков. Остальные овощи вызревают в открытом грунте.

Зимой комфортабельный автобус связывает районный центр с Магаданом. Летом по реке Колыме плавают катера и пароходы. С низовий Колымы, из бухты Амбарчик, пароходы все лето регулярно доставляют грузы для приисков.

В Сеймчане размещалась база территориального геолого-разведочного управления, с 1960 года разделившегося на две экспедиции, разведочные партии которых работают далеко за пределами Средниканского района. Местные рейсовые пассажирские самолеты и вертолеты за несколько часов доставляют геологов и их грузы за Полярный круг, на побережье Ледовитого океана, на вновь открытые месторождения Восточной тундры. Вернувшись с полевых работ, геологи зимой в хорошо оборудованных лабораториях обрабатывают собранные за лето материалы — «камеральничают».

* * *

Наш самолет, приближаясь к Магадану, делает широкий круг. Тень от машины скользит по заснеженным склонам сопок, по бурной поверхности бухты, окруженной широким белым кольцом припая. Вот тень достигла берега и побежала по крышам домов.

Под крылом — Магадан. Самолет идет на посадку.

Небольшой, но уютный аэровокзал гостеприимно встречает прилетевших. Пассажиры садятся в такси. Дорога не дальняя, но город скрыт за сопками.

Только на шестом километре автотрассы открылся из-за поворота Магадан — весь сразу, от дымящихся труб механического завода на северо-западе до цехов промкомбината на юго-востоке. Город расположен на пологих склонах перешейка длиной в три километра и шириной в шесть километров, между бухтами Нагаева и Гертнера, открытый для ветров с моря и с суши. С севера и с юга город окружен сопками высотой 450—470 метров.

Я десятки раз приезжал в Магадан и каждый раз испытывал чувство радости, увидев вновь этот быстро растущий, всегда меняющийся город.

Навстречу идет сплошной поток грузовиков и автобусов. По обе стороны шоссе тянутся почти сплошь занесенные снегом постройки. Машина пересекает по широкому мосту речку Магаданку и выезжает на проспект Ленина, прямым лучом пронизывающий город с севера на юг. Это главная магистраль Магадана, увенчанная высокой ажурной вышкой телецентра.

Четырехэтажные каменные корпуса обрамляют проспект на всем его протяжении. Вдоль тротуаров, отгороженных литыми чугунными решетками, стройно стоят заснеженные лиственницы и красивые уличные светильники.

В городском парке построен стадион с трибунами на пять тысяч зрителей. Большое здание с белокаменными портиками возвышается на его правом фланге. Это дворец физкультуры.

Неподалеку от главного входа в парк построен широкоэкранный кинотеатр «Горняк». От парка культуры берет свое начало Портовая улица, выросшая в послевоенные годы. Вдоль дороги, ведущей к порту, выстроились в ряд четырехэтажные жилые дома. Далеко на окраины отступили ветхие лачужки.

Против огромного здания Магаданского совнархоза на широкой площади стоит памятник Ленину.

Разросся и поселок Нагаево. На самом берегу бухты стоит паротурбинная электростанция, сооруженная в послевоенные годы. К причалам бухты подходят огромные океанские суда — комфортабельные пассажирские пароходы, грузовые дизель-электроходы, танкеры. Сотни тысяч тонн грузов доставляют они в Нагаево.

В Нагаевском порту могут швартоваться одновременно несколько судов. Десятки автопогрузчиков и шесть мощных кранов ведут разгрузочные работы.

Даже в январе не пустуют портовые пирсы. То и дело в морозной мгле возникают очертания приближающихся кораблей. С помощью лебедок и авиации суда преодолевают ледяные поля Охотского моря и Тауйской губы.

Много заботы проявляют партия и правительство о Магадане. Особенно благотворно сказалось на развитии города образование Магаданской области.

Климат приморского северного города суров. Двести десять дней в году температура воздуха ниже нуля. Двести шестьдесят один день из трехсот шестидесяти пяти дымат трубы котельных. В холодное время года резкие ветры дуют с охлажденного материка в сторону моря; в теплое время — сырые студеные ветры устремляются с моря на сушу. В самые «жаркие» месяцы — июле — августе — в Магадане никогда не бывает так

тепло, как например в Ленинграде, находящемся на той же широте. Летом здесь гораздо холоднее, чем на Колыме и Индигирке. И в летнее время нет-нет да и пойдет вдруг снег, разыграется пурга.

Шестидесят пять дней в году над Магаданом плывут серые клубящиеся туманы, сорок дней метут по городским улицам метели. Нередко зимой ветры достигают ураганной скорости — сорока метров в секунду и более. Снежные заносы иногда бывают так велики, что останавливается движение транспорта, а сугробы достигают крыш одноэтажных домов и проводов на телеграфных столбах.

Осенью и зимой над Охотским морем проносятся циклоны. Они сопровождаются снегопадами и метелями. При этом температура воздуха резко повышается. Старожилы помнят январь 1944 года, когда морозы сменились оттепелью. На улицах города появились лужи. Такая же оттепель была и в январе 1954 года.

Весной, летом и осенью часто идут морозящие дожди. Из ряда вон выходящим явлением был проливной дождь, ливший, как из ведра, целые сутки 18 декабря 1955 года.

Магаданцы привыкли к неласковой и капризной погоде, которая иногда меняется по нескольку раз в сутки. Не только привыкли, но и приспособились к ней и используют всякую возможность, чтобы взять у скупой природы хотя бы частицу того, что она щедро дарит жителям центральных и южных районов страны. Зимой любители охоты по первому снегу отправляются на лыжах в окрестности города промысливать зайца и куропатку. Многочисленные рыболовы уже в феврале в воскресные дни выходят на лед бухты, долбят там лунки и ловят корюшку и навагу.

Больше всего солнечных дней бывает в марте, апреле и мае. В эти месяцы, по воскресеньям, с раннего утра группы лыжников усеивают распадки Марчekanской сопки или устремляются в долину речки Камешки, притока Магаданки. Ослепительно блестит снег под яркими лучами солнца. Лыжники обнажаются до пояса, а иногда остаются в одних трусах — и загорают. Принимать солнечные ванны на лыжах магаданцы выходят целыми семьями. Чудесная прогулка дает отличную зарядку.

В начале марта начинает подтаивать снег. Однако конец зимы наступает позднее. Весна обычно затяжная и холодная. Иногда первомайская демонстрация проходит под сильным снегопадом.

Стаивает снег, как правило, к середине мая, а на северных склонах гор лежит до конца июня. На Марчekanской сопке, в одной из седловин, снег часто лежит все лето.

Долгожданная зелень появляется в июне. Зеленеют лиственницы, зацветают золотистые рододендроны. В июне магаданские огородники сажают картофель, капусту, редис, репу, лук. В это же время начинают распускаться березки, рябина и тополь. Единственное в Магадане дерев-

це черемухи, которое растет в саду музея, зацветает в конце июня, но цветет оно не каждый год.

В июне и июле муссоны и бризы приносят на побережье влажный и холодный воздух, туманы и низкую облачность. Стоит пасмурная холодная погода. Однако в то время, когда по улицам города ползут клубы тумана, в его пригородах — на Веселой, Дукче, в пионерском лагере «Северный Артек» — прекрасная солнечная погода. Даже в одном часе ходьбы от города, на реке Каменушке, в такие дни можно хорошо загореть. Оттуда видно, как плотная пелена тумана покрывает склон сопки, на котором расположен город.

В августе здесь поспевают ягоды — голубика, морошка, шикша, а позднее и брусника. К середине августа появляются грибы. Жареные и маринованные маслята, подосиновики, подберезовики и сыроежки разнообразят стол, а варенье из жимолости и брусники может поспорить с любым «материковым».

Быстро проходит короткое лето. В начале сентября желтеют лиственницы. В середине этого месяца улетают на юг стаи гусей. К концу первой недели октября обнажаются деревья, выпадает первый снег. Начинается долгая зима.

* * *

В молодом городе Магадане много интеллигенции. Местные ученые вносят ценный вклад в науку. Сотрудники работающего в Магадане Всесоюзного научно-исследовательского института золота и редких металлов решают проблемы организации горных работ и строительства в условиях вечной мерзлоты, вопросы применения радиоэлектроники в горном деле, разрабатывают конструкции бурильных молотков и других приспособлений.

Магаданские ученые-метеорологи Н. Ключин и А. Бондарев возглавляют высокогорную экспедицию в край снегов и ледников — на горный хребет Сунтар-Хаята. Там создана первая на Северо-Востоке высокогорная метеостанция.

Конструированием различных горных машин занято Магаданское центральное конструкторское бюро, в котором работают более ста инженеров и техников.

В Магадане находится штаб геологов — Северо-Восточное геологическое управление. Магаданские геологи приняли участие в составлении общегосударственных геологических карт. Почти полностью завершена геологическая съемка территории области в большом масштабе. Предстоит работа по подготовке более детальных карт.

Геологи А. П. Васьковский и Л. А. Снятков опубликовали ряд трудов по геологии Северо-Востока. Детальные геологические карты, составленные геологами дальнего Севера, вошли в новую геологическую

карту Советского Союза 1956 года, созданную под руководством академика Д. В. Наливкина и удостоенную Ленинской премии.

Сейчас ведутся работы по составлению тридцатого тома «Геологии СССР», посвященного Северо-Востоку. Начальником экспедиции, подготавливающей материалы для этого тома, в Магаданской области работает Алексей Петрович Васьковский. Он избран председателем Магаданского отдела Всесоюзного географического общества.

По организации здравоохранения Магадан не уступает городам центральных областей страны. Здесь есть прекрасно оборудованные больницы для взрослых и детей, в том числе психо-неврологическая, онкологический диспансер, поликлиники с новейшим оборудованием. Население города обслуживают пять городских поликлиник, девять здравпунктов и другие лечебно-профилактические учреждения.

В 1954 году в Магадане создана санитарная авиация, на которую ассигнуется ежегодно до миллиона рублей.

Уже восемь лет в городе существует ночной санаторий-профилакторий. В живописных окрестностях города летом функционирует пионерский лагерь «Северный Артек», а зимой — дом отдыха «Снежная долина».

Сейчас в Магадане две средние школы с одиннадцатилетним сроком обучения. На базе трех семилетних школ созданы школы-восьмилетки.

В городе есть филиал всесоюзного заочного политехнического института с вечерним отделением. Профиль филиала очень широк — двадцатью специальностями овладевают его студенты.

Готовятся кадры и в специальных средних учебных заведениях. В горно-геологическом техникуме — около восьмисот студентов, в том числе дети народностей Северо-Востока. Учащиеся здесь приобретают специальности геологов, геофизиков, горняков, горных электромехаников, топографов, а также плодоовощеводов, механизаторов сельского хозяйства и ветеринарных фельдшеров. В трех корпусах техникума — светлые аудитории, прекрасно оборудованные лаборатории и кабинеты. 1700 специалистов, выпущенных за период существования техникума, плодотворно работают на предприятиях Северо-Востока и Сибири. На заочном отделении техникума учатся около восьмисот студентов.

До тридцати тысяч специалистов массовых профессий обучается на курсах и в учебных комбинатах Магаданской области.

Самое молодое учебное заведение в городе — педагогическое училище с 200 студентами, выпускающее преподавателей для эвенских школ.

1 сентября 1961 года прозвенел звонок на первую лекцию в первом в Магадане «своем» высшем учебном заведении. С фасада здания была снята табличка «Магаданское педагогическое училище» и ее место заняла новая — «Магаданский педагогический институт».

Рабочая молодежь города посещает занятия в вечерней средней школе, в молодежном университете культуры, учится на вечерних курсах.

Магадан — культурный город. В нем есть музыкально-драматический театр, отделение Союза писателей РСФСР, объединение композиторов, областное отделение Союза художников, Дом народного творчества, Дворец спорта, комитет по радиовещанию и радиочентр, телецентр.

Энтузиасты-радиолюбители организовали здесь в 1957 году радиоклуб, построили радиостанцию, которая установила более тысячи двухсторонних связей со всеми континентами земного шара. Радиолюбители наблюдают за советскими спутниками Земли и космическими кораблями. Они же соорудили в Магадане любительский телевизионный центр, который 1 января 1959 года начал местные телевизионные передачи.

Характерная цифра: посещаемость кинотеатров в Магадане почти в три раза выше средней посещаемости по всему Советскому Союзу.

Кроме широкоэкранного кинотеатра «Горняк», кинотеатров «Моряк» и «Новости дня», в городе функционирует 40 киноустановок. Новые кинофильмы жители города смотрят одновременно с москвичами и ленинградцами.

Магаданцы охотно посещают и свои клубы — их в городе двенадцать. Клубные коллективы художественной самодеятельности часто выезжают в горняцкие и рыбацкие поселки и совхозы. Постоянную помощь самодеятельности, в особенности коллективам национального искусства, оказывает магаданский Дом народного творчества. Работники его принимают деятельное участие в создании чукотско-эскимосского ансамбля песни и танца.

Старейшее культурно-просветительное учреждение Магадана — краеведческий музей. Одним из первых его организаторов был энтузиаст-краевед и натуралист А. П. Хмелинин. В 1959 году музею исполнилось четверть века. В основном фонде музея свыше 18 тысяч экспонатов, отображающих природные условия, археологию, прошлое и настоящее дальнего Севера. В научной библиотеке музея, насчитывается около девяти тысяч книг, немало редких изданий.

Непрерывно растет число читателей городских библиотек. Больше половины взрослого населения города записано в библиотечных абонементах. Очень многие собирают личные библиотеки.

В области и за ее пределами все больше читателей завоевывают себе книги, изданные в Магадане. Выпуск книг здесь был организован еще в 1940 году, но тогда издательство Дальстроя «Советская Колыма» занималось главным образом переизданиями. С организацией в 1954 году Магаданского областного книжного издательства начался выпуск политических, художественных, детских, краеведческих, научно-популярных

и других книг, написанных местными авторами. Книги выпускаются на русском, чукотском, эвенском и эскимосском языках.

Вокруг издательства объединяются местные писательские силы. Этому во многом способствует издание литературно-художественного альманаха «На Севере Дальнем».

Периодически выходят литературно-художественный сборник для юных читателей «У моря студеного» и репертуарный сборник «На клубной сцене», «Блокнот агитатора», технический журнал «Колыма», научные журналы «Материалы по геологии Северо-Востока» и «Краеведческие записки». Издаются областные газеты «Магаданская правда» и «Магаданский комсомолец».

Ежедневно по восемь часов ведет передачи магаданское радио.

Социалистическая культура проникла в самые отдаленные уголки области. В жизни народностей Севера — якутов, эвенов, чукчей, чуванцев, эскимосов, ительменов, коряков, юкагиров — произошли глубокие перемены.

Сотни юношей и девушек из коренного населения учатся и, получив образование, работают на горных предприятиях, в геологических партиях, колхозах и школах. В Анадырском педагогическом училище и национальных школах почти все учащиеся — представители народностей Севера. Десятки выпускников этих учебных заведений окончили Ленинградский педагогический институт и другие вузы.

В советское время расцвело древнее искусство народов Дальнего Севера — резьба по кости. Мастерство резчиков поднялось на высокую ступень и завоевало мировую известность.

Возникла национальная литература. Имена зачинателя эвенской литературы Николая Тарабукина, первого чукотского прозаика Рытхэу и первого чукотского поэта Кеулькута, первого эскимосского летчика и поэта Юрия Анко стали известны далеко за пределами Дальнего Севера. Нельзя не вспомнить при этом, что народы Севера в недавнем прошлом не имели даже своей письменности, что до установления Советской власти на Колыме на каждые 100 местных жителей приходился только один грамотный, а на Чукотке из 11 тысяч чукчей лишь 74 человека владели первоначальной грамотой.

Женщины народов Севера, бывшие веками на положении рабынь, ныне управляют машинами, возглавляют оленеводческие и промысловые бригады, колхозы, сельсоветы.

* * *

Магадан — город, растущий с поразительной быстротой. В год своего десятилетия (1939) он насчитывал двадцать семь тысяч жителей. В 1959 году — шестьдесят две тысячи. А сейчас, спустя три года, в городе около семидесяти тысяч жителей.

По зову партии, по путевкам комсомола из Москвы и Ленинграда, Новосибирска и Свердловска, Киева и Минска, Тбилиси и Еревана прибыли сюда люди, которые теперь называют себя магаданцами, колымчанами. Но не только за счет приезжающих растет население города; в среднем за год в Магадане рождается около 1500 детей.

Комсомол как бы шефствует над Колымой, питая ее кадры все новыми и новыми пополнениями.

Уже первые экспедиции Ю. А. Билибина и В. А. Цареградского почти сплошь состояли из молодежи.

Эстафету первого полуторатысячного эшелона молодых дальневосточников, прибывших в ноябре 1931 года на пароходе «Сястьстрой», подхватили московские комсомолцы. Они прислали в 1932 и 1936 годах новые отряды молодежи. В 1939 году в Магадан по путевкам ЦК ВЛКСМ приехало около пяти тысяч человек.

26 января 1939 года из Владивостока вышел целый караван судов. Ледокол «Красин» вел четыре больших парохода. «Ледовый рейс» длился тридцать восемь суток. Только 5 марта суда бросили якоря у нагаевских причалов. Большинство пассажиров — коммунисты из Москвы и Ленинграда. В августе 1945 года пароход «Феликс Дзержинский» привез в Магадан двухтысячный отряд комсомолок-хетагуровок. Более семи тысяч молодых москвичей и ленинградцев сошли с парохода на берег бухты Нагаева в 1956 году.

Труд молодежи вложен в сооружение каждого здания в Магадане.

Те, кто были новоселами в тридцатых годах, давно стали старожилыми Магадана и Колымы.

Широко развернулось среди молодежи соревнование за звание бригад коммунистического труда.

* * *

Магадан сегодня в лесах новостроек. Везде высятся строительные краны, вырастают новые здания. Запланировано провести большие работы по озеленению и благоустройству города. Будут разбиты газоны и цветники, посажены многолетние деревья. Предстоит открытие памятников Феликсу Эдмундовичу Дзержинскому, Алексею Максимовичу Горькому, Юрию Александровичу Билибину.

Изменился и характер застройки города. Городские здания будут иметь не менее четырех этажей и лишь в пригородных поселках — один, два этажа. Квартиры в капитальных жилых домах рассчитаны на заселение только одной семьей.

Проект генерального плана строительства города предусматривает сооружение домов общей жилой площадью 500 тысяч квадратных метров, пятнадцати ясель, двадцати детских садов, семи школ, больницы,

поликлиники, двух бань и других зданий. Таковы настоящее и будущее Магадана — молодого социалистического города на Дальнем Северо-Востоке.

Новый этап в развитии Магаданской области. Механизация горных работ. Новые открытия геологов-разведчиков. «Золотая цепь». Ученые — о перспективах области. Проект межконтинентальной железной дороги. Ленская нефть. «Имени Раковского...», «имени Билибина...».

ХІ. КОЛЫМА И ЧУКОТКА СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

С образованием Магаданского экономического района начался новый этап хозяйственного и культурного строительства в области.

Еще более ускорилось развитие разнообразных отраслей хозяйства. Растет горнодобывающая промышленность, усиливается топливно-энергетическая база, расширяется производство строительных материалов и товаров широкого потребления.

Закончено или заканчивается строительство ряда новых, оборудованных по последнему слову техники крупных предприятий, приисков, рудников, обогатительных фабрик. Сооружено центральное энергетическое кольцо. Магадан с его океанским портом Нагаево стал индустриальным городом. Рыбачьи поселки Певек и Эгвекинот превратились в морские порты.

Рабочие поселки Сусуман, Ягодный, Усть-Омчуг, Сеймчан, Омсукчан стали районными промышленными центрами.

Заканчивается полная механизация всех видов горных работ. Полностью механизирована вскрыша торфов, разработка и промывка грунта на открытых месторождениях, проходка наклонных стволов и горизонтальных выработок. На вскрыше торфов и промывке успешно работают гидравлические установки, мощные стосильные бульдозеры, бесшумные электрические экскаваторы и тракторные скреперы.

В 1962 году на приiske «Большевик» рядом с обыкновенными бульдозерами появились 300-силные бульдозеры Челябинского завода.

На трудоемких подземных работах используются врубовые машины, горные комбайны, электровозы, подъемные машины, электросверла, скоростные алмазные буровые станки и другие новейшие механизмы.

Подъемные лебедки на многих шахтах переведены на полуавтоматическое управление. Переведены на автоматическое управление дробильные цехи обоганительных фабрик и промывочные приборы.

В борьбе за технический прогресс участвуют не только инженеры, но и рабочие. Из года в год растет число рационализаторов и изобретателей. По их предложениям внедрены в производство усовершенствованные промывочные приборы, буровые станки на гусеничном ходу, искатели жил, установки для промывки проб при разведке россыпей, скреперные лебедки, новая вскрышная машина — центрифуга и многое другое оборудование. Все эти нововведения позволили сэкономить миллионы рублей.

Некоторые изобретения колымчан получили распространение за пределами области и имеют всесоюзное значение. Так, изготавливаемая в Иркутске для «Лензолота» уникальная драга с ковшами емкостью 600 литров снабжена радиоэлектронным самородкоуловителем, сконструированным в Магадане. На Иркутском заводе тяжелого машиностроения начато серийное изготовление таких драг. Прибор «искатель жил», применяемый на Колыме, получил широкое признание во многих геологических управлениях Советского Союза. Производство его начато и в Китайской Народной Республике.

Пятидесяти двум совнархозам отправляется топливная аппаратура с маркой Магаданского промкомбината. Изготавливающему ее цеху не было предъявлено ни одной рекламации. Добрая слава об изделиях комбината распространяется далеко за пределами области.

* * *

Одновременно с организацией Магаданского экономического района было создано Северо-Восточное геологическое управление. Штаб геологов края находится в Магадане. Здесь разрабатываются основные программные указания районным геологическим управлениям, планируются экспедиции, подводятся итоги всех разведок и поисков на территории Магаданской и Камчатской областей.

Летом в тайгу выходит более 300 изыскательских партий и отрядов. Они вооружены современными высокопроизводительными буровыми станками, современной геофизической аппаратурой, искателями жил, радиометрическими приборами.

За последние 2—3 года геологи Северо-Востока сделали ряд крупных открытий.

Старый колымчанин, начальник Северо-Восточного геологического управления Израиль Ефимович Драбкин говорит:

— Мы, магаданские геологи, испытываем радость и удовлетворение, когда находим новое месторождение россыпного золота в районах дея-

тельности старых горных управлений. Металл в таких случаях бывает обычно скрыт под мощными ледниковыми отложениями или «прячется» на высоких водораздельных террасах.

— Вот на Чукотке, — добавляет главный геолог управления Николай Петрович Анисеев, — находить и разведывать неглубокие россыпи — дело простое. Но с каждым годом приходится забираться все глубже и глубже. Колымский опыт очень помогает при работах в тамошних условиях...

Своими открытиями геологи установили, что через весь Северо-Восток, по дуге Яна — Индигирка — Колыма — побережье Ледовитого океана — Чукотка тянется огромная «золотая цепь».

Чукотка стала богатым районом добычи золота. Уже в 1959 году в районах Восточной тундры и Чаунском начали работать новые прииски — «Билибино» и «Комсомольский».

Еще недавно среди некоторых руководителей горных управлений (тогда подведомственных Дальстрою) была распространена пессимистическая теория «затухания» добычи золота на Колыме, истощенности запасов драгоценного металла. Геологи доказали обратное: не иссякло колымское золото!

Открываются все новые и новые перспективы: обнаружены месторождения не только золота, но и олова, вольфрама, ртути, выявлены признаки нефтеносности на Чукотке.

Вступили в строй новые предприятия в районе Колымы: прииски «40 лет октября», имени XXI съезда КПСС; в начале 1961 года началась проходка ствола первой шахты прииска «Экспериментальный», организованного для проведения научных экспериментов, направленных на дальнейшее совершенствование и автоматизацию разработки подземных россыпей.

Изменились названия некоторых предприятий. Так, прииск «Верхний Ат-урах» Ягоднинского горнопромышленного управления в мае 1961 года по просьбе трудящихся переименован в прииск имени Берзина — в память одного из первых руководителей строительства на Крайнем Севере Эдуарда Петровича Берзина, оклеветанного и погибшего в период культа личности Сталина.

Магаданский совнархоз вступил в социалистическое соревнование с Якутским совнархозом. Часть приисков, рудников, автобаз и других предприятий бывшего Дальстроя, расположенных на территории Якутии — на Индигирке, Яне и Алдане, отошла в Якутский совнархоз. Но связь их с Магаданской областью самая тесная: снабжение этих предприятий техникой, продовольствием, электроэнергией, топливом и автотранспортом в большинстве случаев идет по-прежнему через Магадан. Технически более мощный Магаданский совнархоз помогает своему соседу.

За последние годы местные партийные и советские организации стали уделять особое внимание оленеводству.

Это ведущая отрасль животноводства в Магаданской области. По количеству оленей она занимает первое место среди других областей и республик Советского Союза.

Денежные доходы от оленеводства составляют около половины всех доходов колхозов. Общественное оленеводство ежегодно дает населению области 35—40 тысяч центнеров мяса.

Изменился быт оленеводов. Пастухи три раза в день получают горячую пищу. Бригада возит с собой трехмесячный запас продуктов. Исчезли навсегда изнуряющий холод, духота и темнота яранги. Пастух, приходя с дежурства в светлый теплый домик, меняет меховую одежду на костюм, сорочку и ботинки. Бригады имеют радиоприемники, настольные игры, библиотеки. Грамотная молодежь теперь охотно идет работать в оленеводство.

В январе 1962 года в Магадане состоялось зональное совещание лучших оленеводов, охотников, рыбаков и звероводов Севера и Восточной Сибири. В течение трех дней они вели большой разговор о своих делах и планах, обменивались опытом, определяли наиболее верные пути дальнейшего освоения богатств Севера.

Подбор кадров, механизация в оленеводстве, организация крупных нагульных стад, постройка баз с дезинфицирующими установками, оборудование забойных площадок-ледников помогут к концу семилетки довести количество оленей в области до одного миллиона голов.

Оленеводство развивается и в таком дальнем районе Севера, как остров Врангеля. В 1948 году туда было впервые привезено 40 оленей. Теперь на острове пасутся большие олени стада колхоза имени Н. С. Хрущева.

Колхозники Северо-Востока с 1955 года стали заниматься клеточным звероводством; оно успешно развивается. Организованы десятки звероферм, где разводят драгоценных норок, голубых песцов, серебристо-черных лисиц. В качестве корма используется мясо морского зверя, отходы рыболовства, малопродуктивная рыба.

Восстанавливаются былые пушные богатства края. За последние годы в разных районах области выпущено в тайгу и тундру свыше тысячи соболей, несколько сотен норок и ондатр. Геологи летом нередко встречают этих новоселов, прекрасно прижившихся на новых местах.

В морях, омывающих территорию Магаданской области, много рыбы и морского зверя. В Охотском море — тихоокеанская сельдь, кета, горбуша и навага, в реках — хариус, нельма и другие виды рыб. Их добыча возрастает с каждым годом. Этому способствует улучшение технических средств промысла: теперь все чаще можно встретить на морских просто-

рах Северо-Востока быстроходные китобойные суда, шхуны, сейнеры, мотоботы.

Крупные успехи достигнуты и в сельском хозяйстве области. При самых неблагоприятных почвенных и климатических условиях многие колхозы, совхозы и подсобные хозяйства стали получать по 10—12 тонн картофеля и по 18—20 тонн капусты с каждого гектара, а на участках передовиков — вдвое больше.

В совхозах теперь не редкость годовые надои молока по 3—4 тысячи килограммов от каждой коровы, лучшие же доярки надаивают и по 5—6 тысяч килограммов. По 130—140 яиц в год от каждой несушки получают птицеводы.

Теплолюбивая культура — помидоры — выращивается не только в закрытом, но и в открытом грунте.

Совхозы и подсобные хозяйства получили много тракторов и новейших сельскохозяйственных машин. Почти все трудоемкие работы в растениеводстве механизированы.

Еще в тридцатых годах на Чукотке появились энтузиасты полярного земледелия из числа коренных жителей. Чуванка Ксения Воронцова из колхоза «Ударник» Марковского района впервые в истории Чукотки взялась за выращивание капусты, репы, лука, за создание в колхозе молочной фермы. Президиум Верховного Совета СССР наградил ее орденом Ленина. Теперь выращиванием овощей и картофеля, молочным животноводством занимаются 18 колхозов и 27 подсобных хозяйств Чукотки. Даже в поселке Южном — в 50 километрах от берегов Северного Ледовитого океана — удалось вырастить не только картофель, но и салат, редис, лук, репу, морковь, укроп.

* * *

Летом 1959 года магаданцы поддержали патристический почин молодежи Иркутской области, проводшей массовый геологический поход, в котором приняло участие 20 тысяч человек. В ответ на обращение иркутян к комсомольцам и молодежи Сибири и Дальнего Востока тысячи магаданцев приняли участие в геологическом походе по просторам Колымы и Чукотки. Добровольцы-следопыты открывали новые месторождения строительных материалов, угля, золота и других металлов, помогая геологам.

Осенью 1959 года в Магадане состоялось первое региональное совещание по развитию производительных сил Магаданской области. В работе совещания участвовали видные ученые Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Иркутска, Якутска, Владивостока и других научных центров нашей страны, представители Госплана СССР, Госплана РСФСР, проектных организаций, министерств и ведомств, ученые Магадана, руководители местных партийных и советских организаций.

Участники совещания пришли к выводу, что Магаданский экономический район своими огромными запасами золота, олова, вольфрама, ртути и других ценных металлов резко выделяется среди многих экономических районов страны. На территории области открыты крупные угольные бассейны и месторождения, запасы которых оцениваются в 136 миллиардов тонн (Анадырская, Охотская, Аркагалинская угольные площади). Имеются данные о наличии нефти и природного газа. В различных районах области находятся скопления горячих вод, целебные источники.

Совещание признало, что развитие производительных сил Северо-Востока должно быть комплексным. В первую очередь следует обратить внимание на промышленное использование группы высокоценных металлов — олова, вольфрама, ртути и других, — а также на усиление поисков и разведки нефти.

Тесная связь металлогении Магаданской области с соседними обширными территориями вызывает необходимость координации исследовательских работ с Дальним Востоком и Якутской АССР.

Руководитель одного из крупнейших научных учреждений страны географ академик Иннокентий Петрович Герасимов заявил, что, по его мнению, первый период освоения Колымы закончен, наступил второй период — высокой техники, точного научного прогноза в освоении богатств, период широкого использования природных ресурсов Крайнего Севера. Академик Герасимов горячо высказался за создание в Магадане крупного научного центра в рамках Сибирского отделения Академии наук СССР. Магаданский центр по своим задачам и возможностям не должен уступать Якутскому филиалу АН СССР.

На совещании был поднят вопрос об охране природы, о сбережении лесных богатств области. Лес на Севере растет долго и трудно, а значение его в хозяйстве огромно.

Обсуждался и вопрос о генеральном плане развития всех видов транспорта — морского, воздушного, автомобильного, трубопроводного и железнодорожного. За послевоенные годы в этом отношении сделано многое. Создана сеть автомобильных дорог. Но они еще распадаются на отдельные изолированные звенья. Теперь необходимо эти звенья соединить и, в частности, завершить строительство Северо-Восточной автомобильной дороги, идущей от Магадана до станции Большой Невер на Забайкальском участке Транссибирской железнодорожной магистрали. Для завершения этого строительства необходимо взамен автозимников построить автодорогу Томмот — Якутск — Хандыга (880 километров) и достроить автодорогу Хандыга — Кадыкчан (735 километров). Тогда важнейшие промышленные районы Северо-Востока будут прочно связаны с железнодорожной сетью СССР.

В перспективе — создание железнодорожного пути Невер — Мага-

дан протяженностью примерно 2500 километров и дальнейшего его продолжения на Чукотку, до Берингова пролива. Это будет способствовать расцвету экономической жизни на всей огромной территории Якутии, Магаданской и Камчатской областей. Железная дорога до Берингова пролива протяженностью около 4000 километров два раза пересечет Полярный круг, на протяжении примерно 1000 километров будет проходить за Северным Полярным кругом. Дорога должна пересечь четыре горных хребта: Анадырский, Черского, Верхоянский и Становой. Стоимость дороги сторицей окупится эксплуатацией несметных сокровищ Крайнего Северо-Востока. Дорога станет важным звеном межконтинентального железнодорожного пути СССР—США.

Второй вариант железной дороги: Усть-Кут — Якутск — Магадан протяженностью около 3000 километров укорачивает общую длину межконтинентального пути. Хлеб, лес и железо Сибири, алмазы, золото, нефть и газ Иркутской области и Якутии, полиметаллические сокровища Верхоянья, золото Колымы — вот какие грузы будет перевозить новая дорога.

* * *

Утром 18 марта 1962 года над селом Марково Усть-Кутского района на высоком берегу Лены расстился туман. Вахту несла смена бурового мастера Фандеева.

Вдруг из буровой скважины глубиной 2164 метра забил мощный нефтяной фонтан. Он поднялся над берегом Лены сорокаметровым янтарно-голубым султаном, окутанным белесым бензиновым облаком. На землю, постройки и на людей хлынул ливень первосортной нефти. Ближайшая низинка в несколько часов превратилась в маслянистое нефтяное озеро. Фонтан выбрасывал за сутки тысячу сто тонн прекрасной нефти, содержащей до 80 процентов светлых продуктов.

Геологи, буровики и инженеры много лет трудились, отыскивая нефть и газ в недрах Иркутской области. И вот их труд увенчался успехом. Не дожидаясь наших дней энтузиаст разведки в Иркутской области Е. В. Кравченко. Буровыми работами руководили начальник партии В. М. Шалагин и старший геолог Л. К. Овченков. Много труда в это благородное дело вложили ученые, геологи и инженеры И. П. Карасев, В. С. Картышев, В. Г. Васильев, В. Е. Мосеев, В. М. Сеников, К. Г. Гинзбург, К. А. Совинский, М. М. Мендельбаум, С. Ф. Федоров, В. Я. Розенбаум, А. А. Трофимук и другие.

Долгое время считалось, что в Сибири нефти нет.

Сахалинские промыслы не могли удовлетворить потребности громадного края. Не улучшало положения и открытие нефти на территории Западно-Сибирской низменности — необозримые болота мешали добыче. Нефть в Восточной Сибири и Якутии обнаруживалась лишь в

древнейших кембрийских толщах, образовавшихся 450—600 миллионов лет тому назад. Много было сомнений, мешавших разведке. Возможны ли вообще богатые концентрации нефти в столь древних породах?

Ленская скважина блестяще доказала, что кембрийские толщи вовсе не пусты. Это сразу выдвинуло Сибирь, где кембрийские породы преобладают, в число наиболее перспективных нефтеносных районов. Иркутская нефть — это, видимо, первое звено нефтеносной цепи, которая протянулась от Саян по Лене вдоль Верхоянского хребта до Вилюйска и, возможно, до Ледовитого океана.

— Перед нефтеразведчиками поставлена задача — во втором полугодии 1963 года дать промышленную оценку новому месторождению, — рассказывает И. П. Карасев, директор треста «Востсибнефтегеология». Намечено провести сейсмические работы по изучению глубинного строения Марковской площадки. В 1962 году введено в действие семь буровых станков. Первого июня начала действовать первая буровая вышка.

Уже начата постройка железной дороги от Усть-Кута до Маркова. Очевидно, в дальнейшем потребуются продолжить ее до Магадана.

Скоро поток иркутской нефти пойдет вниз по Лене в Якутию и на наш крайний Северо-Восток.

Кембрийская толща нефтеносна. Это доказали и Ленская скважина и алжирская нефть, обнаруженная недавно в нижнекембрийских осадочных отложениях в Сахаре. Теперь более уверенно и настойчиво будут разведывать нефть в Магаданской области, на Камчатке, в Якутии, в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке.

Вскоре после того, как был укрощен фонтан на Марковской платформе, началась тщательная разведка нефтяной целины. Включились в работу три, потом пять, семь буровых станков.

И вот, накануне празднования 45-й годовщины Октябрьской социалистической революции, пятого ноября 1962 года буровая установка, расположенная в восьмистах метрах к северу от первой вышки, еще раз коснулась кембрии. Горизонт нефти был вскрыт на глубине 2152 метра, толщина пласта — пятнадцать метров. Бригада Ильи Головкова продолжала бурить. Очередной нефтеносный пласт был обнаружен на глубине 2169 метров. Толщина его не определена, потому что проходку скважины вести стало невозможно: из трубы выбрасывало газ, временами нефть. Бурильщики вынуждены были надеть специальные маски.

По данным геофизиков и геологов, ниже простирается еще шесть неразведанных нефтяных пластов.

Пять дней понадобилось на то, чтобы закрыть выход газам и нефти. Спустили эксплуатационную трубу, зацементировали ее, и вот скважина готова дать промышленную нефть. За 2—3 суток будет наполняться нефтью целый эшелон железнодорожных цистерн.

На противоположном — правом — берегу Лены бригада нефтяников из Татарии под руководством Александра Травина тоже открыла нефтеносный горизонт. А в полутора километрах от скважины Ильи Головкина бригада Василия Тимохина наткнулась на нефтеносный пласт, расположенный на целый километр ближе к поверхности. Это еще одна большая удача разведчиков.

* * *

Весной 1962 года я неожиданно получил в Иркутске телеграмму: «14 марта Раковский скоропостижно скончался».

Не верилось, что нет в живых веселого, энергичного, душевного друга и товарища, многолетнего таежного спутника, неутомимого до самозабвения работника, коммуниста, прошедшего без страха и упрека тропой открытий по суровой Колыме в суровое время. Он продолжает жить в памяти всех, кто его знал, всех работающих на горных предприятиях, которые он открыл и разведал на Колыме, Индигирке и Яне.

В Средниканской долине организуется новый прииск. Ему присвоено имя старейшего геолога Колымы — С. Д. Раковского.

Нет среди живых и первооткрывателя Колымы — члена-корреспондента Академии наук СССР Юрия Александровича Билибина.

Более ста пятидесяти научных трудов оставил он. Четвертый том его избранных произведений готовится к печати. В него войдет фундаментальная работа «Основы геологии россыпей». На примере важнейших золотоносных районов СССР — Ленского, Алданского, Колымского и других — автор рассматривает вопросы образования россыпей.

Основоположниками советской металлогенической науки по праву считаются С. С. Смирнов и Ю. А. Билибин. В своих трудах они разработали научные принципы металлогенических исследований, положили начало систематическому изучению металлогении Северо-Востока СССР, Джугджуры, Алдана и Тихоокеанского рудного пояса в целом. В настоящее время сотрудники Всесоюзного научно-исследовательского геологического института Министерства геологии и охраны недр СССР продолжают дальнейшую разработку этих вопросов.

Научные принципы Ю. А. Билибина применены при составлении металлогенической карты всей территории Советского Союза масштаба 1 : 5 000 000. Научный совет, принимавший карту, единодушно оценил ее как выдающееся достижение советской науки. Она во всех отношениях стоит значительно выше зарубежных металлогенических карт и является подлинным научным ключом к открытию сокровищ, таящихся в недрах нашей родной земли.

Осенью 1962 года возвратился из длительной командировки по горным предприятиям Якутии и Магаданской области мой младший брат Павел Иванович Галченко.

Много интересного рассказал он мне, бывшему таежному скитальцу, ныне живущему «на покое» в Иркутске.

— ...На Чукотке начал работать самый молодой в этих местах прииск имени XXII съезда КПСС.

Больше года на приiske имени Алискерова продолжалось строительство самой северной в мире драги. Дружный комсомольский коллектив успешно ее смонтировал. Драга сейчас, в конце лета 1962 года, начала добывать много золота, промывая за смену тысячи кубометров горной массы.

Близ все расширяющегося прииска «Комсомольского» Чауно-Чукотского управления геологи-разведчики нашли богатое месторождение ртуты. Скоро новый рудник возникнет на Чукотке. Хорошо работают горняки и в старых горных управлениях: Сусуманском, Ягоднинском и Тенькинском. Магаданцы принимают все меры, чтобы преодолеть отставание и выполнить годовой план по добыче металлов.

Я рассматриваю привезенные братом фотографии так хорошо знакомой, родной суровой Колымской тайги.

...Горы, покрытые белой пеленой раннего снега, выпавшего в августе. Автомашины, прикрытые шапками снега, едут по широкому Колымскому шоссе. Постройки Билибинского горного управления, живописно разбросанные в лесу.

— Здесь и на приiske имени Алискерова каждое дерево берегут, как зеницу ока, — замечает брат.

Многоэтажные корпуса Иультинской обогатительной фабрики на склоне безлесных сопков. Здесь всего несколько лет тому назад чукчи пасли табуны оленей...

Хочется увидеть все это самому, поработать, как в молодые годы. И невольно начинаешь завидовать молодым геологам. Как жаль, что нельзя вторично пережить радость трудных дорог вместе с советскими специалистами, работающими в Сибири, на Дальнем Востоке, Камчатке, Чукотке, в самых отдаленных уголках нашей необъятной Родины!..

Новое поколение геологов продолжает наш путь. И еще многим поколениям предстоит идти по нему. Неисчерпаемы богатства страны Советов, беспредельные горизонты открывает наука перед искателями земных кладов. За далью видны новые дали...

XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза, утвердивший грандиозную программу строительства коммунизма, большое внимание уделил вопросам развития промышленности в районах восточнее

Урала, обладающих колоссальными природными богатствами, сырьевыми и энергетическими источниками. Настало время, говорилось на съезде, коренным образом улучшить геологическую службу на Северо-Востоке, ибо ее успехами во многом будет определяться развитие производительных сил этого района.

Съезд подчеркнул великое гуманистическое значение работ по созданию могучей индустрии коммунизма: «Не производство ради производства, а производство ради человека — священный принцип деятельности партии и Советского государства».

Все для человека и во имя человека, во имя его счастья! Вот почему советские геологи, разведчики земных недр, идут в новые дали. Вот почему они продолжают путь.

СОДЕРЖАНИЕ

I. В Индигирскую тайгу!	5
II. Нежданные перемены	17
III. В поисках золота	33
IV. Левобережный маршрут	50
V. У полюса холода	66
VI. В дни войны	78
VII. Колыма послевоенная	85
VIII. Преображенный край	100
IX. Магаданская область	109
X. Магадан	115
XI. Колыма и Чукотка сегодня и завтра	125

Иннокентий Иванович Галченко
ГЕОЛОГИ ПРОДОЛЖАЮТ ПУТЬ

Редактор В. В. Сазонов. Художник А. Я. Салтанов.
Худ. ред. В. В. Щукина. Тех. ред. А. С. Елагин.

Сдано в набор 28 II 63 г. Подписано к печати 16 V 63 г. Формат бум. 70 × 90/16. Физ. п. л. 8,5
Усл. п. л. 9,94. Уч.-изд. л. 8,65. Изд. инд. СЭ303. А01635. Тираж 10 000 экз. Цена 26 коп. Зак. № 194.

Издательство «Советская Россия». Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Полиграфический комбинат Верхне-Волжского совнархоза, г. Ярославль, ул. Свободы, 97.